

Прот. Валентин
Амфитеатров

Небесный дар любви

Духовные поучения

Москва

2003

«Если Любишь Бога, то надобно любить и того, кого Бог любит; потому что когда мы любим кого, то любим и того, кого любимый нами любит».

Святитель Тихон Задонский

«Видя груды золотоносной земли, незнающий презрит ее, а знающий не презрит, ради крупниц золота, в ней заключенных: подобно сему, смотря на человека, представляющего неприятный вид необразованности, грубости, беспорядка, порока, невнимательный презрит его, а внимательный пожалеет, но не презрит, потому что и в сей неблагообразной глыбе есть золото — существо человека, и особенно его душа».

* * *

«Хочешь, чтобы тебя любили люди? Люби людей. Хочешь, чтобы тебе делали добро все без изъятия? Делай и ты добро всем без изъятия. Приятно было бы тебе, если бы с тобою все обращались кротко и смиренно? Будь сам кроток и смирен пред всеми».

Филарет, митрополит Московский

Творения протоиерея Валентина Амфитеатрова — замечательного Московского праведника — бесценное наследие для всех православных христиан. Протоиерей Валентин, сам пройдя тесным путем стяжания добродетелей и самоотвержения ради служения Богу, делится с нами полученным опытом в своих проповедях.

Еще при жизни батюшки послушать его слово собирались сотни людей. Отраднo, что в последние годы переиздаются книги о Валентине, к числу которых относится и настоящий сборник, впервые после переворота 1917 г. выходящий в свет.

Печатается по изданию: Прот. Валентин Амфитеатров.
Духовные поучения. М. 1911 г. Цензор — священник Александр Гиляревский.

ПОУЧЕНИЕ ПЕРВОЕ

I

*Хвалимся и скорбями, зная,
что от скорби происходит терпение,
от терпения — опытность,
от опытности надежда,
а надежда не постыжает*

(Рим. V, 3–5)

Э то слова из апостольского чтения, определенного св. Церковью на настоящий воскресный день. Апостол Павел благожелал, чтобы мы не были нетерпеливыми и малодушными при скорбях и утратах семейной и общественной жизни, которые не отнимают у нас внутреннего счастья, если мы их терпим в духе учения Иисуса Христа, по примеру, данному Им и Его апостолами. От терпения же происходит опытность. Опытность дарит нам надежду.

Терпение — величайшее достоинство в человеке. Научившиеся терпеть имеют твердость характера, владеют неоценимыми качествами осмотрительности, осторожности и великодушия. Терпение приобретается скорбями, поэтому скорби не должны нас смущать. Если нет скорбей, то нет и случаев приобрести терпение. Может ли богач понять нуждающегося бедняка, когда жизнь встретила его со всеми дарами наслаждений? Разумеется, он не может знать, как горек хлеб, принимаемый честным человеком, знающим, что такое голод, от чужого; как неудобно высоко крыльцо, на которое входит тот, кто вынужден по причине бедности и голода просить помощи и подаяния!

Ночи, бессонные от болезни и от чрезмерной работы, от мысли о несчастье друзей; тяжкие раздумья

о будущности своей, своей семьи, любимых; обесцененный труд, высокомерие начальника, унижающего подчиненного, бесприютность, неудачи — все это причиняет ужасные скорби! Нечего скрывать, многие погибают от них, не выдерживая их натиска, изменяют свое мировоззрение, теряют веру, делаются злыми, алчными, коварными, жестокими, порочными, бессовестными. Чем сильнее скорби, тем глубже их умственное и нравственное падение. Нетерпеливый человек под напором неудач жизни может прийти и до привычки к попрошайничеству у знакомых и незнакомых, и до стремления к захвату чужого, и довести себя до бесстыдства опьянения и публичного разврата. Душа, созданная по подобию Божию, имеющая назначение быть бессмертной, растрчена: образ Божий стирается, стыд исчезает. В человеке умирает “человек”, и остается носитель лишь внешней формы человеческого существа, наполненной жаждой гнусных страстей.

Чтобы нас не охватила такая беда, не подавили напасти, апостол Павел, согласно воззрению нашей религии, указывает на приятную сторону скорбей. Он ставит нам в пример для подражания образ Спасителя, Который за наши грехи претерпел бедность, ибо не имел, *где главу преклонить* (Мф. VIII, 20), осуждение, горе, тяжелые страдания, — чтобы показать всем верующим, что душа больше тела, что терпение составляет истинную честь и славу для христианина, что каждому человеку необходим подвиг. Когда Иисус Христос видел неповинных страдальцев, ненавидимых, гонимых, обманутых, покинутых, не имеющих крова, Он говорил им в утешение одно: *Терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. XXI, 19).

Те, которые вдумывались в Его слова, видели в них великую отраду, несли иго жизни благодушно. У них брали все, что они имели, брали неблагодарно; их гнали, подвергали презрению, нищете; им грозили доносами, отнимали у них семейные радости, лишали их честного имени, — но они в своих страданиях радовались, потому что научились терпению. При всякой неправде, под опускавшимся на них гнетом лишений, они вспоминали слова дорогого Небесного Учителя: *И будете ненавидимы всеми за имя Мое* (Мф. X, 22). *Всеми*, — то есть, будет скорбь вам и от детей, и от друзей, и от родных, и от соседей; и в городе, и в селе, куда ни пойдете; *но претерпевший до конца спасется* (там же).

Апостолы пламенно веровали в венец спасения, и это умиротворяло их. Всегда: и в храме на молитве, и на улицах, и в домах, и в темницах — их видели одинаково благодушными, строгими только к неправде, добрыми, жизнерадостными среди слушателей, хранящих слово Божие и поступающих согласно ему.

Римские христиане говорили апостолу Павлу: “За что ты терпишь? Ты учен, ты имеешь все достоинства, ты мог бы быть влиятельным, иметь и славу, и деньги, и богатство, жить и веселиться”. Он отвечал: *Скорбим ли мы, скорбим для вашего утешения и спасения, которое совершается перенесением тех же страданий, какие и мы терпим* (2 Кор. I, 6).

Итак, святой апостол видел отраду в перенесении скорбей, в том, чтобы быть полезным примером для тех, кто окружал и слушал его. Что же произошло потом? Этот многотерпеливый подвижник умер мучеником. Меч палача снес его честную, мудрую голову.

Но прошли годы, и он стал нашим первоверховным учителем. Нет дня, когда бы св. Церковь не поминала его и не назидала своих чад его учением и наставлением. Проповедник ищет у апостола Павла ответы на вопросы своих слушателей; трудящийся христианин, поучаясь чтением его посланий, развивает его словами свой ум, свое сердце, укрепляет свою волю.

Еще пример. Современнику св. Павла, апостолу Петру, ученики жаловались на людскую неправду. Они говорили, что ведут себя достойно, а о них распространяется дурная молва; трудятся, а их называют тунеядцами; молятся, а их приравнивают к неверующим; любят, а их ненавидят; помогают нуждающимся, а их помощь считают как бы подкупом. На все эти сетования св. апостол Петр в своем первом послании дал такой ответ: *То угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу. Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его* (1 Пет. II, 19–21). Вслушайтесь в эти слова первоверховного пастыря Церкви.

Советы благовестников не устарели, как не стареет и не умирает Истина. Возьмем их и сложим бережно в своем сердце как молитву, как завещание любимых родителей, и последуем им. В наше время скорби угнетают многих. От них нигде не спасешься, не убережешься. Они проникают и в бедную хижину, врываются и в чертоги, создаваемые роскошью. Льются невольные слезы, со всех сторон слышатся сердеч-

ные вопли. Но не будем ни роптать, ни злиться, ни впадать в пороки; не уступим ни одной пяди своих христианских убеждений, не падем при искушениях, но скажем, подражая словам апостола: “Мы, ученики и последователи Христа, хвалимся и скорбями, зная, что *от скорби происходит терпение*”.

II

Итак, не должно малодушествовать, испытывая скорби и бедствия, потому что от скорбей, как говорит ап. Павел, *происходит терпение, а от терпения — опытность* (Рим. V, 3—5).

Поистине опытность можно назвать дочерью терпения. Человек, имеющий достаток материальных благ и телесное здоровье, обычно не вникает глубоко в себя. И сегодня, и завтра, как всегда, перед ним есть все, в чем чувственная его природа имеет потребность. Он идет, куда хочет, у него свой дом, на улице — почет, в теле — крепость здоровья, в расположении людей, в развлечениях — нет отказа.

Предаваясь чувству довольства, счастливец забывает о своем бессилии: ему кажется, что он все может, что невозможное существует для других, а не для него. Он забывает о своей зависимости от Господа Бога. Кому неизвестно, что сытые, веселые и здоровые посещают храм Божий реже, нежели убогие и угнетаемые нуждой? “Пока гром не грянет над головой, беспечный не осенит себя знаменем креста”, — так можно перефразировать народную пословицу, сложившуюся из опыта и наблюдений.

Человек, жизнь которого проходит без скорби, мало думает о краткости земного существования. Всем

известно, какие чертоги строит себе прихотливый богач. Эти дворцы напоминают собой храмы. Известно также, что люди без скорби считают себя умнее, нежели они есть на самом деле. Под влиянием самомнения, они легко забывают о высших потребностях своей бессмертной души, о небесных благах. Их религия — очень часто сброд странных соображений, плод несообразных увлечений. Таковы все, не испытывавшие скорби.

Терпение же скорбей не дает человеку возможности впасть в самозабвение. Он и вчера, и сегодня, и всегда на страже — недремлющий и чутко прислушивающийся к голосу своей совести. На каждом шагу и каждый час он сознает свое бессилие. На собственном опыте он убеждается в непостоянстве и суетности земных благ. Он видит, как меркнет величие, как надувается и распадается спесь, как безнадежна крепость богатства, как скоропреходящи молодость и красота. Терпение скорбей научает усерднее молиться Богу и у Него искать помощи и подкрепления, на Него надеяться среди всяких бедствий настоящей жизни.

Христианин, ревностно подвизающийся на пути спасения, чем более испытывает печалей, тем более совершенствуется в духовной жизни. Страсть над ним бессильна. В горниле терпеливого перенесения скорбей, под молотом горестной доли люди перековываются в сильных духом праведников, которые дорожат честным словом; пренебрегают щедрыми подачками лиц, ими не уважаемых; стоят за правду, не смотря на опасность потерять все свое состояние и даже жизнь; плачут с плачущими и веселятся радос-

тями других; горячо и всем сердцем всем сочувствуют. На скорбном пути спасения христианин видит и испытывает на себе самом, как Божия сила совершается в его немощах (см. 2 Кор XII, 9). Любящие ученики ап. Павла, добрые его знакомые, болея за него, сетовали, зная, как много он терпит от лукавых людей. Он же, слыша об этом сочувствии к нему, писал: *Отец милосердия и Бог всяческого утешения утешает нас во всякой скорби нашей. Мы утешаемся, зная, что вы участвуете как в страданиях наших, так и в утешении* (2 Кор. I, 3, 7).

Вот что необходимо страдальцу: дружеское сочувствие. Всегда бывает грустно видеть, как от человека, впавшего в несчастье, отворачиваются до этой поры окружавшие его с похвалами приятели, но подвижник Христов радуется, сознавая, что они отошли от него не за его измену добру, но по собственному малодушию и самолюбию. Если мишура отпала от золота, то золото становится еще светлее и драгоценнее. Достигший опытности в христианских подвигах, св. апостол Павел писал своим друзьям: *Я научился, быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Флп. IV, 11–13). Так приобретает опытность в терпении.

Опытность окрыляет благочестивого христианина надеждой. Благодушно переносящий скорби скоро из собственного опыта узнает справедливость слов пророка Давида: *Господь мне Помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек? Господь мне Помощник,*

и я буду взирать на врагов моих. Лучше надеяться на Господа, нежели надеяться на человека. Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на князей (Пс. СХVII, 6–9).

В высшей степени утешительно это назидание великого, боговдохновенного певца для честного человека, который пробивает себе путь в жизни трудом, скорбями, лишениями. Ему не нужны покровители земные, они — смертные люди, они любят своих присных, а перед благодетельствованными являются подобием языческих идолов. Человек, привыкший путем покровительства сильных получать отличия, чины и титулы, возносится над своей средой, забывает Господа Бога и впадает в идолопоклонство, хотя в этом и не сознается. Он не поймет слов св. Павла из рассматриваемого нами апостольского чтения.

Истинный подвижник ободряется надеждой даже и в такое время, когда по видимости все против него: и люди, и земля, и воздух, и вода. Почему же ободряется? Потому что внимает приятнейшему голосу: *Блаженны вы, когда будут поносить вас, и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня* (т. е. за правду, за любовь, за добро). *Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. V, 11–12).

III

Но верно ли чувство надежды у христианина, не обман ли она, не мечта ли, навеянная недомыслием, гордостью и отчаянием? Нет, надежда не постыжает, — уверенно говорит св. ап. Павел. Надежда на Господа составляет для нас радость, свет и силу; она не обманывает. Люди нередко обещают и не исполняют, но верен

Господь во всех словах Своих!— восклицал в боговдохновенном псалме св. Давид (Пс. СXLIV, 13).

Грустно, что многие не знают слов Божиих или не узнают в них голоса самого дорогого, родного, близкого их душе, что надежда на других людей, или на земные блага, или же лично на себя часто более вожделенна, нежели счастье, обетованное словом Божиим. *Надеющийся на Господа*, по словам св. пророка Давида, уподобляется горе Сиону (Пс. СXXIV, 1). Он не надеется ни на покровительство сильных мира сего, которые смертны, ни на скоропреходящее богатство, ни на почести, которые исчезают как дым, но живет исключительно под охраной Божией. *Надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам* (Рим. V, 5).

Есть ли признаки того, что любовь Божия к нам раскрылась через изливание даров Святого Духа в наши сердца? Такое изливание в сердца верующих сперва торжественно совершилось в день Пятидесятницы, как только Дух Святый сошел на апостолов, и после того продолжается и донныне. Благодать Его изливается в сердца верующих через слово Божие и спасительные Таинства и всегда пребывает с ними, возрождая, укрепляя и совершенствуя их в духовной жизни.

Дух Святый усыновляет верующих Богу. У Него нет различия между знатными и незнатными, богатыми и бедными, многоучеными и неучеными, между полом женским и мужским, между старцем и юношей. Иисус Христос для всех равно доступен и близок. Все могут уповать на Него и любить Его

всем сердцем и всею душою, Он никого не отвергает и всем раздает Свои благодатные, спасительные дары по нужде и по достоинству каждого. Надежда не постыжает, потому что она у всех общая. Иисус Христос соделал спасение для всех и призывает ко спасению всех.

Внимая апостольскому учению о скорбях, терпении и надежде, возьмем из него для себя правила в руководство. Апостол Павел желал, чтобы последователи Иисуса Христа хвалились скорбями. Поэтому мы, если и не имеем столько великодушия и мужества, чтобы почитать за счастье терпеть скорби, встречающиеся на пути спасения, по крайней мере, будем стараться встречать их без смущения, с благодушием, с искренней готовностью переносить их ради Христа, нашего Спасителя.

Находясь под бременем болезней, убожества или тяжких обстоятельств, будем убеждены, что *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас* (Рим. VII, 18), если по благодати Христа Спасителя удостоимся быть участниками Его царства. Будем смиренно просить помощи у Господа, чтобы не изнемогать в печали и со спокойствием духа преодолевать всякие несчастья, непоколебимо уповая на благодать и человеколюбие Господа Спасителя, ибо Он — Помощник несчастным, Он — Утешитель скорбящим, Он — Врач больным, Он — Покровитель вдовиц, девственников и девственниц, Он — Отец сирот, Он — Надежда безнадежных.

Но будем заботиться и о том, чтобы и самим нам не быть виновными перед Господом за тяжелую

участь наших ближних. Кому не известно, что легче рассуждать и проповедовать о перенесении скорбей, нежели переносить их? Святой апостол Петр, говоря о взаимной любви и терпении скорбей, умоляет христиан внимать себе: *Только бы не пострадал кто из вас как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое* (1 Пет. IV, 15), утратив христианское и человеческое достоинство.

Быть завистником, или распутным, или ленивым, или пошлым, или грубым, — вот скорби поистине ужасные; вот клейма, трудно смываемые; вот позор семьи, неутешные скорби мужа, жены, детей, отца, матери и всех, нежно любящих и любимых. *А если, — говорит ап. Петр, — страдает каждый из нас как христианин, то не стыдись, брат мой, или сестра моя, или дочь моя, но прославляй Бога за такую участь* (1 Пет. IV, 16).

Как бы тяжела ни была наша скорбь, не будем колебаться в надежде на Господа. С какого времени наши сердца восприняли ее? С самого св. Крещения. Она продолжает изливаться в спасительных Таинствах исповеди и Св. Приобщения Тела и Крови Христовой, дающих нам право, подобно ап. Павлу, взывать к Спасителю: *Авва, Отче* (Рим. VIII, 15)!

Господи, Иисусе Христе! Пошли Ангела-Хранителя нам, рабам Твоим верным, до конца жизни, да поможет он нам идти без ропота, страха и пороков, среди соблазнов и среди всех скорбей, всегда соблюдая заповеди Божии и прославляя всесвятое имя Твое, Спасителя нашего, со Отцем и Святым Духом, ныне и во веки. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ВТОРОЕ о расслабленном

Истинно поучительный для христианина урок надежды дает евангельское повествование об исцелении Господом нашим Иисусом Христом расслабленного, т.е. человека, одержимого тяжким телесным недугом. У спасительных вод иерусалимской Вифезды больной терпел страдания, не теряя надежды на избавление, на то, что наступит счастливый день, когда благодетельная рука введет его в купель Божественного милосердия. Упование, искушенное терпением, не посрамило многолетних и неослабных ожиданий. Расслабленного исцелил Милосердный Господь, Спаситель мира, Иисус Христос.

И мы, христиане, введены *Ангелом Завета* (Мал. III, 1) в многоцелебную купель милосердия Божия через Крещение и другие Таинства. Уясним же в наше назидание следующий вопрос: какими путями человек может воспитать в себе и сохранить христианскую надежду? Вопрос не может быть лишним в настоящее время, когда повсюду слышны жалобы на тяжкое положение, на разбитое существование, когда опасения пересиливают упования, и нарушаются правильные отношения спокойной жизни и деятельности.

Надежда есть душа христианской жизни. Ее завещал человечеству Спаситель, возносясь на небо (см. Мк. XVI, 16; Лк. XXIV, 49). К ней отсылали верующих утешители осиротевшей Церкви — Ангелы (см. Деян. I, 11). Первые христиане, гонимые ненавистью и терзаемые неправдою мира, жили обетованием лучших дней и последующим поколениям завещали в своем предсмертном благословении упование

нескончаемых вечных радостей блаженства. Опыт этих учителей да будет для нас уроком христианского упования.

Прежде всего христианин должен усвоить слово Спасителя, сказанное одному из надеявшихся на Его чудотворную силу: *Если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему* (Мк. IX, 23). Этим Божественным изречением обнимаются все виды христианской надежды. Твердая, крепкая вера в Божественный Промысл, отечески бдящий над человечеством, способная устоять против всякого рода прельщений, угроз и смерти, порождает в душе человека спасительную надежду, которая может утешить его среди всяких обстоятельств и затруднений земного существования. Голос любви Божией слышен сердцу верующего,— голос, составляющий вечное удивление непостигающего ума и восторг упований: *человекам это невозможно, Богу же все возможно* (Мф. XIX, 26; Мк. X, 27).

Но, при глубокой вере, христианская надежда должна выражаться молитвенным прошением к Господу. Желания сердца должны быть похожими на просьбу. Он Сам сказал: *Просите и дано будет вам* (Мф. VII, 7), *просите и получите* (Ин. XVI, 24). Молитвенное прошение предполагает обдуманность желаний; им очищаются желания, противные видам христианской надежды, самодовольство, самохвальство, самопоклонение и другие свойства, не соответствующие нравственному чувству истинно верующих. С другой стороны, с истинной молитвой несовместимы безвременность и беспредельность прошений. Скромность и умеренность желаний, ограничи-

ваемых смиренным сознанием своего духовного несовершенства, придают осмысленность и разумность прошению христианина.

Такое прошение не может остаться без исполнения, ибо сказано: *И все, чего ни попросите в молитве с верою, получите* (Мф. XXI, 22), и не навлечет упрека, какой произнесен устами апостола людям, требующим у Господа успеха злым надеждам: *Просите и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вождлений* (Иак. IV, 3).

Христианская надежда как важнейшего условия успеха ее исполнения требует преданности Христу. *Полюбить Его всем сердцем, и всею душою, и всеми силами* (Втор. VI, 5), *всем разумением, и всею крепостью, всем умом и всем помышлением* (Мф. XXII, 37; Мк. XII, 33; Лк. X, 27),— вот степень преданности, за которой открывается уверенность в том, что все, чего ни попросим мы от Отца во имя Его, Он сотворит, *да прославится Отец в Сыне* (Ин. XIV, 13). Такая безусловная, искренняя преданность Господу завершает полноту человеческого возрождения и человеческую надежду обогащает радованием неперменного исполнения. *Кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода* (Ин. XV, 5).

К сожалению, примеры такой преданности в мире редки, но они возможны и действительны. Чаще же встречается преданность воле Божией неполная, неустойчивая, при которой человек попеременно способен предаваться то Богу, то маммоне (см. Мф. VI, 24).

При благополучном течении дел личная страсть заменяет высшее проявление религиозного чувства,

при беде и неприятностях та же личная страсть, оставаясь неудовлетворенной, вынуждает человека к молитве, к прошению у Бога. Но такая молитва не есть ни порыв чистосердечия, ни доказательство преданности воле Божией. Такая молитва безуспешна, и прошения ее безнадежны. *Если Господь есть Бог, то последуйте Ему, а если Ваал, то идите за ним* (3 Цар. XVIII, 21), *ибо какое согласие между Христом и Велиаром* (2 Кор. VI, 15)? *Иисус Христос оставил нам пример, дабы мы шли по следам Его* (1 Пет. II, 21). Итак, кто действительно предан Христу, пусть покажет, что Он приобщается Христовым страданиям (см. 1 Пет. IV, 1). Пусть будет вся жизнь наша единой жертвой Христу в Божию славу, тогда в нас не явится ни ложная надежда, ни осуждение свыше, как плод ее (см. Гал. VI, 7). *Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам* (Иак. IV, 8).

Христианская надежда имеет еще одно достоинство, достижение которого обуславливает успех деятельности и всех земных чаяний человека, — терпение. Умение выносить мужественно ниспосылаемые испытания, умение силой духа, крепкой волей, равнодушием к изменяющемуся порядку жизни, высотой мысли и невозмутимым спокойствием встретить препятствие к нашему счастью, — вот средство и способ найти осуществление своих надежд даже на земле.

Не малодушной слезливостью, не униженными жалобами, не грубым ропотом преклоняется долготерпеливый Человеколюбец, но мужественным терпением. *Итак, братия, будьте долготерпеливы, — говорит апостол Иаков, — укрепите сердца ваши. В пример злострадания и долготерпения возьмите,*

братия мои, пророков, которые говорили именем Господним. Вот, мы ублажаем тех, которые терпели. Вы слышали о терпении Иова и видели конец его от Господа (Иак. V, 7—11). *Ибо мы, живые, — благовествует апостол Павел, — непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей* (2 Кор. IV, 11). *Радуюсь в страданиях моих, — говорит он* (Кол. I, 24). Отчего радуется? Оттого, что носит в сердце своем Господа: *и уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. II, 20).

Как воин без мужества, так и христианин без терпения суть жалкие люди. Тот не воин, кто идет на сражение с робостью и страхом, ибо мужество и храбрость должны воодушевлять доблестного воина; и тот не последователь Христа, кто идет за Ним с грустью и скорбью. Чем более мужества в духе, тем менее тяжести в скорби. Чем слабее терпение, тем чувствительнее страдание.

Кроме Иова, посмотрим и на своего учителя, о котором вспоминает Церковь сегодня, на несчастного евангельского расслабленного. Тридцать восемь лет терпел он, ожидая помощи себе; и не отчаивался, пока упование не спасло его. Этот мужественный страдалец на вопрос Господа, Врача душ и телес, хочет ли он быть здоров, умел кротко сказать: *Да, Господи, но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня* (Ин. V, 6—7). В его немногословном объяснении нет жалобы ни на свою несчастную долю, ни на жестокость других. Зато, в течение десятков лет не имея

близкого человека, он вдруг приобрел себе великого Помощника — Самого Бога.

Чтобы сохранить в себе христианскую надежду, необходимы вера, молитва, преданность и терпение. Вспомним дивный закон Божественного мироправления: *Всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет* (Мф. XXV, 29). Кто возрастил в себе указанные свойства, у того успехи христианской надежды будут и в преизбытке; у тех же, кто ждет без веры, требует без права и ищет с унынием, но без молитвы, могут быть отняты и остальные блага, как неоцененные им и бесполезные для него.

То время, когда можно было говорить и слышать: человека не имею, миновало безвозвратно. Все христиане имеют Иисуса Христа, *ходатайствующего за нас* (Рим. VIII, 34) Своим человечеством и милующего нас Своим Божеством. К Нему вознесем свои христианские надежды и упования. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ТРЕТЬЕ

*Плод ваш — святость,
а конец — жизнь вечная*
(Рим. VI, 22)

Этими боговдохновенными словами св. Церковь ныне заключила апостольское чтение. Святой Иоанн Златоуст взял их в качестве важного предмета для назидания слушателей в одном из своих поучений. Святитель Божий слова св. ап. Павла обратил к верующим, усердно посещающим святой храм Божий, и дал им советы о том, как полезно хо-

дить в церковь, и о том, как нужно вести себя христианам по выходе из церкви. Назидание великого учителя да послужит, братия, и к нашей пользе и утешению среди соблазнов и искушений.

Находясь в церкви, мы чувствуем себя людьми Христовыми. Благоговейное наше стояние в доме Божием есть подобие ликостояния Божиих Ангелов, приносящих пред Престолом Божиим немолчное славословие.

Церковь мы можем назвать домом, где все говорится и совершается благоприлично, высокоумудренно, очищает дух, возвышает мысли, научает и просвещает. Церковь дает плод христианской мудрости и добродетели — зрелый, сладостный и благословенный, а вкушение его сообщает ведение вечной жизни. *Плод ваш — святость, а конец — жизнь вечная.*

И представить трудно более торжественную действительность: на небесах славословят Господа воинства ангельские, на земле их песнопениям подражают люди, составляя собой гласы преподобных в Церкви. На небесах Серафимы поют Трисвятую песнь, на земле воссылает свои молитвы и прошения и благодарность к Господу многочисленное собрание людей всякого возраста, пола и звания. Одно общее торжество составляют небожители и смертные обитатели земной юдоли. Милосердие Господа собрало их вместе, Дух Святой соединил их, Всеблагий Отец согласил, “да единым сердцем и устами прославят Премудрость Божию, в тайне от века сокровенную” (см. 1 Кор. II, 7). Вот зачем мы пришли во св. храм. Вот к чему стремимся мы здесь. Вот плод нашего здесь воистину братского боголюбезного собрания. *Плод ваш — святость, а конец — жизнь вечная.*

Ничто не улаждает в такой степени нашу жизнь, как утешение, получаемое в церкви. Здесь усматриваем в душах наших светлость, радость духовную, веселие от Духа Святого. В церкви для радующихся — новая радость, для скорбящих — утешение, для удрученных — отдых, для труждающихся — успокоение. *Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас* (Мф. XI, 28).

Какое небесное приглашение! На пир, к вечере жизни вечной зовет Господь в Свою Церковь. Он приглашает к успокоению от трудов, дает отдых от горестей, облегчает тяжесть грехов, скорбь душевную. Он врачует здесь удовольствием, отирает слезу вдовы, бедняка, и все мы в церкви, точно в прекрасном раю, невинные или прощенные, вкушаем плоды вечной жизни, питаюсь которыми, человек не страшится ни врага мстительного, ни недруга коварного, ни смерти вечной.

Прекрасно, всякой похвалы достойно посещение храма Божия. Но увы, — и оно может оказаться все бесполезным, если при усердии к посещению церкви упускается благословенная Иисусом Христом цель. Ее именно и надо помнить при входе в церковь, а в особенности по выходе из нее. В высшей степени убедительно наставлял свт. Иоанн Златоуст выходящих из церкви: “Вышедший из нашего собрания! Одеждой, взглядом, голосом, походкой и всем наружным видом покажи тем, кто не был в церкви, какой прибыток выносишь с собой отсюда, чтобы разумил ты ближних своих!”

Да, братия, мы должны выходить отсюда как из святилища, так, как бы мы сходили с неба, делаясь

скромнее, любозудрее, сознательно измеряя свои поступки, слова и образ поведения. По выходе из храма подумайте, в какой глубокой тайне вы участвовали: вы беседовали с Господом, были в сообществе с Иисусом Христом. При таких мыслях явится душевное благообразие у каждого благочестивого богомольца. Это же благообразие просияет в наших чувствах и действиях. Оно именно и есть тот евангельский свет, о котором говорит Иисус Христос в Нагорной Своей проповеди: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они, видя ваши добрые дела, прославили Отца Небесного* (Мф. V, 16). Люди, не посещающие храм, увидев вас преображенными, столь достойными, тотчас придут сюда сами, чтобы иметь участие в благах, которые вы уже приобрели, и вместе с вами прославят Отца Небесного.

Итак, не забывайте же, что *плод ваш — святость, а конец — вечная жизнь*. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

*Возмездие за грех — смерть,
а дар Божий — жизнь вечная
во Христе Иисусе, Господе нашем*
(Рим. VI, 23)

Эти заключительные слова сегодняшнего апостольского чтения вмещают страх для одних и радость для других. Одним — смерть за грехи, а другим — радость радостей, безграничный восторг и неизъяснимое высшее блаженство — за добродетель.

Перенесем свой умственный и сердечный взор на получивших дар, на благоугодивших Богу. Они — в

горних селениях. Много ли их? Послушаем рассказ евангелиста Иоанна в его Откровении. *Взглянул я, — говорит он, — и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и народов стояло пред Престолом и пред Агнцем (т.е. Иисусом Христом) в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках. И восклицали громким голосом, говоря: “Спасение Богу нашему и Агнцу” (т.е. Иисусу Христу). И все Ангелы стояли вокруг Престола, говоря: “Аминь! благословение, и слава, и премудрость, и благодарение, и честь, и сила, и крепость Богу нашему во веки веков. Аминь”.*

И сказал мне старец: “Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца. За это они пребывают ныне пред Престолом Бога и служат Ему день и ночь во храме Его. Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной (ни внутренний, ни внешний). Сам Бог отрет всякую слезу с очей их” (Апок. VII, 9–17).

Все эти радостные люди, не имеющие печали, так же, как и все остальные, рождались матерями, были вспоены и вскормлены попечительной любовью Провидения. Какими делами они благоугодили Всевышнему? Их дела не тайна пред Господом. Их подвиги и достоинства, в которых болезненно, терпеливо и безвестно для ослепленного суетой мира росло их совершенство, открыты в книгах священных.

Если спросим светоносных обладателей дара Божественного, за что они получили столь великую честь, то получим внятный для нашей души ответ, который, однако, может быть тревожным для нашей

совести. Все они скажут нам: “Потому мы вечно счастливы, что вечно любили добро, истину и красоту, служили им, учились и учили им, в каждом нашем слове была истина, наша любовь была проникнута красотой истины, наша жизнь была соткана из дней и часов добра”.

Теперь приблизимся умственно и сердечно к каждому из этих праведников и дерзнем задать этот свой вопрос. Вот первый ответ: “Мы благоугодили Господу укрощением своих страстей. Мы убили в себе гнусную надменность, гнусную похоть чувств”. Вот другой ответ: “Мы — целомудренные. Огонь крови жег наши тела, помысл вредный посягал на то, чтобы сразить дорогой цвет чистоты девства, вдовства. Мы сопротивлялись, угасили их молитвой, слезами, постом”. Спросим еще и услышим: “Мы презрели суету мирскую. Ничего не добивались, ни в чью дверь не толкались с просьбами, но искали себе помощи только у Бога. Мы не ходили к сильным мира, избегали их презрительных подачек и даже — внимания. Мы радовались, когда они нас презирали. Мы были верны в дружбе; не отступали ни от голодного, ни от сидящего в темнице, мы утоляли, по силам нашим, печаль и стоны болящих”.

“Мы получили эту награду за правоту и чистоту сердца. Коварства не было в душе нашей. Мы всегда искренне старались хранить чистоту сердца и правоту ума по приказанию совести, а совесть во всех обстоятельствах жизни содержать в согласии с евангельским учением.”

“Мы грешной стопой начали путь своей жизни. Красота юности нашей была опалена пламенем похо-

ти, мы не имели миролюбия, мы в начале жизни были людьми изнеженными, снисходительными к себе, но требовательными к другим; мы были запятнаны соблазном, мы жили, как и многие другие, согласуясь с нравами и духом своего времени: как думали и рассуждали наши сверстники, так мы и поступали. Слово Божие проносилось мимо нашего слуха, а человеческое слово было нашим законом.

Но пришел незабвенный день, когда, по милости Божией, по молитвам праведных людей, открылась пред глазами нашими пропасть зла и страх вечной смерти. Тогда стали мы обуздывать свои страсти, бодрствовать над сердцем и своими чувствами. В нашу душу, мрачную, отягченную грехами, благодатный Ангел внес светоч, убрал из нее нечистоты и беспорядок, согрел ее, облегчил ее. И вот появилось в нас памятование о Боге и искренняя молитва, пришло, как весенний поток чистых растаявших вод, всецелое стремление к царству небесному. Мы покаялись. Мы стали бодрствовать: лести и потворства себе не допускали, непрерывно стали одерживать победы над искушениями. И вот, явился Сам Христос и отер слезы с очей наших (ср. Апок. VII, 17). Не любимые, осмеиваемые, осуждаемые, оклеветанные миром, мы получили всепрощение у Бога и находимся неотлучно с Иисусом Христом”.

Слышатся и многие другие ответы. Нам их даже не перечислить. И самому евангелисту Иоанну было затруднительно упомянуть обо всех праведниках. И вот возникает невольная, но неотступная от души мысль: а мы в свое время какой сможем дать ответ, да и будем ли мы здесь?

Апостол Павел для того, чтобы мы внимательно обдумали этот вопрос, ныне в научение произнес: *Возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.*

ПОУЧЕНИЕ ПЯТОЕ

В апостольском чтении, слышанном нами, верующие поучаются великой истине бессмертия, которая есть дар Божий. Эта истина выражена следующими словами: *Дарование же Божие — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем (Рим. VI, 23).*

Смерти Бог не создал. Она произошла как последствие греха человеческого. Поражает она все возрасты без различия, отделяя таким образом временное от вечного, тленное от нетленного. Тело отдается земле, душа же оставляется в своем бытии вечного существования, как вечный образ Божества. Разумный человек мирится с необходимостью такого назначения, веруя, что дар Божественного бессмертия не будет у него отнят. Он готов принять смерть, где бы она его ни застала, как готов исполнить волю Божию во всем, что бы она ни повелела.

Для одних явление смерти подготавливается постепенным телесным изнеможением; вестником ее являются более или менее продолжительные болезни. Для других смерть является внезапно, она застает их в расцвете жизни или на самом ее пиру. Бывает, человек, испытывающий длительные недуги, продолжает томиться жизненным существованием, в то вре-

мя как другой умирает нечаянно, внезапно. Всякое человеческое толкование о способах смерти неудовлетворительно. Это сложный узел, который у одних при разрешении затягивается еще крепче, а у других развязывается скоро и внезапно.

Внезапная смерть наших ближних является для всех нас уроком того, что человеческая самонадеянность неосновательна и безрассудна. Мы привыкли откладывать свое обращение и исправление до времени, а покаяние — до самого момента смерти, а между тем роковые, непостижимые законы Премудрого Бога вечны и не согласны с личным человеческим расчетом.

Неправильно думать, что людей, которые умирают нечаянно и скоро, постиг удар гнева Божия. Таким суемудрствующим следует напомнить слова Спасителя, сказанные Им в подобном случае, когда во время Его земной жизни упала Соломонова башня и подавила восемнадцать человек: *Думаете ли, что те восемнадцать виновнее были всех живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете* (Лк. XIII, 4).

Те, которые умирают внезапно, нередко бывают не более грешными, чем другие, а иногда даже гораздо лучше других. Так мы знаем из жития прп. Афанасия Афонского, что он был раздавлен обрушившимся зданием, под развалинами которого скончался, хотя всем известна была его святость, засвидетельствованная впоследствии и чудесами от мощей его. Знаем также, что внезапной смертью умирают невинные младенцы. В книге Премудрости говорится, что пра-

ведника *рановременно* восхищает Господь от земли для того, *чтобы злоба не изменила разума его, или коварство не прельстило души его* (Прем. IV, 11).

Если в случаях внезапной смерти видеть знак гнева Божия, то этот гнев всего более грозит нам, остающимся на земле вместе с нашей нераскаянностью. Если Всевышний посылает сильные удары, то затем, чтобы пробудить нас от беспечности. Он внезапно берет из нашей среды известных нам людей затем, чтобы мы изменили суетное наше веселье на сетование, чтобы покаяние глубоким самосознанием очистило нашу жизнь, во многом нечистую и отвратительную. Словом, в подобных обстоятельствах мы должны признать голос Божий, возвещающий и нам: *Если не покаетесь, все так же погибнете*.

Особенно внятно мы должны слышать этот голос в случаях внезапной кончины людей доброй христианской жизни, не любивших обычаев развращенного мира, делавших добро всякому и за душевную доброту любимых и уважаемых всеми. О таких людях, похищенных смертью, будем думать, что Господь возлюбил их и потому поспешил переселить в совершенную безопасность от бед и зла нашего мира. Если же что-либо греховное оставалось в душе их, то всеприносящая жертва и молитва Церкви не замедлят освободить их души и открыть им обители блаженства.

Итак, будем бодрствовать над своей душой, ибо не известен час, когда будем призваны от земли в мир небесный. Молите, усердно молите Господа о ниспослании всем нам кончины мирной, безболезненной, непостыдной. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ШЕСТОЕ

*Братие! Желание моего сердца
и молитва к Богу об Израиле во спасение*

(Рим. X, 1)

Э то — первые слова апостольского чтения, слышанного нами сегодня. Они извлечены из Послания ап. Павла к римским христианам, а св. Церковь обращает их как боговдохновенные ко всем своим чадам, для назидания их во спасение.

Лучшее благожелание, какое св. апостол Павел простирает к верующим во Христа, — это молитва. Из всех обязанностей, возлагаемых на нас христианской религией для нашего спасения, неотложная и самая первая и главная есть молитва. Святые Отцы Церкви называют ее матерью христианских добродетелей.

Без молитвы нельзя получить ни одного дара от Отца Небесного, нельзя совершить ни одного доброго, истинно полезного дела. Только злые дела производятся без молитвы. Сердцу молящегося открыта дверь благословения Премилосердного Отца Небесного. *Просите, и дано будет вам, ищите и найдете, стучите, и отворят вам* (Мф. VII, 7). Не ясно ли, что без молитвы нам не приобрести даров благодати Божией? Напрасно будем искать у людей наставления о том, как найти способы, чтобы получить истинное счастье, если не будем просить этого у Господа. Мы будем искать счастья там, где его нет. *Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов* (Иак. I, 17).

Господь готов излить на нас дары Своей благодати, освободить нас от нужд, но только за наши усерд-

ные молитвы. Бывает, что иной сильный между людьми человек, наделяя других, обнаруживает смесь великодушия со скупостью. Оттого часто милостыня человеческая соединяется с обманом; она простирается на недостойного, а горе настоящего бедняка остается без утешения. Господь не расточает благ, которыми Он исполнен, но дает истинно нужное нам по молитве. *Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворяют* (Мф. VII, 8).

Что может быть легче и отраднее молитвы как обязанности? Здесь не требуется трудов и забот, какими очень часто себя обременяют те, кто ищет счастья у людей, кто стоит перед подобными себе на коленях, смиряет себя до поклонения им, ищет их на улицах, льстит им и т.д. Молитвеннику не надо проходить далекий путь, иногда и по воде, и по суше, чтобы сказать Господу о нуждах своей души, жизни; не надо, как многим просителям, подавать просьбы, описывать свое положение, искать и дожидаться у дверей дома нужного человека желаемого покровительства.

Господь ближе к нам, нежели мы к Нему. Господь — заботливый Пастырь, Он ищет овцу, заблудшую во грехе, и берет ее на Свои плечи. Ходите всегда непорочно пред очами Господа, желайте, чтобы воля Божия исполнялась в вас, все, что предпринимаете, делайте во славу Божию — и вы будете чадами молитвы, будете иметь больше, нежели имеете теперь.

Произвольная рассеянность и суетность наша чаще всего полагают препятствие к молитве, без которой нельзя войти в царствие Божие, как нельзя пти-

це без крыльев подняться от земли на воздух. Истинная молитва всегда, всегда плодоносна. Истинной молитвой называется та, которая совершается со вниманием. Не забывайте, что Бог слышит голос сердца, а не голос наших уст. Ныне в апостольском чтении сказано: *Сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению* (Рим. X, 10). Надобно благоговеть и, как говорит св. Давид во Псалтири, *всей душой прилепиться к молитве* (Пс. LXXII, 9). Благоговение может и слабый голос уст сделать силой, потрясающей чувства, подобно тому, как кроткий Давид победил сильного Голиафа. Вознося свои молитвы к Господу, не забудем, что самые чистые Ангелы предстоят Ему с трепетом. Вспоминая это, мы должны сознавать себя перед Ним бедными грешниками, странниками, уклонившимися от пути правого, заблудшими детьми, расточившими дарованное любящими родителями наследство.

Вот на кого Я призрю, — говорит нам Господь в Священном Писании, — *на кроткого и молчаливого и на трепещущего пред словом Моим* (Ис. LXVI, 2). *Сердца сокрушенного и смиренного Бог не уничтожит* (Пс. L, 19). Неблагоговейный человек, будь он священник, предстоящий у престола, будь он отец или мать семьи, называйся он каким бы то ни было иным чином богатства, чести и славы, — не будет услышан, сколько бы ни молился. Легче взять силой победы окруженный крепостью город, легче закрыть свет звезды на небе, нежели приобрести у Господа благодать молитвой формальной, гордой и невнимательной.

Чтобы молитва наша не была подобна каменистой жесткой почве, чтобы она не была самоуверенной,

когда человек себя выставляет пред Богом, как бы говоря: “Посмотри,— я молюсь, послушай, о чем молюсь”, чтобы не была молитва наша невнимательной, нужно только одно — любовь к Богу. Возлюбим Господа всей душой, всей мыслью своей, тогда Он Сам научит нас молиться. Тогда наше сердце будет подобно Евангелию, на котором Сам Господь дает совести нашей прочесть слова, произнесенные над каждым из нас при совершении Таинства Крещения: *Ты сын Мой, Я ныне родил тебя* (Пс. II, 7); *это сын Мой возлюбленный, в котором Мое благоволение* (Мф. III, 17). Аминь.

ПОУЧЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, то спасешься. Всякий верующий в Него не постыдится
(Рим. X, 9, 11)

Вот правило для жизни и деятельности истинного христианина. Как просто и ясно оно изложено святыми устами апостола Павла! Необходимость исполнения этого правила объявлена во всеуслышание св. матерью нашей Церковью. Вникнем в общий смысл апостольского научения для собственного просвещения.

Этими словами св. апостола от каждого из нас требуется быть на всяком месте и всегда христианином. Доказывать свою принадлежность к обществу верующих и словом и делом: не стыдиться, не бояться пред целым светом обнаруживать любовь к тому, что одобрено и повелено Евангелием. Кто исполняет это

заповеданное апостолом правило, может быть убежден, что он близок ко Христу и Христос с ним.

Однако апостольское наставление часто не исполняется христианами. Не вдаваясь вглубь вопроса, остановимся на самых обычных явлениях, нарушающих это правило. Например, некоторые привыкли в своих разговорах употреблять безнравственные слова, оскорбляющие святость чувства. Такие уста — позор христианину, оскорбление слова как дара Божия. Божие слово всегда нравственно-благородное, ласковое, умиляющее, любезное, дружеское.

Не исповедуют Иисуса Христа люди, одними и теми же устами призывающие имя Его и допускающие ложь в обычных разговорах, вносящие ложь в обычные отношения, извиняя ее требованием приличий; а также стыдящиеся своей религиозности. Встречаются столь малодушные люди, которые по призыву церковного колокола не идут в храм Божий, потому что они в это время приглашены в театр, на гулянье, на вечер и т. д. Есть и такие, которые, находясь среди светских людей, стыдятся осенить свое лицо правильным изображением крестного знамени или сотворить краткую мирную молитву, входя в дом или выходя из него. Такие люди вообще мелочны, самолюбивы, человекоугодливы. В данном случае их поведение — нарушение Закона Божия и оскорбление душевной чистоты.

У иных малодушие простирается до того, что, присутствуя в храме Божиим, стыдятся положить земной поклон или приложиться к св. иконе, боясь, что знакомые люди назовут за это ханжой или святошей, а

потому стоят рассеянно, крестятся редко и небрежно, постоянно разговаривают или осматривают присутствующих. Зачем они это делают? По малодушию, потому что так делают другие. О, если бы знали, какой грех они принимают на свою душу. Они не исповедуют Иисуса Христа своим Господом. Очевидно, и Он их не признает Своими.

Встречаются христиане, которые в кругу товарищей, смеющихся над чем-либо священным, хотя в душе не разделяют их убеждений, стыдятся не только сделать свое трезвое возражение, но и участвуют в их глумлении над святыней. У некоторых людей ложный стыд берет перевес над совестью в такой степени, что они, чтобы не отстать от “компании”, готовы предаться винопитию, нецеломудренности. Такие люди Бога не боятся, Иисуса Христа не исповедуют, а исповедуют свое греховное тщеславие, стыдятся добродетели, рабствуют пороку.

Некоторые очень щедры на роскошь, на увеселения, щедры даже не в меру, отдавая последнее и принимая на себя долги с процентами. Они так щедры потому, что не держать себя подобным образом — значит признаться перед знакомыми в том, что состояние их расстроено, поставить себя на одну ступень с бедняком, а это вызывает стыд и краску на их лице. Но те же люди, встречая на улице истинного бедняка, слезно вопиющего о помощи, без стыда отворачиваются от него. Его истомленный вид и разодранное рубище возбуждают в них отвращение, и в то самое время, когда спешат бросать десятками рублей напоказ, где это принято, стыдятся подать бедняку лепту, по-

тому что это не принято. О, подобный стыд темным пятном ложится на душу, потому что в лице меньшего своего брата они оскорбили Господа.

В развращенном уме, нравственно больном сердце и преступной воле часто складывается безобразнейшее понимание правил об исповедании своей веры в Иисуса Христа. Некоторые из ложного стыда умалчивают томящий их грех, даже при совершении Таинства покаяния. Они забывают, что исповедь — духовная лечебница. Не получают исцеления скрывшие болезнь; такая религиозная неискренность еще более усугубляет душевные язвы. Не допусти же нам, Господи, быть ложными христианами!

Некоторые понимают превратно долг и честь. Назовите известного человека нерелигиозным, заметьте, что он неправильно читает молитву Господню, не знает отличия Евангелия от Апостола или сколько у нас Евангелий и т.п., — он только улыбнется или отделается от ваших наставлений каким-нибудь якобы остроумным словом; но попробуйте сказать ему же, что он не имеет вкуса в выборе платья, неправильно рассуждает о музыке, пении, — о, тогда он вступится за свою честь всеми ему присущими и духовными и телесными силами. Что же это значит? То, что святое, христианское, возвышенное в нем подавлено, подобно тому, как в поле сорная трава заглушает здоровую пшеницу. Не странно ли, что религиозное невежество не считается стыдом теми, кто с первого дня носит имена святых и предназначен от купели св. Крещения быть святыми?

Исповедание Иисуса Христа должно быть украшением каждого из нас. Великой славы и на небе

и на земле достоин тот, кто из любви к Богу и ближнему остерегается нарушить какую-либо обязанность, налагаемую законом Божественным, кто благоговеет пред постановлениями Церкви. Благодать Божия осенит всех, не произносящих гнилых слов, не осквернивших себя порочными действиями. Искренний исповедник Иисуса Христа и Его учения свою совесть носит в целомудрии. Его охватывает ужас, если ему приходится жить или даже служить с людьми, свикнувшими с ложью на устах и в сердце.

Братья и сестры! Будем стараться исполнять заповеди Божии, чтобы благодать Св. Духа укрепляла нас всегда в нелицемерной совести, чтобы св. Ангел-Хранитель помогал нам, чтобы нам не постыдиться души своей. Будем всегда устами своими исповедовать Иисуса Христа своим Господом, а сердцем веровать Ему. При соблюдении этого правила несомненно спасемся. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься, потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению
(Рим. X, 9, 10)

Таково наставление в настоящий день, благочестивые слушатели, нашей матери св. Церкви каждому из нас. Все мы, здесь присутствующие, носим имя христиан. Имя это величественно. Более возвышенного, почетного, славного, дорогого имени

не было, нет и не будет никогда на земле. Чтобы это имя не было лишь условным звуковым прозвищем, не было в действительности похожим на номер, которым исчисляют и отмечают бездушные предметы, апостол научает охранять наше звание как сокровище, как святыню. Итак, верующие во Христа должны жить по-христиански.

1. На свете чрезвычайно множество мирских званий. Многие из них вызывают гордость, а другие — некоторое смущение, смирение; некоторых званий люди домогаются, ищут. В мире мы видим, что один — вельможа именитого рода, другой — простой гражданин, третий — судья, четвертый — правитель. Но надолго ли все эти звания земные? Умрем, и гробовая доска всех сравнивает. Под ней не отличите господина от раба, богатого от бедного, ученого от невежды. Да и на самой земле титулы и звания вовсе не увеличивают нашего человеческого достоинства. Лучшая же похвала и высокая почесть на земле для человека, когда говорят: этот судья, этот господин, этот человек — добрый христианин. Таким образом, на самой земле нет звания выше, нет чести выше, как носить звание христианина.

2. Наше существование на земле справедливо уподобляют путешествию. Оно очень непродолжительно. Не успеем оглянуться, как уже прожита жизнь, и по воле Вечного Бога вступим на новую землю и под новое небо (см. 2 Петр. III, 13). Там нас не будут принимать и размещать по званиям. Не те, которые здесь по мирскому званию имеют преимущество, будут более почтены в царствии Иисуса Христа. Там и раб и свободный, богатый и убогий предстанут в равном достоинстве. Только отличенные званием хрис-

тианина, только подвизавшиеся в мире добрым подвигом, свято соблюдавшие веру Христову будут введены в жизнь вечную и удостоены почестей высшего звания (см. Флп. III, 14). Итак, звание христианина мы должны ценить выше всех мирских званий. Мы должны жить так, как требует христианство, как заповедовал в Евангелии Господь наш Иисус Христос.

3. Желая получить звание и воспользоваться его выгодами, мы готовы на земле на всякие жертвы. Чтобы удержать за собой приобретенное звание и поддержать его честь, не жалеем своих трудов, жертвуем своими силами, стараемся всесторонне узнать все лежащие на нас обязанности. Так люди дорожат мирскими почестями. Но звание христианина выше и почетнее всех других званий. Все другие звания, все почести мирские суть человеческое слово, но звание христианина — Божественное. Его возложил на нас через Духа Святого Сам Господь наш Иисус Христос. Тяжка измена с нашей стороны, если мы не будем исполнять воли Божией.

Подумаем же о том, что нужно, чтобы исполнять звание христианина? Вопрос разрешается просто. Об этом постоянно сообщают человеку со дня его рождения и до самой смерти и св. Церковь, и св. Писание, и примеры и наставления людей, достойно увенчанных за веру. Апостол Павел умоляет верующих достойно носить звание христианина, в иных посланиях подробно указывает, чем должны мы оправдать это высокое звание.

Прежде всего — смиренномудрием (Еф. IV, 1, 2). Мы должны в жизни видеть разумную задачу, предуказанную целью; все, что нам здесь посылается, должны принимать и считать даром Божиим, сходя-

щим свыше, даянием совершенным! Мы не должны легкомысленно проходить мимо этого, но должны мудро давать этому оценку. Это и есть смиренномудрие. Кто познает в своей жизни пути Божии, тот естественно, мирно принимает встречающиеся испытания. Не с раздражением, не с гневом он принимает жизненную неудачу, но с разумной кротостью.

Кротость — вторая черта, точнее, вторая добродетель, которой украшается христианская жизнь. Кротость в семье, в обществе, везде — это сила, побеждающая без оружия самую твердую крепость. Ею укрощаются животные страсти, волнующие человеческую душу; ею смиряется ропот человека недовольного; ею успокаивается возмущенный дух.

За кротостью следует долготерпение. Умение дожидаться и терпеть — великая христианская добродетель. Она всегда свидетельствует о присутствии благоразумия в человеке. Человек, умеющий без ропота подчиняться постигающим его случайностям, видит над собой Всемогущую руку Божию. Он ожидает и уповает: цель его надежды выше случайности. Путем тесным, путем скорбным, обливаясь потом и слезами, человек-христианин идет к вечности.

Вот три добродетели, самые обычные, без которых достойно нести звание христианина невозможно, которые необходимы всем и каждому. Без них мы не христиане, а рабы неключимые этой жалкой земли, где постоянно бродит суета и противоречие: одни безумно чему-то радуются, а другие безумствуют в отчаянии, но все и везде не удовлетворены, и все чего-то просят и чего-то хотят в беспокойстве чувств. Их душа просит небесной, чистой жизни, требует любви Божией, а они, подавленные житейской смутой, стараются соленой водой утолить жажду!

Будем же понимать, что Сам Иисус Христос не путем наслаждения, а путем скорбей и болезней благоволил войти в славу Свою. Он и алкал, и жаждал, терпел позор и гонение, подъял страшные муки и позорную смерть. Не путем неги и роскоши, радостей и веселья, а путем страдания шли вслед Ему пророки, апостолы, мученики и подвижники. Одни из них были побиваемы камнями; других перепиливали; третьи были подвергаемы посмеянию и побоям, узам и темницам; четвертые умирали от пыток, меча; пятые блуждали по пустыням, горам, по пещерам и ущельям земли. А что это были за люди? Это были люди, которых *весь мир не был достоин* (Евр. XI, 38).

Молю Бога, чтобы Он Своею благодатью просветил вас, как лучше исполнить христианское звание, как лучше спастись. Устами своими исповедуйте Иисуса Христа, сердцем веруйте в Него, достойными делами жизни укрепляйте свои христианские чувства! Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

*Не высокоумствуйте,
не мечтайте о себе*

(Рим. XII, 16)

Вот уже третье воскресенье подряд мы черпаем из установленного апостольского чтения учение св. Павла для нашего нравственного совершенствования. Он дает советы как несравненный учитель, как любящий отец, как истинный пастырь и проповедник спасительного Слова Божия. Он говорит ныне: *Не высокоумствуйте, не мечтайте о себе!*

Это правило апостол взял из собственной своей жизни и был верен ему до конца. Себя он называл первым из грешников (см. 1 Тим. I, 15), недостойным (см. 1 Кор. XV, 9). Признавать себя таким не стыдился, потому что всего противнее для него была гордость и нераскаянность.

Не высокоумствуйте, не мечтайте о себе! При оценке своей личности и своей деятельности мы неизбежно приходим к сравнению себя с другими людьми, потому что пример — великая сила. Однако, если хотите узнать истинную цену собственного достоинства, личных качеств, то сравнивайте себя не с худшими, а с лучшими, совершеннейшими; не с толпой, не со множеством живущих и поступающих так же, как вы живете и действуете, — но с избранными. Не говорите: “Я лучше того и того, а такой-то хуже и грешнее меня; я не хуже всех”. Таким самоуверенно говорящим устами всегда можно сказать: “Нет заслуги в том, что ты не хуже людей самолюбивых, небратолюбивых, ленивых, вероломных, нетерпеливых, в своих чувствах переменчивых и во взглядах непостоянных, мстительных и завистливых. Если образуется в нашей душе желание себя сравнивать с ними, то мы не далеки от опасности сделаться хуже их; сравнивая себя с худшими или подобными себе, мы не усовершенствуемся”.

Образец правильных мыслей о себе мы находим в Библии, в частности, в Евангелии. Оно своим светом озаряет нашу совесть, указывая наше назначение. Оно же представляет собой священный письменный сборник поучительнейших примеров. Когда ап. Павел говорил своим ученикам: *Не думайте о себе более, нежели должно думать* (Рим. XII, 23), *не меч-*

тайте о себе, он вводил их в круг евангельской жизни, являя собою достойный ее пример.

Зная, как тяжело человеку бороться с самомечтательностью, в настоящем чтении апостол благодушно указывает ступени духовного восхождения, на которых этот порок исчезает.

Богомыслие — вот важное средство для приобретения скромности. К сожалению, многие мыслят только о земном, о том, как бы угодить страстям, и вся их жизнь напоминает собой счетную книгу, исписанную цифрами — расходами на удовлетворение чисто внешних потребностей и интересов: питания, одежды и прочего. Многие тратят лучшие годы жизни на приобретение разного рода знаний. Приобретая все это, они думают, что они люди дела, уплатившие великую дань жизненного назначения. А между тем все их усилия, требовавшие столько дум и забот, все их познания, не обозначенные печатью неба, в самый день их смерти погибают, подобно паутине, мгновенно разрываемой ветром.

Яснее, нежели на художественной картине, богомыслие открывает перед нами нашу судьбу. Не умом, но сердцем познаем мы действия Промысла Божия. Вера в Иисуса Христа низводит в нашу душу Духа Божия, делая нас способными к созерцанию самих себя. И с этой блаженной минуты является перед нами образ правды: самомечтательность исчезает, и на ее место является стремление к добродетели. Добродетель влечет нас за собой; увлекаясь ею, мы земле оставляем все ее богатства, все красоты и радости. Мы, однако, не имеем к ним враждебного отношения, видя в них дары Всемогущего Творца, но перестаем гордиться их силою, также не величаемся более

возможностью все купить, все иметь, всем распоряжаться. Такое душевное настроение называется равнодушием ко всему земному. Оно есть полнота благочестивых чувствований, жажда Бога, под впечатлением которой боговдохновенный Давид восклицал: *Без Тебя, Господи, ничего не хочу на земле* (Пс. LXXII, 25)!

Когда св. апостолу Павлу говорили о его нравственных достоинствах и совершенствах, то он отвечал: *Знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе, потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Добро, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Бедный я человек!* (Рим. VII, 18, 19, 24). Если это говорил ап. Павел, то каждый из нас тем более должен признать в себе порок страстности, недостойности, греховности.

Когда указывали апостолу Павлу на истинно добрые дела, им совершенные, то он, не отрицая их достоинства, относил их не к себе, но к силе Божией (см. 1 Кор. XV, 10), совершающейся в его немощи (см. 2 Кор. XII, 9). Таково христианское смиренномудрие.

Мечтательность о себе несовместима с истинным благочестием. Верующая душа должна быть отображением свойств Иисуса Христа. В Своей прощальной беседе, перед крестными страданиями Своими, Он назвал Себя Лозой, а верующих в Него — ветвями: те же соки, которыми живет Лоза, питают и ветви. Ветви без Лозы — безжизненны, верующие без Иисуса Христа — ничто. *Если пребудете во Мне, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам* (Ин. XV, 7).

Чтобы настоящее слово апостольского совета не прошло мимо нас, будем как можно чаще, совершая добрые дела, говорить самим себе, нашим детям, нашим друзьям православным христианам бессмертные слова св. Павла: *В усердии не ослабевайте, духом пламенейте, Господу служите, в молитве будьте постоянны, не высокоумствуйте, не мечтайте о себе!* (Рим. XII, 11—16). Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Итак, отдавайте всякому должное: кому подать — подать; кому оброк — оброк; кому страх — страх; кому честь — честь.

(Рим. XIII, 7)

К св. ап. Павлу обращались его ученики и последователи Иисуса Христа с вопросом: “Как спастись, живя в мире, когда мы постоянно заняты житейскими делами, когда всюду окружены соблазнами?”

Святой Павел отвечал вопрошавшим словами, слышанными вами сегодня: *Отдавайте всякому должное: кому подать — подать; кому оброк — оброк; кому страх — страх; кому честь — честь.* А в другом месте в ответ на тот же вопрос дал такой совет: *Каждый поступай так, как Бог ему определил, и как Господь призвал* (1 Кор. VII, 17).

Христиане сознавали глубокую истину этого назидательного апостольского поучения: они были убеждены в том, что видимое назначение людей в земной жизни — труд. Мы созданы для труда, и чтобы спастись, живя в мире, мы должны трудиться. Самые

житейские наши занятия, земные наши дела ведут нас к спасению. Апостол, говорит: *Каждый человек получит свою награду за свой труд* (1 Кор. III, 8). Труд должен быть окружен условиями нравственного человеческого достоинства.

Первое условие труда — честность. Необходимо, чтобы наш труд доставлял истинное благо, действительную пользу и нам, и нашим ближним. Я — священник. *Горе мне, если я не благовестую истины* (1 Кор. IX, 16)! Горе мне, если я знатным угождаю, а бедных презираю! Горе мне, если я сам беру деньги, а прибýtка не разделяю с нуждающимся. Горе мне, если я от других требую того, чего сам не выполняю.

Вот я вижу перед собой многих хозяек и хозяев. Труд их будет скорбным и тягостным, если они ведут свое дело не со смыслом и без разумения, рассеянно и уповая на случай. Такие хозяева рано или поздно останутся в нужде и убытках, превратятся в дармоедов, станут бременем для общества.

Теперь обратим наше слово к служащим. Смотрите, из хозяйского добра не берите себе ничего, не портите вещей, данных вам в распоряжение. Старайтесь для хозяев делать так, как бы делали для самих себя.

А вы, торговцы, не обвешивайте, не обмеривайте, не продавайте худого товара за хороший, не пустословьте, не божитесь напрасно.

Пусть каждый из нас, чем бы он ни занимался, в какой области труда ни находился, — трудится честно, будь это должность, ремесло, звание, промысел. Честный труд Богу угоден и приятен. Труженик получит сполна свою награду от Него. Все труженики — рабы Господни. *Хвалите Имя Господне, хвалите, рабы Господа. Аллилуия!* (Пс. СХII, 1).

При трудах полезно помнить о Боге. Помнить о Боге — это все равно что мыслить обо всем истинном, чувствовать любовь, желать доброго. Во время наших занятий житейских, когда руки, ноги, глаза, уши заняты упражнениями, отрадно витать душою близ того, что ей сродно, что от нее неотъемлемо, то есть быть мысленно с теми, кого искренно любим, молиться за них, стремиться к неразлучному соединению с ними. Таких желаний даже смерть не прерывает. Истинная душа любит отсутствующих так же тепло, как и присутствующих рядом. Итак, трудитесь и вместе с тем молитесь. Непорочные думы — сестры молитвы; любящая трудовая семья — храм Живого Бога. И таким образом мы и среди житейских дел будем находиться на пути ко спасению.

Труд, даже самый обременительный, может приносить радость, если мы, помня о своих важнейших обязанностях, не забываем о главном. Укажу примеры. Священнический труд тяжел, очень тяжел, если исполняется по чину и по совести, но он безмерно легок, когда священнику приходится видеть добрые плоды посеянного им на ниве любви. Содержать семью — труд весьма и весьма тяжелый, но когда введен в нее порядок — должное отношение мужа к жене, жены к мужу, детей к отцу и матери, братьев к сестрам, — то при таком труде пуд делается как бы легче фунта, день труда становится часом.

Чтобы труд был приятен, братья и сестры, избегайте ссор, жестокостей, водитесь духом Христовой любви. Со своими знакомыми и родными живите миролюбиво, помогайте друг другу, кто чем может. Мы будем заботиться друг о друге, а Господь обо всех нас.

Кроме житейских забот и суеты дня нашему душевному спасению вредят также соблазны, которые

ми мы окружены. Скажу, что соблазны есть везде, куда бы мы ни пошли, куда бы ни заглянули. Пока мы живем на земле, мы окружены сетями. Каждого из нас, кто бы он ни был, опутывает ими всегдашний человеческий враг, названный *человекоубийцей от начала* (Ин. VIII, 44). Он хитер, насмешлив, зол, он уловляет в свои сети молодых и старых, сильных и хилых, мирян и монахов, самых подвижников и подвижниц, посвятивших себя до самоотречения делу молитвы и труда. Но обратим свои молитвенные и любящие взоры к небесам. Все мы ходим под Богом. Он — Бог Крепкий и Живой. Мы слабы, Он — силен, Он — Отец любящий, а мы — дети. *Если Он за нас, то кто против нас* (Рим. IX, 31)? Любите Господа, молитесь Господу, зовите Господа. Он, призываемый нами, отгонит от нас всю силу вражью, просветит нас светом Ума Своего, очистит наше сердце, укрепит нашу волю и мы спасемся в мире сем, среди житейских наших дел и соблазнов.

Вот чему нас учит ныне св. Церковь сладчайшими и поучительными словами св. апостола: *Отдавайте всем должное: кому подать — подать, кому оброк-оброк, кому страх — страх, кому честь — честь. Аминь.*

ПОУЧЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию.

(Рим. XV, 2)

Таково правило величайшего из наставников. Он о себе, пред концом дней своих, писал: *Будучи свободен от всех, я всем поработил себя*

(1 Кор. IX, 19). *Я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись* (1 Кор. X, 33). Это труднейшее в исполнении правило апостол возлагал на своих учеников, а св. Церковь сообщает его нам в назидание, к укреплению нашей веры.

По этому правилу каждый из нас должен менее всего угождать себе, но служить всегда другим — и словом, и примером, и делом. Каждый из нас обязуется перед Господом протирать обе руки и свое любящее сердце к слабым, заботиться о пользе ближнего, содействовать его довольству, вносить в его душу свет и жизнерадостность.

Чтобы ученики апостола не приняли этих слов за внушение человекоугодия, он положительно его запретил, сославшись на собственное, личное отношение к людям: *испытайте, людям ли угождать стараюсь?* *Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым* (Гал. I, 10).

Итак, по словам апостола, человекоугодие пагубно, а благоугождение спасительно. Первое преступно, а второе законно. Человекоугодник — лживый и вредный член общества, а служащий человечеству и готовый служить ему — украшение, сила общества. Человекоугодие растлевает, а благоугождение спасает. Итак, угождать ближним велит апостол не с унижением собственного человеческого достоинства, но с разумением и предусмотрительностью: *Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию.*

Что же называется человекоугодием? Это есть угождение страстям людей, во вред делу Божию, или угождение людям без внимания к воле Господней и к душевному их спасению.

Не случилось ли нам видеть и даже знать людей, потворствующих честолюбию некоторых, превозносящих их в глаза, бесстыдно преклоняющихся перед ними? Этого ап. Павел никогда не делал. Не делал до сего дня и ни один из угодников Божиих, начиная с пророка Божия Илии, обличавшего Ахава и распутницу Иезавель, и Иоанна Крестителя, обличавшего Ирода с Соломией и Иродиадой. Ни один христианин не должен быть человекоугодником.

Не случилось ли нам видеть и даже быть знакомыми с людьми, поддерживающими в явный вред делу Божию своим согласием и участием равнодушные к святине, к частому посещению храма Божьего, к достойному проведению праздничных и воскресных дней и пр.? Такая человекоугодливость не назидательна ни для кого, но пагубна для многих. Разве не бывало отвратительных примеров, когда родители в угоду своим детям казались равнодушными или даже с виду сочувствовали их дерзким поступкам и увлечениям, явно осуждаемым волею и законом Божиим? В таком человекоугодии, как и во всякой душевной слабости, гибнет здоровое зерно страха Божия, даже и посеянное на прекрасной почве. И не диавол только на этой несчастной почве посеял плевелы, но его орудием явился враг-человек, именующийся ближайшим другом согрешающего, который по неопытности не устоял в добре. Не устоявший в добре в данном случае — жертва человекоугодия.

В чем же, по учению св. апостола, состоит *угождение ближним во благо*?

В том, чтобы, угождая им, иметь в виду их же истинное благо и назидание, не искать своей пользы

или своего удовольствия, но *пользы многих, чтобы они спаслись*.

Беседуя с ближним, не требуйте, чтобы он соображался только с вашим воззрением, но и его слушайте, благодушно, терпеливо, ведя беседу так, чтобы она вносила в его сознание любовь к правде и добродетели.

Находясь на службе, не заставляйте сослуживцев насильно разделять ваши взгляды на людей и предметы; не унижайте их малых сведений в науках. Но лучше будьте похожи на чистую пчелу, которая к какому бы растению ни прикоснулась, не отнимает у него его свойств и не причиняет ему вреда; однако горькие и сладкие, благовонные и удушливые растения дают трудом пчелы чистый материал для сладкого ароматного меда.

Остерегайтесь говорить ближнему о том, что может нанести ему оскорбление или ввести соблазн. Многие, предполагая в себе большой ум, имеют привычку попрекать других их недостатками. Многие также допускают в себе слабость отзываться о людях и предметах легкомысленно. Их замечания, может быть, действительно остроумны, способны веселить игривое воображение, но они — угождение, а не благоугождение ближним.

В поступках своих являйте доброжелательность и готовность служить ближним. Эта готовность должна иметь основой добродетель: навестить несчастного, всеми оставленного; побеседовать братски с опечаленным; сказать ласковое, ободряющее слово обиженному; не бросать камня вместе с фарисеями в соблазненную женщину; привыкшему впадать в нетрезвость способствовать подняться на высоту трезвости и труда; приласкать униженных человеческим

мнением, которое иногда является клеветой, поднять их на более высокий нравственный уровень и даже выше себя; оказать помощь бедняку, но безобидно, правой рукой, чтобы никогда не прознала левая; плакать с плачущими и радоваться с радующимся — *вот угождение людям во благо*. Угождение низводит благословение Божие на угождающего. Оно, если его делать просто, не ради славы человеческой, — великая честь для человека. В таких поступках в одно и то же время сказываются и вера и добродетель. Без веры жить невозможно, а без добрых дел и самая вера мертва.

Святой апостол, укрепляя своих учеников в правилах благоугождения людям, дает еще наставление: *Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе, чтобы оно доставляло благодать слушающим. Всякое раздражение, и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякой злобой да будут удалены от вас; но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас* (Еф. IV, 29—32). Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Умоляю вас, братия, чтобы не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях

(1 Кор. I, 10)

Для св. апостола было тяжелой скорбью слышать и знать, что между его слушателями и учениками возникали недоумения, порождавшие спо-

ры, приводившие даже к разделению. Каждая мать знает по опыту безотрадную грусть, видя своих единокровных детей разделенными в добрых мыслях и чувствах. Еще глубже печаль св. матери нашей Церкви о разделении между ее чадами. С целью соединить в одном духе и единомыслии всех, она ныне предлагает для нашего слуха убедительные слова одного из своих любимых сыновей, нашего величайшего учителя, апостола, вызывая в нас готовность эти слова запечатлеть в наших душах.

Чтобы не было споров и разделений в нашем обществе и в наших семьях, чтобы в них отражался внешний образ царствия Божия, необходимо прежде всего водворить в них правду. Только ту семью можно назвать доброй, где между членами вкоренены правдивые отношения, в которой бы ложь, какого бы предмета она ни касалась, была признана преступлением, неискренность — обидой, недоверие — общим несчастьем. Если в семью внесена несправедливость, то вместе с ней войдет туда же и разлад, за ним — действия богопротивные. Когда кто-либо из семейства изменит правде, — угасает Божественный свет искренности во взаимных отношениях членов семьи и воцаряется сумрак, т.е. лицемерие, скрытность и подозрительность. А если члены семьи (родители с детьми, супруги и т.д.) стали друг с другом неискренни, то союз между ними остается только формальный, натянутый, держащийся в своей основе не на камне любви, которого не сокрушат никакие невзгоды и превратности жизни, но на песке: достаточно повеять ветру недоверия, как он нагонит тучи бедствий и страданий которые разрушат здание семейного счастья. Гонимая своей неправдой вся несогласная семья в конце концов

рассеивается. В результате отец и мать терзаются тоской о непочтительности родных детей, супруги укоряют друг друга несходством характеров. Видит этих страдальцев Господь, но не милует, потому что они допустили поселиться среди себя неправде, не исторгли ее в самом начале своей совокупной жизни.

Споры, раздоры, несогласия и разделения в семьях имеют в числе главных причин отсутствие терпения. Святой ап. Павел в Послании к ефесянам указывает, как приобретается терпение. По его убеждению, необходимо *снисходить друг ко другу любовью* (Еф. IV, 2). Необходимо связывать свои уста для ответа против необузданных или легкомысленных укоризн. Опасность пожара предупреждается осторожным обращением с огнем; возникший пожар гасят водой и удалением горючих веществ. Раздоры удаляются благородной уступчивостью; споры — своевременным прекращением, несчастья — миром, разлады — любовью, готовой принести в жертву все для того, чтобы сохранить ясность чувства и покой сердца. Так побеждал злобу Саула Давид; он доводил его своим терпением до того, что мрачный, раздражительный Саул сам себя осуждал, говоря: *Безумно поступал я и очень много погрешал* (1 Цар. XXVI, 21).

Неудовольствия в семьях рождаются самолюбивым превозношением одних членов пред другими. Вероятно, к несчастью всех нас, случалось каждому из нас слышать, как часто дети не дают своим родителям лишнего слова сказать, как бы уверенные в том, что должны говорить они, а родители обязаны их только слушать. Видим также и печальный образец супружеских несогласий: муж безрассудно пове-

левает, а супруга неразумно прекословит; против чего восстает жена, то влечет сочувствие мужа; там, где одним членом семьи произносится утвердительное “да”, у другого является решительное “нет”. Все это гасит свет доверия, взаимного уважения, поселяет равнодушие, а часто даже — увы! — ненавистный разрыв. Везде гордость — порок противный и гадкий, а в семье, между людьми, соединенными Богом и законом, гордость богомерзка, как чудовищное олицетворение сатаны. Чтобы ее не было, обязательно надо помнить и начертать на скрижалях всей своей жизни слова Господа нашего Иисуса Христа: *Кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом* (Мк. X, 44), *большой из вас да будет вам слуга* (Мф. XXIII, 11). Чтобы не было у учеников Иисуса Христа горделивой мысли о том, кто из них лучше, Он — Богочеловек, Спаситель — смирил Себя до того, что всем им, двенадцати, даже тому, кто через час продал его за сребренники, умыл ноги. Вот истинный образец величия, данный для подражания, и при этом вовсе не трудный для людей благородного сердца.

Слышу возражения многих: трудно быть в единении с людьми, которые представляются нам врагами. Да, трудно. Но и это несчастье предвидело Слово Божие, произнесшее: *И враги человеку — домашние его* (Мф. X, 36). При этом Слово Божие дает такой совет: *молись за немощных* (3 Езд. VII, 42) — за обидчика, за недоброжелателя! *Молитесь за обижающих вас и гонящих вас* (Мф. V, 44). Молитва тушит искры гнева и мести. Молитва смягчает жестокие сердца; она сыплет огненные угли на голо-

ву наших гонителей (Прит. XXV, 22). Но важнее всего то, что молитва умилоствует Провидение Божие к ним, готовое их покарать, и вместо гнева за их неправду привлекает к ним милосердие Божие. Таким образом, наша молитва за творящих нам беды служит им во спасение.

Семейные раздоры и разделения есть болезнь общества. Святой ап. Иаков сказал: *Молитесь друг за друга, чтобы исцелиться* (Иак. V, 16). Как бывает благотворна молитва для болящего телесно, так она спасительна и для душевно страждущих. Если видите детей, враждующих с родителями, людей, порвавших дружеское общение и обративших его в надменное недоброжелательство, если видите супругу, плачущую об измене мужа, или мужа, оскорбляемого прихотью вредного нрава своей жены, помолитесь за них: они — душевно страждущие.

Умоляю вас, братие, чтобы не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях (1 Кор. I, 10). Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

*Разве не знаете, что вы — храм Божий,
и Дух Божий живет в вас?
(1 Кор. III, 16)*

Благовестник истины, св. ап. Павел стремился утвердить в христианах понятие об их высоком назначении и достоинстве. Последователи Иисуса Христа, именующие себя *рабами Господа* (1 Кор. VII, 22), обязаны в своем сознании стоять на высоте, не измеряемой взором страсти и грубой привычки.

Чтобы ответить на вопрос о том, что есть христианин, что суть ближние наши, мы должны обратить все свое внимание на признак, указанный св. ап. Павлом в нынешнем апостольском чтении: *Разве не знаете, что вы — храм Божий, и Дух Божий живет в вас?*

Велики успехи того человека в нравственной жизни, который может ответить утвердительно на этот вопрос. Такой человек знает, что он — раб Божий, купленный высокой ценой, дороже которой нет и быть не может. Он, искупленный не серебром, не золотом, но чистой и животворящей Кровию Пречистого Агнца Христа (см. 1 Пет. I, 18, 19), становится через это живым храмом Божиим, в котором живет Дух Божий. Вот побуждение для христианина: прославлять Бога в своем теле, соблюдая его в чистоте и святине, употребляя его как орудие правды и добродетели. Все члены тела такого человека одухотворены, облагодатствованы. Его светлое око, отвращаясь суеты и соблазнов, возможно чаще устремляется к небу, отражая в своем взоре, так сказать, глубину доброты и блаженной преданности воле Божией. А обращенный к земле, пронизательный его взор видит нуждающихся в помощи и любви, свете и жизнерадостности.

Слух рабов Господних, глухой к непотребным словам, лести, отверзается в храме Божиим к восприятию животворных учений, заключенных в Евангелии, апостольских произведениях, молитвословии и песнопениях.

Уста рабов Господних отверзаются на прославление имени Божия, для возвещения, развития и укрепления истинного, доброго и прекрасного. Из них льются слова утешения, ласки, ободрения, правды;

никогда из них не исходит слово гнилое, слово клеветы, лести или лукавства.

Руки рабов Господних такие, какие видите у людей, упражняющихся в полезных трудах, — это воистину освященные руки, ведущие борьбу с грехом, с нуждой, с невежеством! По окончании трудов они поднимаются к небу, возносятся горе с благословением, осеняют чело и перси знаменем Креста Господня или же, обращаясь к бедному собрату, ко вдове и сиротам, эти щедрые руки делят с ними избыток, приобретенный трудом.

Апостол Павел видел таких христиан и желал, чтобы все были такими, — да, все — и мужчины, и женщины, и всякого звания и возраста, и всякой страны христиане. Поэтому он говорил им: “Неужели вы не знаете, что вы храм Божий?”

Рабы Господни, живя в мире, подвизаясь с утра до вечера, своими душами возвещают славу Божию вместе с солнцем и утренней и вечерней зарей. Жизнь души выражается как в храме Божиим, чистыми и святыми помыслами, непорочными желаниями, благородными и благотворными чувствами. В их душах, как в светлом образе Божества, отражаются сердечная доброта, простота, мягкосердечие, ясность невинности, нежность стыдливой непорочности и прочие дивные совершенства человеческой природы. Если бы все мы, здесь присутствующие, были таковы, то могли бы на предложенный апостолом вопрос: *Разве не знаете, что вы — храм Божий, и Дух Божий живет в вас?* — единым сердцем и устами сказать: “Знаем, апостол Божий, и стараемся оправдать дар Божий прославлением Бога и в те-

лах наших и в душах наших, *которые суть Божии* (1 Кор. VI, 20).

Но — увы! — есть между нами такие, в которых не живет Дух Божий. Они живут, по выражению св. апостола, *духом обольстителем* (1 Тим. IV, 1). В этом находится существенное различие между рабом Божиим и пленником мира.

Дух обольститель есть дух страсти, дух неразумного увлечения. Люди, им поработанные, все преобразуют в мирское, плотское; все свои действия и чувства направляют к целям земным, случайным, однодневным. Внушения совести в их существе обессилены; свет чистой мысли помрачен. Даже самые благовидные намерения обращаются у них в гнусность и жестокость. Иисус Христос, Спаситель наш, указал на таких людей в обществе фарисеев. Он обличал фальшивое благочестие, которым они прикрывали свои страсти: честолюбие, корыстолюбие, зависть и другие изуверства. Благочестие у них только наружное, а внутри — это мертвецы, издающие смрадный, тлетворный запах. Неусыпный червь, которым устрашает Евангелие осужденных грешников, в них уже начал свою страшную работу ненасытного питания. К этим людям можно обратить вопрос: “Что вы делаете? Как живете? Неужели не замечаете, что в вас нет Духа Божия, что вы с виду ходите не на храм Божества, но на роскошно отделанные гробы, которые внутри полны гниения?”

Характерно то, что люди, в которых отсутствует Дух Божий, а приметно живет дух времени, отличаются подозрительностью. Они презирают, ненавидят людей, живущих несообразно их уставу. Под влия-

нием болезненной раздражительности они делают иногда то, чего не в состоянии сделать человек здоровый; плохое называют они честным, вредное полезным, спасительное пагубным. Поэтому человеколюбием они называют высочайшую степень своего личного самолюбия. Заботясь о том, чтобы других заставить жить по своему закону, они не в состоянии водворить в своих душах ни порядка, ни братолюбия, ни даже способности к каким-либо делам и подвигам ради вечного спасения.

Рабы Божии, носящие в себе свет Духа Божия, не утрачивают в себе стремлений к исполнению великих, бессмертных дел. Самое намерение совершать такие дела влагает в душу непостыдное упование, крепкую как железо, сладостную надежду. Эта надежда дает им терпение; они убеждены в существовании и в возможности счастья. Но сыны века, дети духа времени вечно остаются в состоянии недовольства, озлобленной досады, страха пред скоротечностью своей жизни. Таким образом, они теряют способность быть счастливыми.

Дух вечный, Дух Божий, Всемогущий, Всезиждущий животворит человека, ведет его над временным и случайным, руководит к вечному его назначению, вдохновляет на дела высокие, на подвиги благодатные, исполняет мудростью и силой, внушает человеку идти вперед и вперед к постоянному совершенству, к блаженной вечности.

Будем же знать и радоваться о том, что мы, христиане, — *храм Божий, и Дух Божий живет в нас. Аминь.*

ПОУЧЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

В слышанном ныне чтении апостольском св. апостол Павел убеждает всех христиан не забывать, что они запечатлены благодатию Св. Духа, что в их сердцах положен залог Св. Духа. Вот эти слова: *Утверждающий же нас с вами во Христе и помазавший нас есть Бог, который и запечатлел нас, и дал залог Духа в сердца наши (2 Кор. I, 21–22).*

Помнить это наставление — значит осуществлять те правила, на которых основывается наша нравственная деятельность. О том, что эти правила нарушаются в нашем обществе, нечего и говорить — дело ясное. Но обновлять в памяти христианские правила весьма важно, особенно в наши дни, когда светская и мирская суэта кругом поглотила и общество, и семью, и частных лиц.

1. *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем (Мф. XI, 29).* Таков урок от Иисуса Христа нам, Его ученикам. Этот урок должен быть мерилом наших чувств и правилом нашего поведения. В первые времена православной Церкви христиане действительно сообразовывали свою жизнь с этим уроком. Подражая Иисусу Христу, Который называл Себя Слугой Своих учеников и Сам умыл им ноги, богатые и знатные не только не надмевались своим счастьем, но искали способы выказать свое смирение перед бедными и нуждающимися. Они с глубокой и истинной любовью посещали убогие и бедные хижины, не отворачивались от бедно одетых людей, беседовали с ними, утешали их. Один из знаменитых римских сановников, христианин Тертуллиан,

в своем предсмертном завещании убеждал свою жену не выходить вторично замуж за язычника, потому что в язычниках нет приветливости к беднякам. “Если выйдешь замуж за неверующего, — говорит Тертуллиан, — он не позволит тебе отдаться душой христианской благотворительности, навещать бедные хижины, беседовать с бедными на улицах и площадях как сестра с сестрой...” (см. *Lib. ad. uxorem. VI cap.*).

Основной заботой первых христиан было делать добрые дела. Однако, если их добродетельные действия, их кротость, их смирение вызывали похвалу у людей, они приходили в стыд и смущение. Например, история передает такой случай. Однажды в г. Лионе, в тесную и мрачную темницу заключили несколько христиан. Им уже за исповедание Христа был подписан и объявлен смертный приговор. Несколько человек, также христиан, бывших на свободе, пришли посетить их и утешить. В своем разговоре гости называли узников мучениками. Но исповедники Христа умоляли не величать их таким именем. “Усвойте имя это Иисусу Христу, первейшему из мучеников, и называйте этим именем тех, которые подъяли смерть за веру и отчизну, о нас же, слабых и грешных, только молитесь, чтобы вашими молитвами Бог сподобил нас скорее достигнуть вожделенного Отечества” (*Hist. Euseb. Lib.1, cap. II*). Вот черта истинного смирения!

2. Общество неверующих придает великую цену роскоши. Истинно же христианское общество всякой роскоши противопоставляет скромность и простоту. Живя в свете, истинные христиане соотносятся с приличием и обычаями, но всякая пустая пышность, всякая изысканность нарушают христианскую благо-

пристойность. Мудрая умеренность — вот христианское жизненное правило. “Скажи мне, — говорил св. Кирилл Александрийский одному богатому человеку, — не все ли равно — умываться из глиняного или из серебряного умывальника? Неужели для твоего семейного обеда пригоднее стол, купленный на вес серебра, нежели стол из простого дерева? Неужели простая стеклянная лампа менее освещает комнату, нежели лампа, сделанная из золота? Не знаю, как тебе, а мне, при спокойной совести, спится так же хорошо на железной койке, как другим на ложе, сделанном из слоновой кости. Вспомним, что Спаситель наш принимал пищу из самого простого блюда, что ученики садились вокруг Него на траве. Так был чужд всякой изысканности Тот, Которому принадлежит всяческое”. (*Clim. Alex. Pedag. c. 3, p. 156*).

3. У людей неверующих жить для еды составляет правило. У людей верующих иное правило: есть, чтобы жить. Оттого в тех семьях, где падает вера, пост считается делом побочным, но зато сильно развиты прихотливость или разборчивость в пище. Истинный христианин в пище видит средство сбережения и поддержания сил. У неверующих питание обращается в некоторого рода священнодействие. Поистине, эти несчастные люди становятся служителями и угодниками чрева. Оттого пиршества и вечера бывают не только шумны, но даже и бесчинны. Едят до пресыщения, пьют до бесчувственного упоения, говорят до забвения приличий и скромности в том, о чем говорят. Послушайте, как Тертуллиан описал христианский пир. “У нас все просто и чинно. Сядем мы за стол не прежде, как вознесем предварительно молитву к Богу; едим, сколько нужно для утоления голода,

пьем, сколько прилично целомудрию, насыщаемся, не забывая, что предстоит ночь, посвященная молитве. Вечеря кончается молитвой, по прочтении которой все мы расходимся, и притом не шумной подгулявшей толпой, но с той же скромностью, с какой пришли на вечерю. Скорее можно сказать, что мы идем домой из училища добродетели, веселые, радостные, добродушные, нежели с пиршества” (Tert. apolog. cap. 28). Судите сами, похожи ли на христианские современные семейные пиршества? Люди не стыдятся пресыщаться и напиваться на крестинах, на брачных торжествах и даже на похоронах. Эти люди, к своему стыду, не должны бы называть себя христианами.

4. Люди неверующие не особенно взыскательны в требованиях своих к нравственной чистоте. Между ними разврат составляет не падение, но только слабость, весьма терпимую в человеке. Рассеянность и соблазнительное поведение, пустые, грязные слова стали для неверующей среды чем-то обычным, вошли в привычку.

Вольность обращения, двусмысленные, гадкие взоры между женщинами и мужчинами, демонские улыбки не считаются тяжким проступком. Совсем иное представляет собой истинно христианское общество. В нем и для мужчины и для женщины ангельская чистота и целомудрие считаются высочайшими добродетелями. Это братья и сестры, это благородные дети-младенцы, это Адам и Ева в раю или христиане пред Св. Чашей. Потеря чистоты составляет для истинных христиан самое тяжкое и жестокое из мучений. “Наши женщины и девы,— писал Тертуллиан,— скромны и трудолюбивы. Не смейтесь над тем, что святой псалом не сходит с уст их. Эти уста

будут верны слову, которое они сказали. Из этих уст могут исходить слова любви и чистоты христианской. В обществе они появляются редко. Может быть, они застенчивы, неловки со стороны обзора неверующих, и их манеры кажутся тяжелыми, но они всегда естественны и правдивы, спокойны и беспритязательны. Наши мужчины скромны и степенны. Они не скажут в присутствии женщины непристойной шутки; в их разговорах нет пошлости; они не поют песен, дышащих тонким развратом. Они так же целомудренны, как и девы, охраняемые целомудренным покровом честных целомудренных родителей.”

Итак, пусть верующие не забывают, что они приняли в свои сердца Духа Божия и, по блаженному упованию, соделались наследниками вечного Царства. Все мы — дети Божии, купленные смертью Единородного Сына Божия, Господа Иисуса Христа. Постараемся, чтобы эта мысль повседневно утверждала нас на пути спасения. И тем из людей, кому эта мысль привьется, жизнь земная представится тенью, а жизнь будущая — образом. Ради будущих благ, они, отвергаясь себя, жертвуя своим самолюбием, примут свой крест и неуклонно последуют за Господом Иисусом Христом, исполняя данные Им правила нравственной жизни. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою (1 Кор. IX, 15) — слова, извлеченные из апостольского чтения. Они были написаны апостолом Павлом к его друзь-

ям во Христе, живущим в Коринфе. Он был вынужден написать эти слова, т.к. его враги пытались помянуть истинную его честь. Св. Церковь всегда, поучая нас, как мать поучает своих детей, этими словами апостола обличает людей тщеславных, мнимочестных, домогающихся похвалы и славы здешнего мира; ими же она воодушевляет своих истинных чад, честных, кротких, очень смиренных, но мужественных и сильных, твердых убеждениями. Таким образом, изречение св. ап. Павла, искореняя в одних людях гордость, в других людях насаждает истинное, человеческое достоинство. *Для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою.*

1. С искренним сожалением наша мать св. Церковь видит многих, именующих себя христианами, идущими по опасному пути тщеславия. Многие начинают этот путь очень рано, увлекаемые дурными примерами старших. Тщеславие внедряется иногда самими родителями. Они сеют в душах своих детей не христианские добродетели, но качества, выдвигающие на первый план только выражение личности их детей. Сорное семя, брошенное в почву души, растет быстрее, нежели растут телесные силы человека. Скоро в этом отношении дитя перерастает родителей, а ученик учителей.

Работа сеяния и развития злого семени происходит очень просто. Внушается быть исправным учеником не по любви к науке, а потому, что ученого отличают в свете. Внушается не грубить матери, отцу и старшим не в силу нравственного чувства благодарности, а потому только, что за грубость родители могут больно наказать. Внушается не быть задиристым, подавлять свои мысли и чувства не потому, что чело-

век должен любить подобного себе, но потому, что несдержанностью в правдивом чувстве можно нажить себе врагов, утратить покровительство и т.д.

Все это растет в душе и дает плод. Действительно, с такими внушениями выходит в общественную среду человек по видимости нравственный, приличный. Он достигает того, что возможно в пределах житейского благоразумия. Он идет по житейской дороге, приспособившись к обстоятельствам, — где героем, где же ощупью, а где согнувшись и даже ползком. И вот этот человек встречается с учением апостола Павла. Читает в нем слова: *Для меня лучше умереть, нежели кто уничтожит похвалу мою.* Читатель прилагает к себе эти слова, но они не идут ни к его голове, ни к его сердцу, ни к чувству, а главное, к имени христианина, как он до того понимал это звание.

Совість напоминает ему, что в нем самом не расцвело ни одного цветка любви христианской. Все, что в нем было — расчет и борьба животного за обладание удобной берлогой. Он учился, потому что его хвалили; он служил, потому что это было ему выгодно; он начальствовал с внешне внушительной строгостью, потому что был тщеславен. Похвала ему от земли. Земля вырастила, земля и взяла к себе, что произвела. Небу такой деятель ничего не уделил, разве только одно, что коптил его своим существованием. Ангелу-Хранителю своему он не уделил сердечной близости, потому что нуждался только в земных покровителях. Может ли быть дорога этому человеку похвала неба, которая так заботила душу св. апостола Павла? Впрочем, он и ее бы охотно взял, но она ему не дастся. Вместо похвалы он может услы-

шать слово, записанное в книгу новозаветного Откровения Тайновидцем: *Так как ты тепл, а не горяч и не холоден, то Я извергну тебя из уст Моих* (Откр. III, 16).

2. Многие, многие неусыпно стараются исполнить свои обязанности, чтобы заслужить известность, которую они соединяют с понятием чести. Некоторые даже вменяют для себя в честь быть одетыми к лицу, нарядится так, чтобы казаться моложе своих лет, говорить языком современного остроумия, проявить себя на каждом шагу нужными, отзывчивыми, — словом, взять именную известность на чем только можно. Но когда они, осыпанные похвалами людской слепоты, встретятся с приведенным выше словом ап. Павла, то их совесть затрепещет.

Сам ап. Павел много проповедовал. Друзья несли ему из благодарных уст искреннюю похвалу. Но их похвал он не вменял себе; своею проповедью, вызвавшей восторг у слушателей, он не похвалы себе искал, а исполнял священную обязанность благовествовать истину. Он одинаково исполнял бы эту обязанность, если бы его не хвалили, а бранили. Он знал свойство человеческой похвалы и осуждения и говорил тем же друзьям своим во Христе: *Если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую* (1 Кор. IX, 16). И вот он благовествует истину Христову в языческом собрании и среди единоверцев, на воде и на суше, при слугах убийцы Нерона и в присутствии христоролюбивых мужей и жен, в тюрьме и на свободе.

3. Многие, за каждое свое дело, за каждый подвиг ждут награды или похвалы от людей. Иногда человек протянет руку помощи бедному, даст в пользу доброго учреждения сотую часть от своего имени, хотя бы оно нажито было мздой неправедной, а иногда просто передаст бедным, нуждающимся только порученное ему... и требует за это похвалы, — да еще какой! Публичной, написанной, чтобы все знали об его деснице милостивой, чтобы прославляли его добродушие и стар и млад, чтобы память о нем сохранилась в книгах на все времена. Если бы можно было, чтобы хвалили его не только словесные, но и бессловесные... О, как такие христиане далеки от учения Иисуса Христа и от учения св. апостола Павла! Апостол Павел всю свою награду и похвалу полагал в том, чтобы оставаться без награды и похвалы. *За что же мне награда?* — говорил он коринфским друзьям о Христе. — *Это необходимая обязанность моя, я исполняю только вверенное мне служение* (1 Кор. IX, 16—18).

4. Многие и многие желают, чтобы умер или, по крайней мере, был наказан презрением и позором тот, кто не видит в их деятельности христианского достоинства. Если послушать их мнение о самих себе, то всегда они являются во свете, которого не понимают люди тьмы. Однако их язык — язык осужденного Иисусом Христом человека, говорившего Богу: *“Я не таков, как те, я пощусь два раза в неделю и никому не должен, я взаймы даю, я нищим даю”* и т.д. (см. Лк. XVIII, 11—12). Так они говорят по своему тщеславному разумению, ну и пусть говорят. Назидательно же для нас не их слово, а слово ап. Павла. Фарисей-

ствующие желают погибели человеку, унижающему их подвиги, а св. апостол говорит: “Пусть я умру, если кто уничтожит мою похвалу перед Богом; лучше мне умереть, нежели потерять благоволение перед Богом; лучше мне умереть, нежели потерять мою чуткую совесть” (см. 1 Кор. IX, 15).

5. Многие между нами проживают весь свой век, не ища ни в себе, ни в других истинно духовных, человеческих качеств, украшающих христианина как сына Церкви, как последователя Иисуса Христа. Они не ищут духовного совершенствования потому, что они обросли, подобно камням, позабытым на сыром поле, мхом и сорными травами житейского расчета и тщеславия. Господь наш Иисус Христос, увидев окружавших Его фарисеев, старцев, книжников и не верующих ни во что, кроме себя, саддукеев, однажды сказал: *Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?* (Ин. V, 44).

6. Обратимся с несколькими словами к истинным христианам, желающим применить к себе слова апостола. Истинное доброе дело не требует огласки. Оно соединено с полным бескорыстием, не ожидает себе человеческой похвалы, но дорожит чувством духовного, внутреннего убеждения в необходимости искать похвалу от Бога. О, если бы достигнуть такой степени совершенства, чтобы каждый из нас как подражатель апостола Павла в жизни и деятельности мог сказать о себе: *Для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою.* Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Мы во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах. Мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем
(2 Кор. VI, 4–10)

Ныне читаемый на Литургии Апостол увещевает и вразумляет христианина идти путем заповедей Божиих. Апостол Павел, как истинный учитель, утешает своих учеников будущими успехами в трудной работе, которой полна вся наша жизнь. Велик и долготруден труд христианина, но он обилён великими и драгоценными последствиями.

Правда, жизнь с своими условиями труда одинакова как для верующих, так и для неверующих. Но различие сказывается в целях труда. Там, где падает религия, люди работают для золота, потому что золото доставляет способы наслаждения, а наслаждения составляют жизнь людей неверующих. Общество или государство, где падает вера, всегда походит на обширный рынок, где все можно купить, потому что все на этом рынке продается. Здесь золотым ключом можно многое отомкнуть: золотой монетой, банковым билетом можно купить и честь, и совесть, и достоинство, и долг, и власть, и даже жизнь. К стыду человечества, в обществе неверующих есть продавцы всего этого, есть и покупщики. Потому в обществе,

где падает религия, история записывает и утомляется записывать вопиющие неправды и беспрестанные возмущения, насилия, убийства, самоубийства, отравления и другие гнусности, от одного известия о которых кровь приливает к сердцу; хочется спрятаться куда-либо, чтобы не слышать, не знать и не видеть деяний и “подвигов” растленного общества.

Совсем иная жизнь светит в истинно христианском и истинно верующем обществе. Здесь общество, семья, члены семьи, частный человек помнят, что основателем веры был Иисус Христос, родившийся в вертепе, редко имевший, где преклонить Свою святейшую главу, и пострадавший на Кресте. Не забывая ни днем, ни ночью об Иисусе Христе, верующие помнят и Его заповеди о нестяжательности. Они ограничиваются удовлетворением своих насущных потребностей: одеты, обуты, сыты — и слава Богу! Первых времен христиане, *имея пропитание и одежду, тем и были довольны*, по учению апостолов (1 Тим. VI, 8). Они не чуждались никакого честного дохода. Честный доход христианству не противоположен — он есть плод благородного труда и умения; но такие ужаснейшие источники прибыли и сбережений, как ростовщичество, скаредность, безжалостность, равнодушие к сиротам, вдовам, много семейным людям никогда не были терпимы истинным христианством.

Не спорим, что от “трудов праведных нелегко нажить палаты каменные”. Не спорим, что в известной части общества даже подсмеиваются над добродетелью нелюбостяжательности; в ее существование даже не верят. Но истинный христианин может и должен не обращать внимания на такой укор и такую бе-

зумную насмешку. Бедность честная, христианская скорее составляет славу, нежели унижение. Она есть мать умеренности, укрепляющей душу, тогда как роскошь расслабляет ее. Да и можно ли назвать бедным такого человека, который ни в чем не нуждается, не желает и не ищет принадлежащего другим, полагает и имеет свое сокровище в Боге?

Мне кажется, напротив, беден тот, кто, имея богатства, алчет еще больших. Мне кажется, как бы кто не был беден, все же он не так беден, как был, входя в мир слабым, бессильным, немощным, голым ребенком.

Мне кажется, что чем легче ноша у путешественника, идущего на своих ногах, тем легче и удобнее он совершит свой путь. Так и на жизненном пути: нестяжательный христианин легче оканчивает свое земное поприще, потому что не чувствует гнета богатства. Да и неужели Бог отказал бы в богатстве истинному Его поклоннику, если бы богатство служило ему на пользу? Нет, лучше быть добродетельными, нежели расточительными или жадными скаредами. Богатые люди разве не рабы золота и разве из-за него часто вовсе не забывают о небе? А забвение о небе — это истинное безумие.

Некогда дикие, огрубелые, жестокосердые евреи поклонялись золотому тельцу в пустыне, плясали вокруг него. Вокруг золотого тельца кружится и общество неверующих, но уже не в пустыне, а в столицах, не дикое, а называющее себя просвещенным, образованным, цивилизованным. Не о той трудолюбивой деятельности я говорю, которая, усиливая и распространяя благотворный труд, усиливает и распространяет вместе с тем общее благосостояние и уменьшает ни-

щету в хижинах, среди рабочих людей, меньших братьев. Я говорю об алчности и корысти, грызущих общество, для которых все пути законны и все средства наживы позволительны и которая, рабствуя роскошным требованиям света, не признает ничего святого, заповеданного и заветного, находящегося вне удовлетворения чувственных требований и наслаждений.

Для неверующего человека трудолюбие не считается добродетелью. Часто приходится слышать, что люди неверующие человеческую доверчивость измеряют аршинами, пудами и рублем. Для них молитва есть труд непроизводительный и бесполезный; священник — человек-туняедец и Церковь — общество людей праздных. Само собой разумеется, что такие недостойные речи можно услышать только от людей, потерявших цель жизни. Для истинного же христианина труд честный, как внешний, так и внутренний, составляет занятие в жизни и имеет очень большое значение.

Читая историю Церкви, мы знакомимся с подробностями истинно христианской жизни в первые века распространения веры. Христиане вставали рано, до зари. Не в обычае христианском было превращать дни в ночи и ночи в дни, как теперь бывает. Пока спят неверующие, раньше, нежели они проснутся, верующие успеют уже совершить свою внутреннюю молитву. Проснувшись, каждый христианин возлагает на себя крестное знамение. Одевшись, умывают руки и лицо, потому что опрятность входит в число христианских качеств. Если все семейство состояло у древних христиан из учеников Христа, то оно собиралось в особо назначенную комнату для утренней молитвы, которую читал старший, а все прочие уча-

ствовали сердцем. Утренняя молитва была обыкновенно продолжительна по той причине, что утро считалось самым приличным временем для славословия Богу. Обычно утром, на длинной домашней молитве, верующие воссылали благодарность свою ко Господу за сохранение тела и души в мимолетную ночь и просили об охране души и тела в предстоящий день. Хотя христиане были рассеяны во всех концах света, но в условный час раннего утра все стояли на молитве, по пробуждении от сна. Вся эта масса людей, разделенных пространством, разбросанных по разным странам земного шара, представляла собой как бы одно боголюбивое семейство, члены которого каждое утро с любовью и доверием обращаются к одному Отцу для напутствования их благословением на предстоящий труд.

Насколько усердна и внимательна молитва истинного христианина, об этом лучше всего прочесть слова Тертуллиана, одного из учителей православной Церкви, жившего во II веке н.э. Он в своей защитительной речи пред римским Сенатом писал: “Мы возносим молитвы наши, имея взор, устремленный к небу, руки распростерты и голову открытую. Мы молимся сердцем, и тогда как наши руки распростерты, делайте с нами, что хотите: терзайте нас железными когтями, распинайте на кресте, бросайте зверям,— молящийся христианин самым положением своего тела показывает, что он, ради Господа, готов на все” (Тертуллиан).

Простирая свои руки к Богу, христиане возносили к Богу и свою душу, проникались чувством Его присутствия и беседовали с Ним так, как будто созерцали Его очами. Во время молитвы они отпускали друг

другу согрешения, молились за родителей, друзей, родных и за самых врагов; ибо для христианина, по словам Оригена, недостаточно только прощать врагам, ему надлежит и молиться за них.

Ниспосли, Господи, всем нам Свой свет присносушный; укрепи в трудах, приносящих плоды чести христианской; сердце чистое и дух сокрушенной молитвы даруй нам, Боже. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

*Вы храм Бога Живаго, как сказал Бог:
вселюсь в них и буду ходить в них.
И вы будете Моими сынами и дочерьми,—
говорит Господь Вседержитель
(2 Кор. VI, 16–18)*

Эти слова произнес Боговидец Моисей (Лев. XXVI, 12). Пророки Божии Иеремия и Осия повторили их (Иер. III, 19; Ос. I, 10). Апостол Павел благовествовал их перед начинающим собираться в Единую Святую Апостольскую Церковь обществом христиан. А св. Церковь ныне возвестила эти Божии слова в назидание всех и каждого.

Быть храмом Божиим, жилищем Пресвятаго Духа Божия — величайшая честь для каждого из нас. Кто мы? Бренные, из персти земной сложенные существа. И такой херувимской чести, такого ангельского блаженства удостоены мы все, без различия, но по благодати, туне, как уверяет св. апостол.

Когда удостоены? В Таинстве св. Крещения, когда приняли печать Духа Святаго, в Таинстве св. Миропомазания. Верный в своих Божественных

обетованиях, Господь обещал нас возродить от воды и Духа — и возродил; обещал ниспослать Духа Святаго — и ниспослал. Итак, вы все — храм Бога живаго.

Что же доставляет нам обитание в нас Духа Божия? Все, что нужно для снискания святости и любви Божией. Дух Святой приносит и дарует нам прощение грехов. Если бы не имели этого блага, то мы были бы не сынами и дочерьми Божиими, но чадами гнева и погибели.

Дух Святой оживотворяет все наше существо, а в Таинстве Св. Причащения дарует залог Воскресения самого тела нашего, так что придет день, когда это тленное тело облечется в нетление и мертвенное сие облечется в бессмертное (1 Кор. XV, 54). Разумные нерукотворные храмы Божии несокрушимы, бессмертны.

Да и кто из нас, верующих, не ощущал действия и плодов пребывающего в нас Духа Святаго? Откуда происходит свет истинной веры, озаряющей наш ум, восторгающей мысленный наш взор? Это действие Святаго Духа.

Когда в душе нашей являются святые мысли и намерения, возникают желания к доброму, когда во время молитвы ощущаем неизреченную сладость, когда дух восхищается, трепещет, полный благоговения и надежды, — что изображаем мы из себя? — храмы Божии, — отвечает св. апостол.

Почему, спросите, многие из нас ничего подобного в себе не ощущают? Рассудите, если храм заперт, то в нем нет службы; если храм загрязнен, то в нем молиться неудобно; если в храме вместо молитвы ведутся разговоры, чувствуется постороннее, развлека-

ющее настроение, то храм утрачивает цель своего назначения. Обратим название храма Божьего к себе: как же мы найдем в себе пребывание Святаго Духа, если совесть наша обличает нас и днем и ночью в преступлениях Божественного закона? Если согрешили много и, может быть, как должно никогда не раскаивались? У многих из нас духовные силы заглохли, подобно бедным полям, на которых посеяна была пшеница, а выросли сорные травы. Если не употреблять с самого младенчества ни рук, ни ног, то руки не будут в состоянии чего-либо удерживать, а ноги — крепко стоять на почве.

Не то удивительно, что благодать Святаго Духа так скрывается в глубине нашей души, что мы ее не замечаем, даже сомневаемся, пребывает ли в нас Дух Святой, но то дивно, что Он нас не оставляет в продолжение нашей жизни. Луч благодати согревает иногда нашу душу добрым чувством. Сердце, как бы оно ни было жестоко и окаменело, согревается благодатными чувствованиями. Вот почему и ныне святая Церковь нам говорит: “Вы храм Божий...”. Сыны и дочери Божии, зажгите светильники, воспойте гимн во славу Божию, прославьте Бога.

Что же делать? Церковь устами святого Максима Исповедника отвечает на этот вопрос: “Пока искра жизни не угасла в вас, не угасла возможность обращения к Господу, Дух Святой готов излить на вас свою благодать. Делайте то, чего требует воля Божия, — целомудрие и смиренномудрие; старайтесь возрастить в себе плоды Святаго Духа: любовь, радость, мир, долготерпение, веру, кротость, воздержание и милосердие (Гал. V, 22). Этот спасительный труд сделает вас, сыны и дочери Божии, не

только храмом Духа Святаго, но и обителью всей Пресвятой Животворящей Троицы. А если не захотите этого сделать, то воля Божия исполнит свой приговор: если кто Божий храм растлит, растлит сего Бог”. Аминь!

ПОУЧЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

*Ибо благодатью вы спасены через веру,
и сие не от вас, Божий дар: не от дел,
чтобы никто не хвалился. Ибо мы — Его творение,
созданы во Христе Иисусе на добрые дела,
которые Бог предназначил нам исполнять.*

(Еф. II, 8–10)

Если вы вслушались внимательно в содержание прочитанного ныне апостольского чтения, то должны понять, что апостол Павел предостерегает нас более всего от самомнения и самовосхваления. Все, что мы производим хорошего и доброго — это дар Божий. Своими собственными делами никто не может похвалиться. В них всегда основа — или самолюбие, или же слепое подражание другим, или же тупое подчинение так называемым случайным обстоятельствам жизни.

Там, где нет благодати Божией, там область тьмы; где не опочил дар небесной помощи, там действия человеческие принимают совсем иной вид, получают и иной исход.

Благодать Божия в своих действиях может быть сравнима с солнцем, на всех и все льющим свой благодатный теплый свет. Но если солнечный луч, когда он падает на воск, убеляет и смягчит его, то тот же

луч, когда падает на глину, делает ее еще тверже, так что она совершенно засыхает. Так и душа человеческая, под влиянием Божией благодати, или усовершенствуется более и более, делается благодатной, чистой, любвеобильной, нежной, или же, прилепляясь к земному, противится небесному, становится грубой, ожесточается и каменеет.

Над всеми нами простерта Божия благодать, т.е. над всеми без исключения людьми. Каждая человеческая душа есть зарница, занимающая свое сияние от Духа Божия. Но в ее воле, гореть ли блеском Небесной Славы или же тлеть в дымном чаду мира, который удушлив не только для других душ, но и для нее самой.

Возьмите для примера чувство веры. В одном человеке это чувство является просвещенным. Душа хочет веры, ищет, просит веры и находит ее. Под влиянием Церкви и ее спасительных Таинств, под влиянием Слова Божия, богослужений, чистого наставления, родительских молитв укрепляется эта вера. Душа любит Христа высшей любовью. Он ей Друг, Отец, Жених и ее Радость. Здесь, таким образом явилась спасительная благодать Божия. От яркого солнышка растопился воск, и горит он ярким пламенем.

Но вот оборотная сторона того же чувства веры. Верить нужно. Жить без веры нельзя. Но человеческой душе кажется тяжелым и устав Церкви, и Слово Божие. В ней является дух упорства, душа хочет веровать по-своему. Через это в ней является первое огрубение. Сначала отвергнута или перетолкована какая-нибудь заповедь или воля отца и матери, а потом уже и воля Божия. Сначала сердце стыдилось, смущалось при одной мысли о чем-либо нечистом, а

потом уже привыкло к нечистоте. Сначала оно боялось судить о человеке резко, а потом оно уже не смущается резко говорить о самой воле Божией. Так часты в наше время неробкие суждения о постах, о церковных службах, о людях, нам дорогих, о том, чего мы, в сущности, не знаем, но о чем готовы умствовать, оценивать по своим меркам и осуждать. От таких людей Божия благодать далека. Не она от них отнята, а сами они от нее удалились. Сами они из своего сердца сделали глину, которая готова окаменеть настолько, что лишается с каждым днем способности вбирать в себя лучезарную Божественную теплоту.

Возьмите другой пример. Душа человеческая ничего более не желает, как видеть правду. Нет ничего на свете для человека дороже, чем носить в сердце истину. Мы вечно ищем истины. Наш глаз ищет ее в небе, ищет и на земле, ищет в людях, ищет и хочет водворять эту правду в себе самом. От этого желания истины не свободен ни один человек. Но ищут ее двумя путями. Одному человеку, чтобы найти истину, достаточно слов его доброй матери, которая ему скажет: “Молись, мое дитя, Богу; у Него источник истины. Он Дух Истины”. Дитя послушалось и потом целый век помнит эту материнскую указку. И в молодости, и в старости такой человек ее вспоминает и стоя на молитве в храме, и читая книгу, и слушая проповедь, — словом, везде; и при матери и без матери с ним — благодать Божия.

Но другие люди ищут правды иным путем. Им невнятен язык такой простоты. Они сами, помимо отеческого дома, помимо Церкви стараются добыть эту правду и, разумеется, нигде ее не находят. В душе вместо истины накапливается ложь, которую, однако,

мнящий о себе человек принимает за правду. Сердце загорело от гордости и отсеклось от всего. Такой человек в театре светского зрелища видит уже больше истины, нежели в картине Божьего величия, в простоте великого храма природы и благодати. Этому человеку тяжела и противна истина в простоте и святости; он гонится за модными учениями, идеями, громко бьющими ему в глаза и уши. И вот — он остается без истины: смеется, потешается над тем, над чем нужно плакать; выставляет напоказ то, что нужно прятать как можно дальше; гордится тем, от чего другой человек, познавший истину, стыдится и смущается.

Возьмите третий пример. Рано пробуждается в каждом человеке неотвратимый вопрос: что такое человеческая жизнь? Еще прежде чем у ребенка раскроется самосознание, умные родители, поднося младенца к св. Христовой Чаше, внушают ему: “Дитя, ты будешь и должен приобщаться Св. Христовых Тайн в жизнь вечную. У тебя есть Отец Небесный и Матерь Божия; Они тебя и нас сохраняют; когда нас не будет, Они тебя примут под Свой покров, под покров жизни вечной. Настоящая жизнь на земле, а вечная жизнь там, на небе”. И часто такими простыми наставлениями у человека образуется понятие о вечной жизни. Придется жить такому человеку в нуждах, у него является надежда на вечную жизнь: бедному здесь Господь обещает богатство там. Такая блаженная душа рассуждает примерно так: “Пусть я одинока, нелюбима здесь, но я верую, что там, на небе, я не буду покинута; там меня поймут, оценят и любят, потому что я сама всех люблю и потому что вечная жизнь есть жизнь чистой любви, радости, блаженства и счастья”.

Но совсем иначе обнаруживаются те же понятия в других людях, в которых не внедрено правильного понятия о вечной жизни. Для них жизнь — это, если хотите, торг с куплей и продажей; или — это пир, на котором только и делают, что едят, пьют, смеются и пересмеиваются; или — это поле брани, где люди состязаются, кто кого сильнее, кто кого умнее, кто богаче, красивее и безобразнее! При таких представлениях совсем нет вопроса о вечности в продолжение всей жизни. Жизнь у таких людей своими печальными и веселыми сторонами идет как комедия. Страшный вопрос о вечности раскрывается только перед смертью, да и здесь не всеми и не всегда разрешается, хотя сознается ясно вся гадость *похоти плотской, похоти очес и гордости житейской* (1 Ин. II, 16).

Четвертый пример. Еще в раннем детстве честные родители внушают детям добрые правила и полезный труд. Они на себе показывают пример добра и истинно полезных дел, показывают это без самохваления и гордости, а в простоте, как истинно хорошие дела и делаются всегда на свете. “Вот, дети, сделали мы хорошее дело; нам бы этого не сделать, если бы Бог не помог. Нас не любили бы люди, если бы Бог не был милостив к нам. Знайте же, дети, что все, что мы ни делаем хорошего, все это от Бога. Все это Христос нам подает”. И дитя растет, и укрепляется мыслью, что все хорошее от Бога, и вырастает в мужа совершенна. И если такому человеку представится сделать подвиг, он его сделает, призывая на помощь Бога, сделает так смиренно, что увидит его добрые дела только единый Бог. Всякую обязанность подобный человек принимает за дело великое и святое. Где бы

он ни стоял, на горе или под горой, где бы он ни служил, в храме ли, на площади, на рынке, в городе или в селе, он везде силен, и не сам собой, а Богом. Предложите ему дружбу, он или уклонится, — не по гордости, а по страху и трудности сберечь ее, — или, если не уклонится, соблюдет ее как великую святыню, как жертву, принесенную от чистого сердца. Здесь любовь человеческая и есть дар Божией благодати. Такие люди — отрада человечества, будь они мужчины или женщины, — утеха в этом мире.

Другими представляются люди, смотрящие на жизнь с точки зрения так называемых житейских правил. Они в жизни ищут одних только успехов. Они из своей жизни делают поле для маневров. У них все силы тратятся только на то, чтобы успеть и победить. Захотел — и выполнил. Середины не ждут, — страсти не терпят середины: им отдай все. Но это все, взятое с боем, скоро надоедает, ветшает и бросается. В этом случае без жалости убивается и дружба, и иные самые заветные, святые чувства. Тогда и настает момент, когда герои и героини такой печальной действительности становятся жалкими. Одни из них злобно поражены оскорблением своих чувств, а другие гордо и беззаботно несутся к новым победам до первого поражения.

Пятый и в моем поучении на этот раз последний пример. Обстоятельства жизни всем людям представляют страшное противоречие: то удача, то неудача. Это всегдашнее нераспутанное сцепление. Умные родители сумеют вовремя сказать своему ребенку: “Не унывай... Бог не любит уныния; христианин должен быть бодр”. Те же честные родители смиряют в

молодом неопытном человеке и стремление к буйному веселью. “Люби, моя дочь, отцовский дом. Будь чаще и возможно дольше с нами. Вне дома чужой свет. Там для тебя безумное веселье”.

Благо тем, кто не пропустил этого совета, данного христианским благоразумием. Но бывает — и как часто бывает! — иначе. А вследствие непослушания поражает ослушника беда. В превратностях же жизни редкий человек умеет вовремя найтись. Чаще всего человек при нагрянувших на него бедствиях — плодах его собственной дерзости — теряется и опускается до уничижения или же ожесточается. Пребывая во грехе, человек не способен подняться: он озлоблен, но не против греха, а против людей, его соблазнивших. Смущается и страдает не от раскаяния во грехе, но из-за досады, что он, такой твердый, мог упасть. Конечно, такому человеку уже не подняться; ему не понять всего значения милости Божией; не понять, что Иисус Христос не праведников приходил в мир спасать, а грешников.

Другие же под влиянием удач живут, будто очарованные: им нужно только веселье, — и какое?.. — нарядное, разнообразное, каждый раз новое. Таким людям противны скромные радости семейного очага или же простые привычки скромного кружка; им нужен широкий простор суеты сует. Это вполне блудные дети, заблудшие люди, мертвые душой.

Итак, познайте, как сильна благодать, действующая в нас! Она совершает добрые, благоугодные дела. Без нее наши души находятся в непробудном сне! Без благодати мы не люди, а с Божественной благодатью — Ангелы во плоти, чудный, бессмертный образ и подобие Божества. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Итак, я узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира. Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас. Каждому же из нас дана благодать по мере дара Христова
(Еф. IV, 1–7)

Православная Церковь в утешение и назидание своих членов установила сегодня читать одну часть послания св. апостола Павла к христианам. Святой апостол, когда писал прочитанные ныне слова, находился в заключении за исповедание веры Христовой. Безвинный узник каждый день ожидал смерти, но дух его витал в области истины. Приготавливаясь к отшествию в мир беспечального и бесконечного бытия, он своей рукой писал такое завещание: *Умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны.* Или, другими словами, “ведите образ жизни, соответственный званию христианина, и не опозорьте Божественного благодеяния порочной жизнью”. Чего же требует и к чему обязывает нас звание христианина? Как нам жить достойно того, к чему мы призваны?

Святой апостол Павел сам отвечает на этот вопрос: *Живите со всяким смиренномудрием и кротостью, с долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единение духа в союзе мира.*

Вот отличия истинного христианина! Жить в смиренномудрии — это значит не только не быть гордым, кичливым и заносчивым, но вполне сознавать свою малость пред Богом и даже в сравнении с другими, себе подобными людьми. Человек смиренномудрый высоко ценит достоинства и преимущества своей души, и потому он стремится сделать ее светлымместищем дарований Божественных. Чем больше он ощущает в себе эти дары, тем глубже в нем сознание своих немощей. Как бы он ни был добродетелен и чист, но не перестает смирять себя более и более. Вот христианское отличие, заповеданное ап. Павлом.

Живите в кротости. Апостол Павел указывает на наши отношения к другим, выражающиеся в словах и в обращении. *Никакое гнилое слово не должно выходить из уст наших* (Еф. IV, 29), а тем более такие слова, которые могут повредить чистоте нравственности. Из уст христианина не должны исходить не только бранные, но и досадительные слова. Обращение христианина должно быть со всеми просто, без лукавства и гордости, все должно быть благоприлично и любезно, все скромно и мирно; все должно дышать кротостью.

Живите с долготерпением, снисходя друг ко другу любовь, — продолжает св. апостол Павел. Здесь апостол ставит правило, как нам поступать, когда увидим слабости и несовершенства других. Христианин должен каждый свой шаг в обществе направлять намерениями снисхождения и терпения. В нашем сознании постоянно должна присутствовать мысль о том, что все люди — существа нам подобные. А потому истинный христианин или не чувствует оскорблений, или же скоро их забывает и молится за своих недругов

и недоброжелателей. Он молится и о тех, заблуждения и погрешности которых видит; не осуждает, но братски их исправляет. Терпение его твердо и неизменно ко всем, потому что оно утверждается совершенной любовью. *Если и впадет человек в какое согрешение, — говорит апостол, — то исправляйте такового в духе кротости* (Гал. VI, 1).

“Помните, — говорит апостол, — все христиане — члены одного тела, глава которого *Иисус Христос* (см. Еф. IV, 15; V, 30). Члены тела не враждуют между собою, но каждый выполняет данное ему назначение (см. 1 Кор. XII, 12–27). Помните, что у христиан *один Дух* (см. 1 Кор. XII, 4, 13) — это Дух Божий. Дух Божий всегда согласен Сам с Собою и все соглашает. Если являются в христианском обществе распри, то это не по духу, которым оно воодушевлено, но вследствие преобладания чувственности и животности, плотского мудрования”. *Дела плоти известны; они суть: блуд, идолослужение, вражда, ссоры, зависть, гнев, разногласия, ереси, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное, — говорит апостол* (Гал. V, 19–21).

“Помните, — говорит ап. Павел, — у вас должна быть *одна цель и одно назначение* (см. Флп. III, 14). Эта цель — будущая вечная жизнь в царствии Христовом. Все христиане должны представлять из себя *воинов, имеющих в виду, одержав победу над общим их врагом, достигнуть славы, назначенной им Царем*” (см. 1 Тим. I, 17–18). У всех христиан должны быть *одни враги и одни друзья*; одинаково они должны отвращаться от всякого зла и одинаково они должны желать всякого добра. В истинно христианском обществе нет места зависти, вражде и раздорам.

“Помните, — говорит апостол, — что над всеми вами находится *Один Господь*”. В Его власти вся ваша судьба, сила, жизнь здешняя — земная и жизнь вечная. Потому-то каждый из нас должен знать, что он живет на земле с единственным назначением — умножать вверенные ему таланты. *Никто из нас не живет для себя и никто не умирает для себя; а живем ли — для Господа живем; умираем ли — для Господа умираем* (Рим. XIV, 7–8).

Вот шесть правил, изложенных св. апостолом Павлом, для истинных христиан. Они очень просты, ясны, но нелегки, особенно в наше время, когда подобное наставление для многих кажется крайне идеальным.

Эти правила не мечтательны, но взяты из сущности самой жизни. Будем просить у Господа силы нравственной, силы душевной, чтобы суметь нам их исполнить. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

*Не упивайтесь вином,
от которого бывает распутство,
но исполняйтесь Духом*
(Еф. V, 18)

Слова апостола относятся ко всем: и пьющим вино, и не упивающимся им. Трудно надеяться, чтобы имеющие навык к опьянению послушались слова нашего. Не к ним оно от нас, но ко всем христианам. Я буду беседовать с вами о достоинстве телесной чистоты, столь необходимой в подвигах душеспасения и возвышения человеческого достоинства.

У нас должна быть одна забота на земле: исполнить заповеди Иисуса Христа. Каждый из нас более всего должен думать о том, чтобы достойно и по праву носить звание христианина и стать истинным последователем и истинным учеником Господа нашего Иисуса Христа. При усвоении учения Иисуса Христа, при исполнении заповедей Его нужно всегда иметь в виду такое условие, которое может выполнить всякий человек, а именно: всякий из нас может и должен соблюдать святую непорочность.

Целомудрие, совестливость, благородная стыдливость, соблюдение своего тела в святой невинности обязательны для христианина. Если тело наше не свободно от греха, то душа не может быть усердна к молитве. Апостол Павел заповедует христианам и христианкам беречь свое тело в чистоте, ибо оно есть храм Святого Духа (см. 1 Кор. VI, 19). Добрые и заботливые люди стараются охранять свой дом от пыли, грязи и держат его в надлежащем и приличном виде; тем более нужно соблюдать в непорочности свое тело, в котором обитает душа — частица Духа Божия. Мы должны стремиться к тому, чтобы соединиться с Господом. *Соединяющийся с Господом, один Дух есть с Господом*, — говорит св. апостол Павел (1 Кор. VI, 17). Но человек, осквернивший свое тело блудом, не будет иметь счастья в этом соединении. *Ни блудники, ни прелюбодеи Царства Божия не наследуют* (1 Кор. VI, 9—10). Такие люди погубили в себе ангельскую чистоту, загрязнили свою душу и все ее способности, растлились и развратили свою плоть.

Свое тело христиане должны держать в строгости, уклоняться от излишеств неги, лени и прихоти, до-

вольствоваться простой пищей, одеваться в скромную одежду и строго во всем держаться умеренности. Растлевая свое тело, человек унижается до скотского состояния; напротив, сохраняя в чистоте свое тело, человек возносится выше тленного мира. Мы не разумеем здесь самоумерщвления и даже умерщвления плоти. Первое — грех, второе — великий подвиг, который не всякому под силу. Но мы проповедуем умеренность, скромность и благоприличие.

К великому прискорбию, в наше время даже грехи бесстыдства извиняются обществом. От такого послабления падает нравственный строй семейной жизни и даже общественной. От такого потакания безнравственности вянут молодые души. С ранних лет они наполняют свое воображение картинками и представлениями нехорошего содержания. Молодые девицы знают о том, чего в былые времена не знали мужчины пожилых лет. Нечистые воззрения, нечистые слова — все это делается достоянием юности. Страшно становится за таких подростков: чем-то они вырастут, чем они будут в 30-40 лет своей жизни?!

Известно, что люди, рано познавшие плод страстей, бывают мало пригодны для семейной жизни. Порочная страсть всегда уносит с собой благодатный мир и семейную любовь. Оттого-то в наше время так много семейных ссор, охлаждений, беспричинных раздоров между женой и мужем. Вследствие того, что они не умеют чисто относиться друг к другу, они оказываются неспособными к дружному воспитанию своих детей. А если семья не спаяна любовью, то заранее можно сказать, что она погибла. В жизни — что в море: может вынести бурю только хорошо снаб-

женный корабль, но всякий утлый, несовершенно оснащенный челн разобьет в щепы первая же житейская волна. Только поддержанием строгой нравственности закрепляется союз вечной дружбы и постоянной любви; безнравственная связь так же непрочна, как дом, построенный из промокаемого картона. Первая или вторая невзгода сокрушит такое здание, как первая или вторая размолвка разрушит страстный союз с виду дружеских, а в действительности распутных отношений.

Вот почему апостол Павел убеждает всех нас, христиан, чтобы *грех не царствовал* в нашем теле смертном, т.е. обреченном на смерть; чтобы мы не повиновались ему в похотях его, как бы они ни были обольстительны (Рим. VI, 12); чтобы мы прославляли Бога в телесах наших и душах наших, потому что души и тела наши суть Божии (см. 1 Кор. VI, 20).

Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство, но исполняйтесь Духом Святым. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских
(Еф. VI, 11)

Все апостольское чтение сегодня состоит из советов, указывающих, каким должно быть *всеоружие*, столь необходимое для христианской добродетельной жизни.

Первый совет апостол обращает к людям, сильным душевными способностями, способным носить

меч духовный (Еф. VI, 17). Он налагает на сильных обязанность *сносить немощи бессильных* (Рим. XV, 1). Этой обязанностью выражается значение дарованных от Бога человеку свойств.

Люди должны делиться с другими всем, что у них есть. Желательно, чтобы все живущие в мире имели твердую волю, крепкий здоровый ум и ясное сердце. Но это желание только тогда может осуществиться, когда люди станут ближе один к другому. В каждом человеке есть своего рода сила и своего рода слабость. Если бы все люди делились друг с другом силой, то, очевидно, не было бы среди нас и слабых. К сожалению, мир идет иными путями, живет не так, как требует христианская совесть, и не так, как советует апостол.

С грустью смотрим мы на то, как по большей части люди заботятся только о себе, о своей пользе и забывают про другого. Все способности и дары, полученные нами от Бога, употребляем мы лишь для себя и другим уступаем лишь нечто и за дорогую цену. Оттого мы замечаем повсеместную нужду и везде беспорядки и неустройства. Количество бедствующих растет без счета, число добрых и благодушных сокращается. Усиливается ропот, слышатся болезненные вздохи, прорывается по временам голос отчаяния.

Как назвать то положение, когда человек, имеющий силы и способности, готовый трудиться и работать, не находит вовсе или находит с трудом возможность пристроить себя к какому-либо месту? Как назвать положение, когда в обществе перестают радоваться увеличению семейств, а отцы и матери со страхом встречают рождающихся у них детей? Это и есть болезненные вздохи немощного и страх отчая-

ния. В Евангелии говорится, что мать, рождая дитя, не *помнит* скорби от радости, потому что человек родился в мир (Ин. XVI, 21). В лучшие времена, по-христиански, так и должно быть, потому что нет выше на свете дара, как явление человека в мир; потому что каждая человеческая душа дороже всего мира. В тяжелые времена ни матери, ни отцы не радуются, а с некоторым недоумением глядят на нового пришельца, потому что видят, что в обществе сильные притесняют слабых, и даже самые добрые не протягивают руку помощи слабым и немощным.

Чем же может закончиться подавление немощных сильными? Образом, совершенно противоположным учению и заповедям христианства. Мир ждет рабство, а не свобода. Сердца слабых людей, изнуренных, запуганных, устрасаемых, замрут в чувствах нравственной и физической боли, а сердца сильных огрубеют, ожесточатся до бесстыдства. И мир представит из себя поражающую картину: деньги станут дороже человека, скот — нужнее человека. Очевидно, что жизнь в таких обстоятельствах не расцветет христианской любовью и не принесет плодов утешительно-радования. Когда человек с утра и до вечера, изо дня в день, из года в год только помышляет о борьбе за свое существование, тут уже не до радости и не до спасения. Когда человек сыт до пресыщения, беззаботен до неподвижности, ему на ум нейдут мысли о труде, о счастье себе подобных, о будущей жизни. У него день за днем все разнообразные прихоти и затей, потешающие чувственность и похоть до безумия.

И что же выходит в конце концов? Бедствующий человек забывает Бога и Церковь, потому что его не научали их помнить, перестает помнить воскресные и

праздничные дни, потому что и в праздники, как и в будни, точит и грызет его червяк нужды и насущных потребностей. Осмелитесь спросить у него, отчего он редко посещает храм Божий. “Оттого, — ответит он, — что меня никто даром не накормит, я немощный”. Спросите другого, отчего ведет он нетрезвую, неприличную жизнь. “Оттого, — скажет он, — что меня не научили быть ни трезвым, ни приличным”. Подымитесь этажом выше, к счастливым, дерзните спросить, отчего они не бывают в церкви. И здесь вы услышите слова, обличающие поразительнейшую грубость сердца: “Дурная погода... не хотелось... проспали... мы не монахи... не знаем, о чем молиться,” и тому подобный вздор. В сущности же, потому что сердце этих счастливых одряблело, как гнилая, съезжившаяся губка. “О, безумцы, — говорит Иисус Христос, — вы не думаете о том, что, может быть, в эту ночь возьмут у вас душу, и погибнут все помышления ваши о еде, сне и веселье” (см. Лк. XII, 20 и Пс. CXLV, 4).

Однако апостол, поставя в обязанность сильным *сносить немощи немощных*, присоединяет следующие слова: *Укрепляйтесь Господом* (Еф. VI, 10). Он велит не просто угождать ближним, но *угождать во благо* ближнему, к назиданию его. Ибо можно угождать другим не только во благо, но и на пагубу. Это второй совет апостола христианину. Часто люди все свое угождение другим ограничивают ласкательством, угодничеством и поблажкой. В этом заключается такой же, если не хуже, яд, убивающий благосостояние общества, как и в жестокой грубости презрения и черствости к положению других. Это угождение, противное христианским началам, начинается с семьи и гнилым ручьем течет во всех общественных слоях.

Потворство чьим-либо страстям, потакание слабостям личности — грех, пристрастное суждение о других — тоже грех. Чтобы угождение ближним было нравственно, честно и чисто, требуется решить только один вопрос в отношении человека к человеку: “Согласно ли я поступаю с законом Божиим? Делая угодное другому, действительно ли я облегчаю ему ношу жизни? Снисходя и удовлетворяя его слабости, делаю ли его сильнее? Помогая ему, не помогаю ли я тем самым этому человеку опуститься ниже, нежели он стоял, не навлекаю ли исполнением его прихоти на него Суда Божия и не кладу ли пятна на чистую его душу?”

Да, есть угождения слабым, пагубные для них, и человек сильный даст строгий ответ на Страшном суде за поблажку страстям ближнего своего. Здесь угождение — исполнение требований другого — есть великий соблазн. Это то же, если бы слабому ребенку дали играть мечом, или душевно больному человеку позволяли бы такие действия, которыми он мог бы причинять вред и себе и другим. Опасайтесь всегда требовать у другого того, что противоречит его христианским убеждениям, опасайтесь не менее того исполнять желания, унижающие не вас, но другого. Делайте для другого все и вся, но чтобы совесть христианская не попрекнула вас: “Ведь это я толкнул человека в грязную яму, и он теперь такой грязный”. Берегите своих ближних — в этом и заключается важное условие, при котором, *укрепляясь в Господе, мы, сильные, должны сносить немощи бессильных и не себе угождать* (Рим. XV, 1).

Третий совет нынешнего апостольского чтения в высшей степени трогательный: *Станьте, препоясав*

чресла ваши истиною (Еф. VI, 14). *Принимайте друг друга, как и Христос принял вас во славу Божию* (Рим. XV, 7).

Апостол напоминает, что Христос возлюбил грешников и грешниц. С ними Он жил, с ними беседовал; очищал, укрощал их души; учил, смирял, обличал, успокаивал и терпел. Да и нас, грешных, Он оправдывает не по великой ли милости Своей? Почему мы дерзаем приступать к Св. Христовой Чаше? Очевидно, по милосердию Божию. Все наши немощи, все слабости наши Господь наш Иисус Христос берет на Себя. Подражая Христу, мы должны запастись терпением и переносить недостатки ближних. Одни должны советовать, а другие внимать советам, сильные обязаны утешать слабых, немощные же обязаны не раздражать, не возмущать ближних своих. Тогда, как учил апостол, все мы *единодушно, едиными устами и жизнью прославим Бога и Отца, Господа нашего Иисуса Христа* (Рим. XV, 6). Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

*Не говорите лжи друг другу...
Все и во всем Христос
(Кол. III, 9–11)*

Ложь признается пороком во всех религиях, во всех обществах, на всех ступенях образования и воспитания, во всех возрастах и состояниях жизни. Лжецов никто не любит. Их признания в любви считаются лестью, молитву — лицемерием, чувствования — притворством, уважение — низкопоклонством, не верят даже их слезам и плачу, вызываемых, быть мо-

жет, истинным горем. Ныне, поучая нас многим добродетелям, св. апостол Павел не упускает из перечисления пороков и лжи. Он требует от последователей Спасителя праведности (см. Рим. XIV, 17). Чтобы она отражалась на нас, нам нужно быть во Христе. Иисус Христос и Себя называет Истиной, и Бога Отца — Истиной, и Духа Святаго — Истиной: *Аз есмь путь и Истина и Жизнь* (Ин. XIV, 6). *Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять* (Ин. XIV, 16—17). *Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога. Отче Святыи! Освяти их (которых Ты дал Мне от мира) истиною Твоею; слово Твое есть истина* (Ин. XVII, 3—17).

Тот же апостол указал доступное каждому из нас средство приобрести истину, уклониться от лжи, соединиться во Христе. Это молитва. Итак, сегодня, к общему назиданию, мы, здесь во святом храме присутствующие богомольцы, посвятим свое внимание размышлению о молитве вообще и о том, каким должно быть содержание наших молитв.

Добрые христианские родители с первой минуты явления младенца на свет осеняют его существо молитвой. Христианское дитя, при честной матери-христианке растет с молитвой и в молитве, подобно тому, как растение получает свое строение, свою природу и свою жизнь из того воздуха, который на него влияет. Однако, несмотря на то, что молитва есть неотъемлемое наше наследство и она составляет основу нашего духовного бытия, не все мы, надо признаться, умеем

дать себе отчет, что такое молитва, каково должно быть содержание наших молитв.

1. Святые Отцы и учителя Церкви, основываясь на учении Иисуса Христа и Его апостолов, христианскую молитву называют “возношением души”, т. е. обращением души к Богу. Человек, сам озабоченный житейскими делами и находясь среди таких же людей, обремененных суетой, доходящей часто до пошлости, не может удовлетвориться такой жизнью.

Есть в каждом человеке стремления и желания быть выше тех ступеней, на которые поставили его обстоятельства чувственной жизни. Нужно дойти до скотства, до животности, чтобы подавить в себе жажду совершенства. Так вот, чтобы удовлетворить этой неутолимой жажде совершенствования, человек оставляет земле земное, оставляет дню его злобу и, будучи на земле, всю свою душу (т. е. мысль, чувство и желания) возносит к небу, где, как свидетельствует вера, нет ни печали, ни забот, ни той мучительной тоски, скорбей и страданий, какими удручается постоянно все наше земное бытие. И это временное отвлечение человеческой души от земного есть то возношение души, о котором говорили Св. Отцы, ее обращение к Богу.

Человек в небесах ищет помощи своему бессилию, в уверенности, что для Всемогущего Бога все возможно. На небесах человек ищет вразумления от Премудрого Бога, убежденный в том, что вся мудрость мира сего перед мудростью Творца менее, нежели самая мелкая песчинка в сравнении с высочайшей горой. Обиженные и нелюбимые, оскорбленные

и униженные, забывая землю со всем ее злом, возносят свои думы к небу, зная, что там обитает Сама Благодать, Само Всепрощение и истинная Любовь... Запутанные разными обстоятельствами жизни, заблудившиеся, недоумевающие и не постигающие множества тайн, которыми окружены мы от чрева матери до могилы, возносят душу свою к Богу, убежденные, что не случай, не судьба управляют нашими делами, но Провидение Божие, предусматривающее, охраняющее, берегущее и направляющее мир к добру.

Нам тяжело видеть ложь, несправедливость и всякую неправду; изнывают чувства, изнемогает ум, колеблется и смущается сердце, видя, как иные добрые страдают, а негодные блаженствуют. Но тяжесть скорби уменьшается и даже вовсе рассеивается, если мы вознесем нашу душу к небу, с убеждением, что там, в небесах есть правосудный Бог, имеющий воздать каждому по его делам и взыскующий с каждого должное. Такое душевное движение называется молитвой или же возношением, обращением души к Богу.

2. Молитву, по образу ее, данному Иисусом Христом (“Отче наш”), также называют обращением мыслей и желаний к Богу.

Если человек захочет внимательно взглянуться в себя, то пред ним один за другим будут вставать вопросы: “Откуда это? Почему и для чего то и другое?” Невольно мы видим на себе чье-то благодеяние, питающее, одевающее нас, дарующее нам бесчисленные блага. При добросовестности исследования находим, что все это дано Богом. И отсюда явля-

ется *обращение* к Нему. В этом обращении мы исчисляем и те благодеяния, какие дает нам и другим Бог. Это обращение есть не что иное, как истинная благодарность Богу; другими словами — истинная молитва.

Наша жизнь — глубокая, безвестная тайна для нас самих. Не спросились родить нас, не спросит и смерть у нас, когда, в какой страшный день и час прекратить нашу жизнь. Ощущаем мы свою слабость везде и во всем. Мы и знакомые наши окружены опасностями; и чем чище, добродетельнее и невиннее человек, тем страшнее для него жизненные шаги. В сознании такой беспомощности человек обращает свои мысли к Тому, от Которого исходит *всякое даяние благое и всякий дар совершенный* (Иак. I, 17). Это обращение сердца, мысли и воли к Богу и есть молитва.

Человек, вследствие печальной склонности ко греху, постоянно заблуждается, ошибается и делается виновным перед Богом, людьми и совестью. У каждого из нас слагается неисчислимый долг, состоящий из таких провинностей. Для нас совсем недостаточно, чтобы нас хвалили или были нами довольны люди; недостаточно, даже если совесть не возражает против наших действий и мыслей; нам необходимо, чтобы наше поведение соответствовало Закону Божию. И вот человек обращается к Богу. В этом обращении он исповедует пред Ним с покорностью и сокрушением сердца всю свою жизнь, он надеется на Бога и на Его Благодать, обещает истинное самоисправление, совершенную перемену дурных мыслей и

действий. В этом же обращении мы поручаем Богу не только наше собственное преуспеяние, но и благоденствие наших ближних, благоденствие своей семьи, того общества, среди которого проходит наша жизнь, и даже благоденствие своего народа. Во всех этих случаях молитва есть обращение души к Богу.

3. По учению Иисуса Христа и Его апостолов, христианская молитва есть беседа души с Богом. Когда мы молимся, пред нами проходят в своем настоящем виде и труды, и заботы наши, и радости, и печали, — и все это человек искренне вверяет Господу Богу с убеждением, что все это устраивается по воле Божией. В молитвах мы не скрываем от Бога, что терпим всякие неприятности, что нам нелегко живется. Высказавшись искренно, после молитвы мы чувствуем облегчение в душе — является убеждение, что всякая скорбь, посетившая нас не по нашей вине, полезна нам; вместе с тем является нравственная сила ее перенести с отрадной уверенностью, что терпеливое несение скорбей преклонит к нам Божию милость, а Господь есть Источник всякого блага.

знаком радостной уверенности в Божием Отеческом покровительстве и милосердии становится то, что наше обращение к Богу как бы окрыляется и уже бывает не только внутренним, немым, но и выражается благочестивым пением. Таким образом проявляются внутренние чувства души. Наша молитва есть выражение благочестия. Голос наш выносит из сердца чувства веры ко Господу, надежды, любви, благодарности, а также просьбы и славословия Богу!.. Таково должно быть содержание всех наших христианских молитв. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

о праздности

*Если кто не хочет трудиться,
тот и не ешь.
(2 Фес. III, 10)*

I

Эти слова принадлежат славному из апостолов, св. Павлу. Сам он был трудолюбивейший из людей: он работал с утра до вечера и с вечера до утра; то работал топором, пилою, то пером боговдохновенного писателя, то являлся учителем-златоустом. Св. апостол вооружался против праздности. Он считал ее в христианине преступлением и причиной многих пороков.

Сам Господь Бог произнес первому человеку на земле ясное повеление: *В поте лица твоего будешь есть хлеб твой* (Быт. III, 19). Царь Давид изобразил признаком достоинства человека труд. Он вдохновенно говорил: *Как многочисленны дела Твои, Господи; все соделал Ты премудро; земля полна произведений Твоих. Восходит солнце, и выходит человек на дело свое и на работу свою до вечера* (Пс. CIII, 22—24). Деятельность и труд — неувядаемая красота человеческого рода.

В самом деле, что представляет жизнь без деятельности и труда? Один лишь счет прожитых дней, месяцев, годов.

1. Деятельностью и трудами приобретаются верные религиозные понятия о Боге, о Его всепремудром мироправлении, о тайне искупления.

2. Деятельностью и трудом человек улучшает, укрепляет свои умственные и нравственные силы. В

своей голове он носит, можно сказать, понятие о земном и небесном; пространство сокращается перед его мыслью. Не посещая стран, он имеет о них более точное представление, нежели некоторые из тех, кто там родились и жили долгие годы. Он знает историю мест, нравов, обычаев, языки разных народов.

3. Деятельностью и трудами исправляется, улучшается растленная человеческая природа. Без них человек почти приравнивается к животному, чувственному, неопрятному, неприличному. Внешность его — человеческая, а внутреннее он — зверь.

4. Деятельностью и трудами создается, увеличивается, упрочивается внешнее и внутреннее благополучие и благосостояние человека, семьи, общества, государства. Промышленные города, богатые села, красивые здания церквей и домов, — все это плоды деятельности и труда.

Представим себе, что мы находимся на высоте, с которой видны все живые люди, трудящиеся с утра до вечера. Что они делают, чем заняты? Что может представиться нашему взору? Прежде всего, необозримая, кипучая деятельность трудящихся для разных целей людей: одни дома, другие на улицах, третьи в лесах, четвертые у вод морских и речных, пятые в полях и т.д.

В одном месте в ранние часы утра подвижники и подвижницы веры и благочестия, вместе со священнослужителями, молятся о свышнем мире, о спасении своей души, о ниспослании милости и помощи Божией всем болящим, скорбящим, нуждающимся, бедным, ненавидимым, оклеветанным страдальцам.

В другом месте люди, уже убеленные сединой, сидят, окруженные книгами, рукописями. Их лица оза-

бочены, усталый вид показывает, что они полны дум и день и ночь пекутся о том, чтобы внести свою каплю чувств, мысли, слова в общую сокровищницу знаний.

Там оглушительно стучат машины, масса людей углублены в фабричные занятия, мужчины и женщины изнуряют до пота свое тело над механической работой.

Далее — школа, где учитель и учительница вдохновлены мыслью научить, а ученики — воспринять уроки богомыслия.

Там ремесленники углублены в предмет своего мастерства: пилят, рубят, клеят, соединяют и разделяют дерево, камень, воду...

То вот еще честная швея или прядильщица склонилась над шитьем, без перерыва действуя иглой и руками. Там воины стоят на страже общего спокойствия...

Там мирные торговцы трудятся над приготовлением необходимых для общежития, полезных и приличных средств, отыскивают их, приобретают и разными путями — и по суше и по воде, — доставляют к месту назначения.

А вот еще группы людей, их большое-пребольшое множество. Это земледельцы. У них всегда страдная пора: то они сохой и заступом разбирают бразды земли или удобряют их различными средствами, то семеняют их, то они с косой, то с граблями или серпом. Вот уж поистине кто свой хлеб ест в поте лица своего, вот уж кто от утренней зари и до вечерней, действует, трудится! Когда я вижу такого труженика, во мне возникает чувство умиления и уста невольно начинают петь славословие Господу.

Теперь обратим свои взоры на другую часть людей, которые заслужили название празднолюбцев, ленивцев, тунеядцев.

О, их также много в Божием мире! По выражению Евангелия, это плевелы, растущие среди пшеницы. Поистине, эти несчастные люди — горе отцов и матерей, бремя семейств, позор родства, стыд общества, язва городов, соблазн сел и деревень.

Печальнее всего, что люди, предавшиеся праздности и лени, тунеядству, часто сами не понимают, какой терпят вред от своего безделья, не только для души, но и для тела. Они — несчастные, погибающие. Пожалеем и их и помолимся о них. Затем, продолжая нашу беседу, будем проповедовать о значении трудолюбия и о вреде праздности.

1. Человек склонен к праздности, хотя праздность — в высшей степени опасное и вредное состояние. Большая часть людей считает людей праздных и имеющих возможность предаваться праздности счастливыми, баловнями судьбы. Многие и очень многие, видя празднолюбцев, завидуют им и в неразумных своих мечтах готовы поменяться с ними своей труженической участью. Но не так смотрит на праздность христианство; оно усматривает в праздности не только опасность для душевного спасения, но и истинного врага человеку.

Проникающим своим взором христианство открывает человеку глаза на страшную бездну, в которую непременно падают празднолюбцы и тунеядцы. Кого охватил страшный ветер праздности, тот погибает для всего чистого, великого и благородного.

2. Христианство, желая убедить в истине чего-либо, всегда указывает на высочайшие примеры для подражания. И в данном случае оно устами Христа и

Его жизнью и жизнью святых угодников Божиих убеждает, что человек должен постоянно трудиться.

Деятельность и работа — не земного, а небесного происхождения. Иисус Христос полагает труд Своим бесконечным делом. Он прямо говорит: *Отец Мой доныне делает и Я делаю* (Ин. V, 17). Вся земная жизнь Христа проходила в постоянной работе и неутомимом труде. Господь, осуждая ленивых и праздных, прямо называет их рабами лукавыми, которые своими же устами осуждают себя (см. Лк. XIX, 22).

Пресвятая Дева Мария всю Свою довольно продолжительную жизнь на земле была труженицей: работала для храма в юности, работала в доме Своего Обручника ради семьи, работала до последних дней Своего Успения для Своего единственного Сына, апостолов и Себя Самой.

Святой Иосиф Обручник, остававшийся всегда бедным, живя в убогом вертепе Назаретском, работал пилой, молотком и рубанком. Апостол Павел днем проповедовал, молился, писал, учил, беседовал духовно, а ночью, при свете лампы или луны, работал, делая шатры и палатки, и в народе был известен как скинотворец. Даже св. пустынноики христианские были деятельными людьми. Известно, что прп. Антоний Великий весь день свой проводил на воздухе: он пел псалмы и плел корзины. Эти корзины отправлялись в Египет, распродавались на рынке; скудной заработанной суммой покрывались незатейливые нужды пустытника. Наш преподобный Сергей ходил в дырявом холщовом полукафтаны, имея в руках то топор, которым рубил дрова, то ведра воды, нужной

для столовой монахам, иногда пек хлеба, варил еду для себя и для других. Вот какие примеры убеждают нас в полезности трудолюбия! Правильная христианская жизнь должна проходить и проходит у истинных христиан между трудом и богомыслием.

3. Да, человеку всегда надо что-нибудь делать, каждому из нас придет на мысль, что его жизнь недолговечна, а между тем каждый из нас обязан заслужить святейшую вечность, вечность, в которой не будет ни печали, ни боязни, ни вздохов, ни мук, ни тоски. Такую вечность даром не дадут. Если бы чаще нам на ум приходила эта мысль, то, очевидно, мы понимали бы, что час, проведенный без дела, влечет за собой потерю благ не только в этом мире, но и в будущей жизни. Мы поняли бы, что праздность есть преступление против себя самих. Бесцельно прожитая молодость всегда есть вывеска будущей бесплодности человека и для себя и для других. Такой человек очень напоминает евангельскую смоковницу, от которой хозяину не дожидаться плода во веки, хотя эту смоковницу хозяин сам сажал, поливал, окапывал, и хотя в ней есть и крепкий корень, и ствол, и ветви, и листья. Но плода от этого дерева не дожидаться... Оно здоровое и зеленое, но бесплодное.

4. Праздного человека Иисус Христос уподобляет в притче рабу, скрывшему свой талант в земле (см. Мф. XXV, 25). “У такого праздноголюбца отнимется и то, что у него было”, — говорит нам в притче Господь. Проводящий праздно и бесплодно свою жизнь пусть оглянется назад, в свое прошлое. Что там у него? Прожитые дни — это какой-то сон, сцепление случайностей. А существование таких людей, у которых в прошедшем пустота, в настоящем пустота,

весьма незавидно. Прошедшее и настоящее — это и есть та сумма, из которой складывается наше будущее. Если ничего не было вчера, ничего не поступило сегодня, разумеется, самой собой из ничего не делается нечто к завтрашнему дню.

Пусть оглянутся праздные люди вдаль, в свое прошлое. Мать родила их не для тунеядства, не для того, чтобы они чужое съедали, в чужое одевались, но для того, чтобы чужих кормили и чужих одевали. Но праздноголюбец — раб, зарывший талант. Он не живет, а прозябает; загораживает своим существованием дорогу другим, мешая им правильно жить, действовать и пользоваться плодами своих трудов. Будем же бояться, чтобы Иисус Христос на Страшном Суде Своем не сказал нам: “Ты хочешь царства небесного; ты пришел в Мой вертоград; но Мне нужны делатели, работники, а не лентяи, не тунеядцы, не праздные люди”.

5. Но могут сказать, что до Страшного Суда далеко, и не всем известно, какой будет этот Суд. Пусть так! Но можно ли не видеть, что праздность ослабляет наши душевные силы и способности? Это подтверждают простые примеры. Многие не могут ходить помногу только потому, что привыкли сидеть. Привычки как телесные, так и душевные вкореняются очень глубоко. Например, совесть наша, не упражняемая в деятельности, слабеет, умолкает и засыпает, и человек делается бессовестным, бесстыдником. Если отвык или не привык человек молиться, то ему трудно бывает простоять полчаса сосредоточенно на молитве. Привычка не поститься делает для человека дни поста ужасными, а сам пост чем-то страшным.

6. Праздность ужасна еще тем, что она влечет за собой порок. Душа наша не похожа на бесчувственный инструмент, который остается спокоен, если на нем перестают играть. Нет, душа человека праздного похожа на поле, оставшееся невозделанным. На необработанном поле всегда растет худая и сорная трава, так и в душе у праздного человека все больше и больше плодятся худые мысли, пошлые чувства и дурные желания.

Будем помнить, что каждый из нас крещен Крестом Иисуса Христа. Крест — символ и знак труда. Христианину указан тесный путь болезни, нужды, обид и труда. Но этот путь упрощен для нас тем, что Крест Иисуса Христа осеняет трудящегося христианина.

Благослови же, Господи, благой труд и честную работу всех рабов и рабынь Твоих! Аминь.

II

Трудолюбивый апостол вооружался против праздности потому, что она противна назначению человека, и потому еще, что деятельностью и трудами приобретаются достойные человека верные познания о Боге, о Его премудром мироправлении, о тайне искупления, о вселенной, о человеке.

Деятельностью и трудами исправляется наша личная природа. Деятельностью и трудом упрочивается внешнее и внутреннее благополучие человека.

Душа каждого человека так создана и устроена, что не может оставаться праздною никогда, ни на один час. Душа наша непрестанно мыслит, чувству-

ет, желает, воображает и предначертывает планы. В этом состоянии вполне обнаруживают себя трудящиеся и празднолюбцы. У деятельного человека душа занята богоугодными мыслями. Его чувствования бодрь, прекрасны, любящи, помышления благородны. Воображение трудолюбца — как рай, наполненный умственными и нравственными планами о братстве, любви и свободе. Душа празднолюбца представляет собою открытый вход для мыслей богопротивных и вредных; сердце празднолюбца — помойная яма. В этом сердце можно встретить лишь хульный помысел, преступное намерение; воображение празднолюбца — это развратный дом, в котором гнездятся отвратительные образы и гнусный соблазн.

В городах, селах и деревнях слышатся горькие жалобы отцов и матерей, в особенности супруг, на пьянство, — порок, проникший всюду, от дома вельможи до убогой хижины. Пьяных всяких возрастов и пола увидите всюду, и не в доме только, но и на улицах, и в вагонах железных дорог. Пьянство производит столько соблазнов в человечестве, что ни словами сказать, ни пером описать. Откуда пьянство? Смело отвечаю: от праздности. Трудолюбивый человек не имеет времени не только упиться вином, но часто утолить естественные потребности тела: тщательно умыться, причесаться, красиво одеться, вовремя, в известные часы напитать тело пищей. А у празднолюбца всегда есть время: он тянет иногда гнусным голосом безобразную песню во все часы дня; и в будни и в праздник шатается без дела по церквам и часовням под видом богомолья; часто убивает свою жизнь в дневных и ночных путешествиях, просижи-

вает ночи за картами, хохочет, потешается, и диавол всегда им доволен.

Откуда являются в нашем христианском обществе пересуды, сплетни, насмешки, злословия, ругательства? Преимущественно от праздности. Вдумайтесь в этот важный вопрос нравственного достоинства и вы со мной согласитесь. Сплетни идут большею частью от людей, не занимающихся должным образом своим хозяйством, своими прямыми обязанностями, у которых досуг в сутки — двадцать четыре часа. Душа, всем известно, требует работы. И вот, ей дано гнусное занятие: пересуживать, осмеивать, насмеяться. И эти люди воображают, что они своим злоречием угождают нравственности. Ошибаются. О, возненавидьте сплетни и исцелитесь от них трудолюбием, прилежанием к делу. Займите свой ум, сердце, воображение достойными вас мыслями, чувствами, желаниями.

Откуда происходит воровство, клятвопреступление? Опять от праздности. Обманом и воровством празднолюбцы пытаются заменить честный труд. Фальшивые векселя, биржевая игра, легкая нажива, наружные показные добродетели — все это плоды празднолюбства, тунеядства.

Давно ли было время, когда верили друг другу на слово, достаточно было людям завершить дело молитвой, крестным знаменем, записать долг мелом на стене, а теперь даже честнейшему человеку нужно закрепить свое слово нотариальным порядком.

Брат более не верит сестрам, дети — родителям. Такое недоверие происходит от праздности. Мудрый Сирах произнес со вздохом, в назидание всем векам,

народам и людям: *Праздность научила многому худому* (Сир. XXXIII, 28).

Все хорошие люди ненавидят праздность, бегут ее. Она подверглась справедливому порицанию еще в Ветхом Завете. Премудрый Соломон в 6-й главе Притчей увещевает такими словами: *Не давай сна глазам твоим и дремания веждам твоим; спасайся, как серна из руки и как птица из руки птицевлава. Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни наставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою. Или пойди к пчеле и познай, как она трудолюбива и какую почтенную работу она производит; ее труды употребляют во здравие и Цари, и престолюдины; любима же она всеми и славна, хотя силами она слаба, но мудростью почтенна. Доколе ты, ленивец, будешь спать? Когда ты встанешь от сна твоего? Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь: и придет, как прохожий, бедность твоя и нужда твоя, как разбойник. Если же будешь неленив, то, как источник, придет жатва твоя, скудость же далеко убежит от тебя* (Притч. VI, 4—11).

Святой труженик ап. Павел еще сильнее и назидательнее осуждал тунеядство. Но он, как добрый учитель и снисходительнейший руководитель наших душ, всем нам, мне и вам, сказал такое великое, душеспасительное слово: *Пока не поздно! Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и освятит тебя Христос* (Еф. V, 14). Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

I

Церковь, святая мать наша, указывает нам средства достигнуть истинного христианского совершенства исполнением боговдохновенных наставлений св. апостола Павла.

Итак, облекитесь, как избранные Божию, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг к другу и прощая взаимно (Кол. III, 12–13).

Итак, первое украшение в духовной одежде христианина — милостыня. Необходима ли она? Безусловная необходимость подавать милостыню основывается на внушениях и побуждениях Слова Божия и на самой человеческой природе. *Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен (Мф. V, 48).* Но ничто, по словам Григория Богослова, столько не уподобляет человека Богу, как благотворительность. Вот почему у св. Луки заповедь о благотворительности приводится в такой форме: *Будьте милосерды, как и Отец ваш Небесный милосерд (Лк. VI, 36). Всякому просящему у тебя давай и от взявшего твое не требуй назад (Лк. VI, 30); благотворите и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая и будете сынами Всевышнего (Лк. VI, 35).* Раскроем Псалтирь, любимую всеми нами книгу, и там услышим Господа, говорящего устами пророка: *Блажен, кто помышляет о бедном и нищем! В день бедствия избавит его Господь (Пс. XL, 2). В вечной памяти будет праведник, он расточил, раздал нищим; правда его пребывает во веки (Пс. CXI, 6–9).*

Что же касается человеческой природы, то известно, что один вид убожества, нищеты и вообще всякого рода несчастий ближних наших поражает нашу душу, тяжелым камнем ложится на сердце, рождает невольное сочувствие, сожаление и неудержимо влечет чувство наше к состраданию. Только грубое, черствое сердце может оставаться равнодушным в подобных случаях. В первые века христианства учили такой истине: “Отсутствие милосердия в христианине как бы вовсе исключает его из круга людей”. Приглядитесь: и бессмысленные, неразумные животные иногда принимают участие одно в другом.

Какова должна быть ваша милостыня? Прежде всего, пусть она будет тайною, т. е. мы должны помогать другим не из тщеславия и самолюбия, не для прославления себя среди людей, ни по другим каким-либо побуждениям, но пособие нуждающимся и просящим надо давать бескорыстно и тайно, чтобы таким образом люди не только не знали о нем, но чтобы и сами мы не считали его за особенно значительную добродетель с нашей стороны, а почитали бы себя только верными рабами, приставниками, раздающими дары Божии (см. Мф. XXIV, 45).

Господа ради, не хвалитесь во всеуслышание о том, что и куда пожертвовали, кого чем снабдили, кому в нужный час ссудили. Ведь мы, как христиане, уверены, что делаем милосердие по совести. Пусть лучше нас обзовут жестокими, нежели хвастливыми. Всегда думайте, когда даете милостыню: “Нам Бог дал, и мы дали”, да и забудьте, кому дали. Заслуга очень невелика между христианами, если один в нужный час ссудил другого, подобного себе, тем, чем было можно. Какая же это милостыня, если о ней трубят в газетах?

Говорят в обществе?! По слову Евангелия, так поступают только лицемеры-фарисеи (см. Мф. VI, 2).

Наша милостыня должна быть творима с самоотвержением и подаваема от чистого сердца. Никто нас не неволит давать. Если желаете дать, то делитесь с охотой и радушием. Св. ап. Павел вынужденную милостыню презирал как плод гордости. Во втором Послании к коринфянам он убеждал: *Каждый уделай (милостыню) по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог (2 Кор. IX, 7)*. То есть лучше не давать милостыни совсем, чем после о ней скорбеть. Такая милостыня спасения не делает, а грех усугубляет. *Без рассуждения не делай ничего, и когда сделаешь, не раскаивайся*, — говорит Писание (Сир. XXXII, 21).

Милостыня должна быть наша собственная, т.е. мы должны давать ее из наших собственных средств, от нашего достояния, от избытка, приобретенного честным трудом.

Есть люди, которые обманом и коварством приобретают деньги, а потом теми же руками дают милостыню. Такое даяние не есть истинная милостыня. Это равняется тому, что одними и теми же руками одних будем раздевать, а других одевать. Такой милостыней гнушается и Бог, и закон, и совесть. Лучше, не имея своих средств, не оказывать милосердия, чем устраивать такое постыдное подобие милосердия.

Милостыня христианина должна быть сообразна с нашим состоянием, т. е. нашими средствами, нашими доходами. Большая или малая она будет — не важно, у Господа все милосердые, все отзывчивые к немущим получают равную награду, так как не на количество подаваемого взирает Господь, а на наше

расположение. Милостыня — это ключ, которым открывается дверь в царство небесное. Золотой это ключ, железный или деревянный — не важно; а то душеспасительно, лишь бы был у нас этот ключ, и нам было бы чем отпирать двери рая.

В следующий раз, если благоугодно Господу, продолжим нашу беседу о милосердии. Теперь же я приглашаю вас с умилением воздать хвалу Богу, с полным сознанием того, что, слава Богу, много добра и счастья в Божьем мире. Грех нам, христианам, роптать на свою участь. Благ Господь, приемлющий наши скудные молитвы и приношения, и *милость Его, нашего Господа, возвеличилась до небес!* (Пс. XXXV, 6). Аминь.

II

Облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие.
(Кол. III, 12)

Какое значение имеет милостыня и какие ее плоды?
Подаяние милостыни, прежде всего, приобретает нам любовь и благословение Божие. *Благотворящий бедному дает займы Господу*, — учил премудрый Соломон (Притч. XIX, 17). Милостыня очищает наши грехи и снискивает нам помилование. Св. Златоуст в проповеди своим слушателям говорил: “Узнай, грешник, что милостыня — твоя защитница; милостыня может загладить грехи и избавит от Суда”.

Милостыня, совершаемая по чувству и долгу христианского милосердия, не есть, как некоторым кажется, растрата нашего имущества, но служит доказательством его приумножения. Всякому известно: чем

больше рассеивается семян, тем обильнее получается жатва, так же точно: чем щедрее раздается милостыня, тем более подающий ее пожнет и соберет плодов своего благотворения. Это сравнение мною не придумано, а взято из Слова Божия, из книги Притчей, где в XXII главе говорится: *Человека, доброхотно дающего, любит Бог, и недостаток дел его восполнит; милосердый будет благословляем* (Притч. XXII, 8–9), и из Евангелия от Луки, где в VI главе читаем такие слова Господа: *Давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо, какую мерою мерите, такую же отмерится и вам* (Лк. VI, 38). Будем же сеять доброе, полезное, благотворное. Если сами на земле не дождемся, когда посеянное нами вырастет и расцветет, то увидим ниву своего милосердия там, на небесах, где нет ни нужды, ни вздохов, ни бедных, ни должников, ни займодавцев, где люди живут вечно, как Ангелы Божии на небесах (см. Мф. XXII, 30).

Вообще милостыня утверждает наше благополучие в жизни. Пророк Давид называет счастливым человека, который помнит сердцем бедняка и убогого. *В день бедствия избавит его Господь. Господь сохранит его и сбережет ему жизнь; блажен будет он на земле. И не предаст его в руки врагов его. Господь укрепит его на одре болезни его* (Пс. XL, 2–4). Священники-духовники, которым Промыслом Божиим суждено видеть людей страждущих и лежащих на смертном одре, могут засвидетельствовать то, что люди милостивые бывают спокойны, покорны воле Божией, внимательны, дру-

желюбны, приготовлены к утешению, ожидающему христиан в вечности. Умилительно смотреть на них, сияющих любовью и миром. Но, увы, тяжело расстаются с жизнью люди жестокого, скупого нрава. Они верили, что все можно за деньги получить, можно даже подкупить смерть. Напоминание о вечности им досаждало и устрашало их. Борьба таких людей со смертью ужасна, расставание с миром полно отчаяния.

Нельзя, говоря о святости благотворения, скрыть причин, охлаждающих усердие многих христиан к подаванию милостыни. В последнее время появилось слишком много мнимых нищих. Нищенство обратилось в неблаговидное ремесло. Одаренные крепостью сил и вполне здоровые люди, вместо того, чтобы снискивать себе содержание честным трудом, занимаются писанием к разным лицам, умоляя тех о помощи, притворно называя себя бедными, увечными, покинутыми. Таким образом, они собирают милостыню, которую беззаботно расходуют на порочные утехи. Иные просят помощи по случаю пожара, когда на самом деле у них нечему было гореть; другие просят на погребение детей, матери, родных, когда у них никто не умирал. Все это невольно охлаждает усердие к делу благотворительности, затрудняя возможность отличить истинно нуждающихся от попрошайек. Однако, чтобы не ошибиться, лучше давать, по мере возможности, нежели — имея — отказывать. Христос Спаситель не делает различия между просящими. В Евангелии, подавая милостыню, не заповедано производить суд и следствие над просящим денег или хлеба.

Итак, не станем осуждать просящих! Не будем отворачивать свое лицо от них. Ведь и сами мы у Господа просители, неимущие и немощные. Господи! Господи! *Не отвержи нас от Лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от нас!* (Пс. L, 13). Но обнови умы и сердца всех молящихся Тебе, дабы мы не прогневали Тебя алчностью, скупостью, и Ты за наше недостойнство не отвращал бы лица Своего от нас, но чтобы Дух Твой Святы́й вразумлял нас на всякую истину и милосердие. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Радуйтесь о Господе!.. Радуйтесь правые сердцем! Всегда радуйтесь!
(Флп. III, 1; Пс. XXXI, 1; 1 Фес. V, 16)

Таково обращение св. апостола и призыв к человеку со страниц Библии. Назначение человека — радоваться, а, между тем, кому же из нас неизвестно, что радость — редкое, мимолетное чувство человека? У кого из нас есть радости? Многие имели их, когда были детьми... Но с тех пор мы погружены в думы и заботы. Со всех сторон нас окружают опасности. Беды, напасти, утраты — вот что на жизненном пути встречает человек. И чем дальше живет человек, тем жизнь становится, по-видимому, туманнее и тусклее... Порой блеснет на миг в нашей душе луч благодатной радости, — а там опять охватит сердце страх, и оно болезненно сожмется. Да и нельзя иначе — беды отовсюду: беды от сродников, беды от разбойников, беды в городах, беды в селах (см. 2 Кор. XI, 26). Горе налегает, как тяжелая ноша, на

всех без исключения. Жизненные обстоятельства усиливают это горе. Слезы видны на молодом лице, слезы застаиваются и на морщинах старости... А у иных уже выплаканы все слезы... Тяжко и ужасно жить человеку: весь он в бедствиях, как в оковах.

А между тем Священное Писание изо дня в день, из века в век все поучает христианина одному: “Радуйтесь!” Где же живет эта радость? Вы пришли, братие, ныне в храм, чтобы услышать о радости одного благочестивого семейства, отца, по имени Иаир, матери, родных, их друзей, которым была возвращена Господом нашим Иисусом Христом их единственная дочь (см. Мк. V, 22–24 и 38–42; Лк. VIII, 41–43 и 49–56). Научимся радоваться по-христиански и уразумеем, в чем заключается христианская радость.

1. Необходимое условие истинной радости — сердечная вера грешников в Божественного Спасителя и упование на милосердие Божие.

Вера есть душа радости. Без нее радость невозможна. Если вы, осеняя себя крестным знамением, не веруете, что оно прогоняет дьявольскую силу, разумеется, оно вам не поможет. Если вы плачете и рыдаете перед образом Богоматери, а вместе с тем сомневаетесь в том, что ваши просьбы будут услышаны, то напрасны и ваши слезы, и ваш вопль: это не слезы, а раздражение, это не молитва, а ропот. Без веры это и не плачь, а отделение воды из глаз, это не сердце ноет и грустит, а просто нервы не выдерживают. Сколько ни лейте воды на камень, он все будет тверд, все останется тем же камнем.

Какова наша вера, таковы и ее плоды, такова и радость. Вера у нас слабая и колеблющаяся — слабо и

непостоянно утешение; вера тверда и сильна — тверда и совершенна радость. Ах, братие, о чем мне говорить вам: о силе ли веры или о ее плодах?

Посмотрите лучше на примеры святых Божиих. Мы удивляемся, как некоторые грешники и грешницы могли измениться и сделаться праведными и радостными в один час? Но это потому, что в них действовала живая и светлая вера. Таковы были, например, Закхей мытарь, такова была и грешница, плакавшая у ног Господа, таков был и благоразумный разбойник на Кресте. Ведь это примеры и образцы истинной нечаянной радости. Но эта внезапная радость охватила их душу таким пламенем, который сжег и спалил мгновенно всю душевную нечистоту. У других бывает не то. Они ждали и уповали долго-долго, ждали нечаянной радости и дождались. Из многих примеров укажу на преподобную Марию Египетскую. Почти пятьдесят лет в одинокой пустыне ежедневно, ежечасно, ежеминутно ждала она нечаянной радости. Ничего не имея, отрекшись от мирских утешений, она все ждала этой радости — и дождалась.

Слабая натура неспособна ждать: ей нужно подать утешение сейчас же. Но, братие, истинная радость не игрушка. В простом народе говорят: “Кто трудно не работал, тот ни разу сытно не обедал”. Совершенно верно подмечено. Кто не веровал, кто по-христиански не уповал, тот не поймет слов Спасителя, что вера может переставлять самые горы (см. Мф. XVII, 20). Если же вера человека вне его столь сильно и чудесно действует, то это верный знак, что сила ее прежде всего чудодействует в душе и здесь, по словам евангелиста Луки, “выправит кривое, а неровное сделает гладким” (см. Лк. III, 5).

Итак, чтобы в душе человека жила радость, ему необходима вера. Дети оттого счастливы, и незлобивы, и просты душой, что они верят. Лучше быть вечным ребенком, нежели досадующим, скучным и мрачным взрослым. Нашу веру ослабляет всего более гордый разум. Но ныне такое время, что юноша считает себя опытнее старика, маленькая девочка — умнее своей матери. Оттого наши юноши стары и наши девочки переросли свои лета. Юноша скучен, девочка скучна... Увы! Отлетели от них радости, отлетели потому, что в душе уже есть некоторая надломленность чувств. Бедные юноши! Как им свой век доживать?.. Не узнать им чудес Божия милосердия!

2. С истинной верой нераздельно соединено Божие милосердие. Апостол Павел говорит: *Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни* (Тит. III, 4–7). Упование на благодать Божию отгоняет от человека отчаяние и сомнение. Нет такого греха, который превышал или побеждал бы милосердие Божие. Но для того, чтобы возжечь в душе такое упование, для этого требуется не быть беспечным и нерадивым о своем спасении. Так, если мы испрашиваем у Господа радостей, но с тем вместе прогневаем Его своими беспутными поступками, то, очевидно, наша молитва не донесется до неба. Истинное же упование христианское спасает нас от всех грехов и вместе с этим утверждает на пути правды и святости. Истинное упование низводит в душу ту тихую покор-

ность воле Божией, которая делает человеческую душу кроткой.

3. От ищущих благодатной и нетленной радости Божие Правосудие требует, чтобы они сами способны были утешать других или, по крайней мере, сами бы ни на кого не огорчались. “Если станешь испрашивать себе милости Божией,— говорит Учитель Церкви св. Златоуст,— то она дается только сердцу примиренному, душе, чуждой всякой горечи, злобы, зависти и гордости”.

Когда вы станете испрашивать себе у Господа радостей, то прежде всего забудьте все обиды и водворите в душе своей благодать и кротость. Это — дары Господу. С этими дарами всякий грешник получает доступ к неизреченной радости. Если очистим души свои от злопамятства, то уже этого довольно, чтобы Господь услышал нас. И тогда, будьте уверены, что наша молитва, исполненная духом бодрым и ревностным, не минует своего назначения. Она, как кадило благовонное, вознесет ко Господу наши чувствования, наши скорби и нужды; оттуда же, с вышних небес, эта молитва низведет к нам те богатства, о которых, по выражению ап. Павла, *не слышало ухо, не видел того глаз, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. II, 9).

Также, чтобы снискать радость от Господа, мы можем прибегать к ходатайству Божией Матери, нашего Ангела-Хранителя и всех святых Божиих угодников. Они знают вполне наши земные нужды и скорбную долю. Они, всеблагие, сострадают всякой душе, обуреваемой житейскими невзгодами.

Молитесь же им, Царице Небесной, Ангелу-Хранителю и святым Божиим угодникам, притекайте к

ним, как нежные дети к любимым родителям. Под их покровом найдем мы тишину и спокойствие от бед и напастей, которых человеку не даст никто в мире сем, даже своя родная семья.

Итак, братие, радуйтесь! Для каждого из нас не закрыт путь к утешениям. Источник их, на основании Божия Слова, я указал вам.

Спасайтесь, братие, и Христос с вами! Аминь.

ПОУЧЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ на первое Послание к Тимофею (4 гл)

Святая мать наша Церковь в настоящий день в апостольском чтении в назидание и утешение влагает в душу каждого из нас мысли, чувствования и благопожелания, которыми наставлял св. ап. Павел своего любимого друга, сына и ученика. Представим себя в положении людей, ожидающих изменения к лучшему в своей судьбе посредством участия уважаемого и любимого человека. Слова этого человека для нас дороже золота и почестей; они ценны как праздник, освящающий рабочие будни, как свет, прогоняющий тьму, как указание пути заблудившемуся среди густого леса и топких болот. От этого человека, проводника и руководителя, мы получили письмо. В нем — ответ на самые задушевные, волнующие вопросы. И святая мать наша Церковь каждому из нас ныне вручает такие драгоценные строки. Каждый из нас получил письмо. Каждый из нас будет очень рад и успокоен, если вникнет в содержание написанного.

С этого св. места, согласно толкованию Св. Отцов, я прочту несколько таких писем, заключающих ответы на наши недоумения.

1. Многие жалуются на то, что они не могут совместить дух благочестия с условиями настоящей жизни. Будто бы благочестие — одна сторона, а текущие годы жизни — другая. Будто бы, стремясь за приобретением благочестия, нужно отказаться от счастья настоящей жизни. Но вот наш отец и наставник, брат и друг разрешает наше недоумение. Он — величайший из святых христиан — пишет в своем послании: *Негодных же и бабьих басен отвращайся, а упражняй себя в благочестии, ибо благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей* (1 Тим. IV, 7–8).

Отвращайся тех, кто думает, что благочестие лишает своих последователей счастья настоящей земной жизни, ибо они превратно понимают счастье и в то же время не понимают своих истинных потребностей и своего назначения на земле. Благочестие и счастье идут рука в руку, они дружны и одно другому приятны. Благочестивые люди, со дня на день возрастающая в духовной жизни, наслаждаются истинным миром своей совести.

Что может сравниться с ясным, мирным настроением души благочестивого человека? Вот отец и мать, в поте лица зарабатывающие свой хлеб, служат примером честной и прекрасной жизни для своих детей и утешаются сознанием, что они исполнили свой долг в отношении их, долг любви, преданности, чести. Отец и мать счастливы. Если бы они вели себя неблагопристойно, невнимательно, самолюбиво, они

не имели бы этого сознания, дающего счастье. Вот муж и жена. Они утешаются тем, что в их совместной жизни не было ни одного дня, чтобы солнце заходило во гневе их душ, никогда не было, чтобы они запятнали свою супружескую верность, никогда не было, чтобы муж или жена забыли свои взаимные обязанности или изменили доброму взаимному расположению, никогда не бывало, чтобы муж или жена безрассудно, пользуясь возможностью свободы и доверия, вдалились в мотовство, в обременяющие их дом и семью расходы. Эти супруги — благочестивы. Они — живая копия счастья. Они — живой образ любви Христа к Церкви, а Церкви ко Христу.

Люди вдовы, безродные, безбрачные, одинокие могли ли, не говоря всегда, но даже один день быть счастливы в своей жизни, если бы не были одухотворены благочестием? А между тем, ведь и на их жизненной полосе светит радостный луч небес: они трезвы, благочинны. При духе благочестия не они бегут от страстей, но страсти бегут от них. Они представляют собой врачующее благоухание красоты, милосердия, доброты безграничной. Но люди того же общественного положения без благочестия — люди без праздника; они источают вечно слезы зависти или же тайным развратом сквернят свою душу. Отсутствие благочестия рождает в них несчастья: их грызет страх и тоска, они живут, готовые впасть в отчаяние.

Не следует забывать, что благочестивым людям, по благословению Божию, подается необходимое и для внешней жизни. Слова Иисуса Христа сбываются в точности: *Ищите же прежде царства Божия и правды его, и это все приложится вам* (Мф. VI, 33). Ко-

му же неизвестно, что у благочестивых людей нет жадности и пресыщения. Их трапеза проста, трезва, вкусна и служит к умножению лет жизни; их одежда — скромная, не модная, но чистая и опрятная.

2. В письме св. апостола мы также читаем: *Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся* (2 Тим. III, 1—5). Итак, мы видим, что благочестие — сила христианских добродетелей и основа жизни, а забвение о ней — источник пороков. Благочестивый человек всегда стремится сердцем и жизнью туда, где его сокровище. А сокровище его — непорочная совесть. *Великое приобретение быть благочестивым,* — говорит апостол (1 Тим. VI, 6).

3. Многие жалуются на то, что жизнь очень трудна. Как соблюдать благочестие, говорят они, когда за свою любовь слышишь в ответ поношение, терпишь позор, когда, что ни день, то нового рода неприятности и скорби, а при этом еще нужда и болезни?.. На эти искренние воздыхания отзывается наш учитель, наставник, друг и брат во Христе, св. апостол. Он пишет нам, христианам: *Мы (апостолы) сделали позорищем для мира, для Ангелов и человеков. Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии. Даже донныне терпим голод, и жажду, и наго-*

ту, и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый донныне. Не к постыжению вашему пишу сие, но враждуя вас как возлюбленных детей моих (1 Кор. IV, 9—14).

Да, жизнь человеческая трудна, она не пир безумный. Трудна потому, что человек — разумное существо, а не беззаботное животное, которое наелось, напилось и спать повалилось. Жизнь трудна, но для благочестивого человека она и многорадостна. Он в труде приобретает утешения мужества, а они преодолевают всякие трудности и препоны. На него сыплются скорби, но благочестивый человек благодушен, потому что среди них сияет для него мир и счастье Искупления. Он зрит и умиляется евангельским учением Того, Кто говорил: *В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир.* (Ин. XVI, 33).

Апостол Павел в узах, апостол Петр в веригах, св. мученики, посаженные на раскаленные и пылающие огнем жаровни, — радовались. Их души были полны утешений доброй совести, этого ангельского голоса, их утешавшего, он их подкреплял сладкой надеждой блаженства в том мире, где нет ни вздохов, ни печалей, но дни блаженства вечного, бесконечного! Страшно жить тем, кто надеется на людей, на деньги, на скоропреходящие земные блага, — благочестивые же люди в душе ласкают и лелеют животворную надежду на Бога, на добро. Бог вечен, а добро не изменяется. Для него нет ни биржи, ни курса, ни торговой купли и продажи. Добро живет и все оживляет. Вот чему служите и тогда совместите благочестие со

счастьем. Сейте доброе, хотя и слезами. Радости возвращаются слезами, как роса и дождь способствуют росту семян в земле. *Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью* (Пс. СХХV, 5).

4. Апостол, в частности, пишет и советы. Так, он говорит: *Старайся представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины. А непотребного пустословия удаляйся; ибо они (которые отступили от истины) еще более будут преуспевать в нечестии, и слово их, как рак, будет распространяться* (2 Тим. II, 15—18). У некоторых неблагочестие происходит от неумелого или неуместного употребления дара слова. Следует обратить на этот предмет свое усердное, тщательное внимание людям, жаждущим благочестия. Наше слово не должно быть звуком пустым, брошенным в пространство. Оно должно быть выражением мысли, проще сказать, выражением истины. Разве могли бы рождаться сплетни, двусмысленности, пошлые остроты, гнетущее злословие, если бы люди сначала мыслили, а потом говорили?! У благочестивого человека слова — выражение внутреннего благочестия и добродетели. Оттого слова этого человека — огонь, согревающий душу холодную, или умиление, вызывающее слезы радости и успокоения.

5. *Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства. И да владычествует в сердцах ваших мир Божий* (Кол. III, 14—15). Кто хочет соединить благочестие со счастьем земной жизни, пусть находит этот дар в любви. Спросим себя: “Любим ли мы?” Дай Бог, чтобы ответил каждый из нас, что он любит, любит, любит. Но не похожа ли у иных любовь на узкое самолюбие,

на вечную тюрьму, которая в себя принимает, но от себя не выпускает тех, кто туда ввергнут? Это не любовь, а ад. Чаще всего многие чувством самолюбия делают из своей жизни ад, отчего страдают не только они сами, но также и те, с которыми они оказываются так или иначе связанными в этой жизни. Самолюбие надламывает душу другого человека.

Истинная любовь выражается искренностью к ближним и дальним. В ней нет ни одной ноты притворства. Она более постоянна, нежели жизнь солнца. Любовь прекрасна, когда непредосудительна. Любовь всегда юна, жива, благородна, утешительна, благоговейна и беспредельна. Любящим даруется благодать читать в сердцах любимых людей и самим быть приятной книгой для тех, кто их любит. Любовь наставляет и учит, и уроки ее слушают все возрасты жизни от малолетнего младенца до седой и почтенной многолетием старости.

Вот лишь некоторые мысли по поводу послания ап. Павла в отношении вопроса о благочестии. И мы зачитали только некоторые строки! Желающие узнать более и вложить в сердце свое, да потрудятся сами прочесть 4-ю главу первого Послания св. ап. Павла к Тимофею! Там глубина премудрости и жизнерадостных утешений. Аминь.

СЛОВО

о хранении непорочной совести.

В день двенадцати апостолов

Ныне Церковь воспоминает молитвенной памятью великих двенадцать подвижников-христиан. Они в своей жизни много потрудились за веру

и Имя Христово; потрудились и словом, и делом, и жизнью, и учением. Их память неумолчно живет и будет жить в христианстве; день их памяти светло и торжественно празднуется по всей земле. Жизнь и деяния св. апостолов составляют бесценный вклад в сокровищницу христианского общества. Трудно было бы вполне обозреть их в кратком слове. Нам было бы достаточно, если бы мы могли уловить хотя бы одну общую черту в характере св. апостолов и эту черту внести в свой собственный характер; посылным подражанием их жизни и их деятельности исправить свою больную волю, сделать свой характер чистым, деятельным, свободным и способным к усвоению начал и правил христианской жизни.

Отличительную сторону своих нравственных стремлений и желаний один из апостолов, а именно св. ап. Павел, выразил такими словами: *Посему и сам подвизаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми* (Деян. XXIV, 16). Другими словами, ни о чем так ревностно не заботились св. избранные посланники Господа Иисуса Христа, как иметь и сберечь *непорочную совесть*.

Непорочная совесть — вот неоцененное сокровище у человека! В основании совести лежит чувство страха Божия и исповедание всего Христова учения. Намереваясь что-либо сделать, человек советуется прежде всего со своей совестью. Для доброго человека она есть лучший руководитель на пути жизни. При свете совести человеку ясно, что жизненный путь тернист, что испытания, встречающиеся на нем, тяжки, но кто справедлив, тот вступает на этот путь смелым шагом. Страх гнева Божия сдерживает дерзость его желаний, сдерживает в нем чувственные

порывы, сдерживает чувственные хотения, стремление плоти к отравляющему сладострастию. Стоять перед страшной стремниной греха — и удержаться, не увлечься волной общего течения в поисках наслаждений — великий подвиг. Так и называли св. апостолы эту сдержанность воли, и им помогал совершать эти подвиги, т.е. держать в узде непокорную плоть, только страх Божий, выражающийся в непопороченной совести.

Совсем иначе рассуждает о совести большая часть людей. Правда, грешник боится совести. Суд ее всегда страшен, потому что за этим судом следует непременно приговор осуждения. От совести нельзя скрыть, что справедливо и что несправедливо. Совесть не смолчит. Она несговорчива и непреклонна: она вечно борется с порочностью нашего существа. Кому не случалось в уединении выслушивать внутренние обличения совести за те ложные добродетели, которыми иной хвалится? Ее голос слышит и гордец, привыкший ни от кого не принимать советы и ограничения. Ее голос слышит сластолюбец, когда она ему показывает во всей наготы и во всем безобразии чувственные наслаждения. Даже тем, кого награждает целый свет, совесть не дает похвальных листов. Вот свет, люди, общественное мнение выхваляют человека, называют действия его великодушными, а его совесть нередко видит в этих же делах одно самолюбие. Люди превозносят совершенные человеком подвиги любви, а совесть тому же человеку говорит прямо: “Это не дело любви, а только суетность”. Испорченное сердце хочет прикрыть себя благочестием, но совесть прямо говорит ложному богомольцу: “Это не благочестие, а лицемерие, коварное искусство вводить

и себя и других в заблуждение”. Перед лицом непо- рочной совести является часто уголовным преступни- ком тот, кого мир представляет добрым. Совесть не щадит никакого греха и, что всего ужаснее, при вся- ком случае напоминает нам о прошедших, содеянных нами преступлениях, которые без ее напоминания бы- ли бы, может быть, давным-давно нами забыты.

Так страшен суд совести и так он тяжел для греш- ника. Особенную, отличительную сторону этого на- шего внутреннего судии составляет вездесущие. Скрыться от совести нельзя — некуда. Она следит за самым сокровенным движением души и не покида- ет нас ни на одно мгновение: с нами она на службе, с нами она в семье, с нами она в постели и даже во сне. Нет самого тесного уголочка в мире, где бы этот сто- рож добра мог оставить нас.

Что же делать человеку с таким беспрестанно пу- гающим душу свидетелем? Человек-грешник нахо- дит средство: именно, прибегает к искусству изме- нить совесть или, по крайней мере, заглушить ее. И он, действительно, заглушает ее голос. Каким обра- зом? Для этого он начинает испытывать самую исти- ну. Он старается подвергнуть сомнению все то, чему учили его родители, чему учит Слово Божие, чему учат Церковь, вера, нравственность.

Наконец, сомнения так плотно покрывают всю ду- шу, что сквозь эту тьму никаким образом не проник- нуть свету истины. Все старания согрешающего на- правлены к тому, чтобы возможно глубже погрузить истину на самое дно, утопить истину, чтобы она не всплыла, не восстала, не мешала бы ему жить и дей- ствовать, подчиняясь только голосу страстей.

Когда человеку непременно хочется сделать дур- ное дело, он, чтобы обесценить обличительные укоры совести, старается расспрашивать окружающих лю- дей, как они думали бы об этом деле. Расспрос кло- нится к тому, чтобы получить ответ, благоприятный нашему желанию, а не тот, какой дает совесть. Явля- ются еще и еще вопросы: совесть опять дает на них ответы отрицательные. Человек убеждает себя, что эти вопросы лучше решить умом, и решение их все- гда склоняет так, чтобы оно послужило на пользу страстей.

Иногда, по-видимому, человек даже ищет настав- лений от кого-нибудь, лишь бы заглушить наставле- ние, какое дает ему в его душе незаснувшая совесть. Мало-помалу из такого нежелания знать истину про- истекают ложные правила. Нас поддержали в грехе люди, разделили с нами грех товарищи, умолчали другие про наш грех, не осмеяли его публично, не предали за грех суду гражданскому — и у нас явля- ется несчастное убеждение, что глагол совести — предрассудок, а наше деяние законно.

Упасть легче, нежели подняться. Раз человек пал и вообразил, что это не падение, а просто обычная в человеческом быту форма совести, он уже старается убежать всех случаев, которые могут пробудить совесть и оживить в нас природное чувство различия добра и зла. Тогда на пробуждение совести мы начи- наем смотреть как на остаток младенческого неведе- ния и творим грех за грехом, не замечая уже, что это — грехи и преступления. До того притупляется внутреннее чувство истины, что хладнокровно пере- ходим от порока к пороку. Мы уподобляемся тому

опасному больному, который, будучи близок к смерти, думает, что он начинает выздоравливать.

Но бессовестный человек страшен себе самому, страшен он другим и опасен для общества. Кто хладнокровно противится действиям совести, кто успевает заговорить свою совесть, тот убил в себе все святое и священное. Кто легко попирает ногой нравственный закон, Самим Богом положенный в сердце человеческое, т.е. совесть, тот раздавит ногой и религию, и семью, и честь другого. Сделав одно несмываемое пятно на платье, мы его не называем новым: такое платье можно пятнать... Оно старое, негодное. Так и запятнанная, порочная совесть. Неприятно ходить в рваной, грязной одежде, — ужасно и отвратительно носить вечно в сердце умерщвленную, бесстыдную, разодранную, немую совесть.

Случалось мне слышать от некоторых людей такие слова: “Трудно рассказать истину... Кто знает, где она? Кто отличит истину от предрассудка? Церковь советует одно, а люди учат и делают другое, может быть, люди правы, а Церковь строга!.. Куда люди, туда и мы!” Но это суемудрое и гнилое оправдание. Истинные любители мудрости рассуждают иначе. Апостол Павел прямо говорит: *Вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и Церкви первенцев, написанных на небесах, и к Ходатаю Нового Завета Иисусу. Смотрите, не отвернитесь и вы от Говорящего. Если те (древние иудеи), не послушав глаголавшего на земле (Моисея), не избегли наказания, то тем более не избежим мы, если отвертимся от Глаголющего с небес (Ев. XII, 22—25).* Кто не избегает угрожаю-

щей ему опасности, тот ищет себе погибели. “Береги свою совесть, — учит блаженный Августин, — слушайся ее, не отпускай ее от себя, иначе ты, желая избегнуть погибели, близко подходишь к змею, готовому броситься на всякого”.

“Помни, христианин, всегда, — поучал святитель Тихон Задонский, — что ты самым рождением призван к свету истины, и дорожи незаслуженной милостью. Согрешить легко, но смыть грех очень трудно”. К великому несчастью, мы по своей воле можем согрешить, но по своей воле не можем позабыть сделанный грех.

Что же помогает поддержанию в нас совести и совестливости? Апостольский совет состоит в следующем: нужно очистить совесть нашу от мертвых дел (см. Ев. IX, 14) через упражнение в христианских добродетелях; стараться хранить чистоту совести осторожнее и крепче, чем зеницу ока. Помнить свое чистое, невинное детство; хранить в себе способность стыдливости и помнить о важности хранения чувств; не дотрагиваться ни помышлением, ни намерением до тех предметов, которыми может огрубляться внутренняя наша чистота; удаляться и бежать как врагов и огня тех лиц и предметов, которые наводят на нас грешную мысль, от которой тускнеет совесть. Все это, правда, для нас подвиг; но такова наша жизнь: не среди роз она растет и крепнет, но в борьбе всечасной, ежеминутной.

Борьба со страстью, оканчивающаяся победой над ней, возвышает и очищает дух и заслуживает подвижнику венцы. Не поленитесь выслушать доказательство этому из духовных опытов одного древнего подвижника.

Один человек, уже пожилой, долго боролся со своими помыслами, склонявшими его ко греху. Пять раз восставала в нем страстная борьба, — и пять раз он усмирал ее страхом Божиим и молитвой. После последнего искушения этот человек отправился к другому, опытному священнику и пал пред ним как виноватый, почитая себя впадшим в духовное прелюбодеяние. Но прозорливый священник, посмотрев на исстрадавшегося, увидел на нем пять венцов и сказал: “Ты не побежден, а победил, сражаясь со страстью, ты не покорился ей. Твоя совесть была, по выражению многострадального Иова, свидетелем на небесах и заступником в вышних (Иов. XVI, 19). Вот пример и наставление всем нам о непорочной совести. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ

в последнее воскресенье поста первоверховных апостолов

По милости Божией мы, православные христиане, удостоились в настоящем году дожить до последних дней апостольского поста. Пережитые недели поста, по мысли Церкви, должны были укрепить в нас чувства веры и любви, составляющие основную сторону христианского нравственного учения. Если эти чувства в нашей душе окрепли, то и мы, ученики апостольские, как ни слабы и грешны, внесли свою долю в утверждение Церкви Христовой. Осмотрим же свою нравственную деятельность оком совести и разума.

1. Первое и главное условие нашего нравственного христианского делания состоит в достойном исполнении тех обязанностей, которые возложила на нас жизнь. Исполнение обязанностей должно быть совершаемо со всей любовью и искренностью к ним. В деле, которому призваны служить, мы должны являть себя не подневольными рабами, но рабами Господа, понимая, что возложенное на нас дело есть работа для Господа, есть вклад, который наши силы вносят в общее хранилище, на пользу ближних и друг друга. Так, проведенный нами пост, по примеру апостолов, располагает христианина к ревностному и неленостному подвигу с любовью исполнять все нравственные требования жизни. Не томящая скука, не ропот, не проклятие, не недоумение должны сопутствовать нашему труду, но благодушная и сердечная преданность воле Божьей.

2. Чтобы труд жизненного дня был приятен, апостолы советовали христианам такое правило: *Отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему* (Еф. IV, 25). Таким образом труд жизни облегчается. Пусть на нашей деятельности не лежит гнетом безучастность к другому. Опытный человек обязан подать руку помощи неискушенному, имущий и сильный — слабому и немощному. В этом заключается праведность и освящение труда. Исполняя это апостольское заветание, мы вносим в свою деятельность свет и радость. Дни жизни идут вперед не в сопровождении суеты и беспорядка, но как праздники, отмеченные торжественной святостью. И сами мы, совершая честный труд, уподобляемся работникам, подвигающимся в вертограде Христовом, с уповани-

ем награды от Христа Утешителя. С этой заветной мыслью апостолы совершали подвиги христианской любви и оставили ее нам в наследование. Таким образом, отвергнув ложь, говорите ближним истину и действуйте по истине, — и жизнь будет нам легка.

3. Чаще всего нашей деятельности в жизни мешает раздражение. Планы и намерения расстраиваются неудачами. В этих неудачах виновниками бывают, как нам кажется, другие. Беды нам от разбойников, беды от сродников, беды от неискренних друзей и лживых братьев! Что же делать в этих случаях? Апостолы, предпринимая великий труд распространения христианства, оставили в заветание нам такое мудрое Христово правило: *Гневаясь, не согрешайте; солнце да не зайдет в гневе вашем. И не давайте места дьяволу* (Еф. IV, 26).

В замешательстве, препятствиях и неудачах заключается истинная проба величия души. Нетерпеливый и самолюбивый человек под влиянием неудачи разрывает связи, соединяющие его с ближними. Он без милосердия казнит увлечения, ошибки и заблуждения другого. Руководствуясь только одним правом сильного, он ищет возможности удалить препятствие силой. Но христианство не таково. Оно требует снисхождения к другим и великодушного терпения.

Не тот садовник разумен, который, когда надоело ему напрасно ждать плодов от дерева, рубит его, но тот, кто своими стараниями победит в себе нетерпение, а в природе упорство неплодия. Распутать крепкий и мелкий узел, очевидно, гораздо труднее, нежели разрубить его. Поэтому, чтобы наша жизнь имела христианское достоинство, мы должны быть

сдержанны в чувствах недовольства. Гневаясь, не согрешайте (Пс. IV, 5), а иначе враг жизни, враг чистых удовольствий и утешения — дьявол — смутит нашу душу; отнимет у нас и радость, и упование, отнимет у нас то, чего дороже нет в мире, именно душевное спокойствие. Без спокойствия же нравственного жизнь трудна, как чужое и ненавистное иго рабства.

4. Нередко грусть охватывает душу человека даже и тогда, когда он трудится и готов трудиться. Это бывает всегда, когда мы не сознаем цену своего труда. Какой труд приятен и какой неприятен? Этот вопрос для нас всегда неудобно решаем. Апостолы, обращаясь ко всей вселенной с проповедью христианства, дали такой совет людям при решении этого вопроса: *повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело* (Тит. III, 1). *Кто крал, вперед не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся* (Еф. IV, 28). *Слава, и честь, и мир всякому, делающему доброе* (Рим. II, 10).

Следовательно, благородство сопутствует труду во всех областях полезной деятельности. Нет той работы, которая была бы лишена цены и значения. Одно только нужно помнить, что, принимаясь за какое бы то ни было дело, мы обязаны спросить себя, в состоянии ли мы его исполнить. Если работа не по силам, если мы делаем ее небрежно, без охоты, без ревности и усердия, то, разумеется, — как ни тяжело это слово для слуха и сознания, — мы не работники, но лица, поедающие чужие силы. Мы, таким образом, крадем у других ими приобретенное и добытое.

Далее, есть много людей, готовых пользоваться случаями легкой наживы и чужой кровавый пот употреблять для себя без всякого на это права. Такие люди, очевидно, не будут знать истинной цены труда. Свою работу они будут ставить высоко, а работу других людей — низко. Есть еще люди, которые трудятся исключительно для своей пользы. Приступая к труду, они имеют одну лишь цель — себя, свое семейство и не думают о нуждающихся; и такие люди не будут знать благородной цены труда. Апостолы советуют освящать свой труд тем, чтобы он был на пользу другим. Они хвалят и тот труд, который дает возможность человеку заработать и себе, и уделить из заработка бедствующим, нуждающимся. Потому-то и говорят опытные люди, что Господь Бог благословляет то поле, обрабатывая и засевая которое, земледелец благожелательно говорит: “Пошли, Господи, урожай, чтобы хватило и мне и добрым людям”.

5. В жизни более всего проявляются наши радости и наши печали в обмене мыслей и чувств с другими. Побеседовать друг с другом, высказать другому свои думы, послушать другого — это величайшее утешение в жизни. Если бы у людей только бы и был этот один дар от Господа, то и тогда человек мог бы понимать всемогущество и милосердие Божие. К сожалению, слово человеческое в той же мере служит утешением человеку, в какой оно бывает орудием дьявола, доставляя нам случаи к нашему падению. Апостолы, зная цену слова для человеческого общежития, оставили такое правило: *Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим* (Еф. IV, 29).

Истинный христианин должен быть осторожен в слове. Кому из нас не известно, что пошлое остроумие и едкая насмешка над ближним часто лишают его всех достоинств, которые мы в нем любили? Кому из нас не известно, что в детские годы неосторожные разговоры взрослых научили нас первой неприличной брани, возбуждая в несозревшей молодой душе безнравственные помыслы и гнусное кощунство? Кто из нас не знает, как беспутная книга, безнравственная песня, сквернословная брань, соблазнительный рассказ ложатся на душу и помнятся, помимо нашей воли, долго-долго? О, берегитесь злоупотребления словом; это огонь, который может произвести пожар там, где мы и не думаем. У людей старшего возраста слово пусть всегда будет милое, доброе, с весом и значением, которое бы помнилось людьми более молодыми как назидание, умудряющее неопытность. У людей юных речи пусть будут живые, говорливые, задушевные, но чистые, без двусмысленной пошлости, без наглой клеветы на все честное, доброе, священное и правдивое.

Итак, деятельность человека в жизни, по апостольской проповеди, может быть приятна при условиях, указанных нами. Закончу свою речь словами апостола Павла: *Братия, не оскорбляйте Святого Духа Божия, Которым вы запечатлены в день искупления. Всякое раздражение, и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякой злобой да будут удалены от вас; но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас* (Еф. IV, 30—32). Аминь.

ПОУЧЕНИЕ В ПРАЗДНИК ВОЗДВИЖЕНИЯ о крестоношении

По воле Божией мы родились и воспитались в православной христианской вере. Наша вера не обещает никому ни внешних почестей, ни славы, ни богатства. Она на всех и каждого в самой купели крещения надевает крест. Всем, кто хочет быть истинным православным христианином, наш Спаситель говорит не что иное, как: *Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, последуй за Мною* (Мк. VIII, 34). Каждый из нас на своем собственном кресте обязан распять свои страсти, свои желания и умертвить грех. Словом, от каждого из нас требуется самоотвержение. Живи, христианин, не как сам хочешь, а как тебе Бог велит. Таково правило христиан православных. Само собой понятно, что нелегкий подвиг предлагает христианство. О нем легче говорить, нежели исполнить; легче посоветовать это другому, нежели самому сделать; легче назваться христианином, нежели быть им. Да, тяжела, не под силу нам грешным обязанность самоотвержения.

Сознает это и святая наша руководительница, мать наша святая Церковь. Она устанавливает в течение года праздники в честь Креста, износит в известные дни года из алтарей и поставляет Крест перед нашими глазами. Она излагает учение о Кресте в чтении Апостола, Евангелия, песнопениях и проповедях. Этим средством она хочет облегчить нашу тяжелую ношу, призвать нас к терпению во всех случаях и обстоятельствах жизни. Размыслим, каким образом облегчается путь нашей жизни Животворящим Крестом.

1. Когда взираем на Животворящий Крест, возникает всегда вопрос: за кого пострадал Иисус Христос? Он, чистый от всякого греха, страдал и умирал на Кресте за грехи человечества, чтобы Своей смертью приобрести всем верующим в Него блаженство. Мы же страдаем на своих крестах, как это ни кажется странным, для своей же собственной пользы. Наши страдания — это труд, за который ожидается щедрое воздаяние и сугубая награда. Наши скорби — это неприятное лекарство, с принятием которого ожидается облегчение и исцеление. Итак, если Христос Свою великую жизнь отдал за нас, по любви к нам, то неужели мы из любви к себе откажемся от скорбей и труда? У христианина воля должна быть твердая и решительная. Эта воля и управит его на жизненном пути.

2. Какие же кресты предлагаются христианину? Они, в сущности, малы до ничтожности перед Крестом Спасителя. Христианину предлагается воздержание и умеренность в пище в определенное сроком время. Малодушные ропщут: “Зачем нужен этот пост? Часты у нас посты!” Но тот, кто есть христианин не по одному имени, тот вспомнит, как Христос за нас постился. Этим воспоминанием он победит свой ропот. Божественный Страдалец говел без пищи и питья сорок дней; и на Кресте томила Его жажда. Таким образом, крест поста облегчается примером Спасителя.

3. Христианин обязан чаще посещать храмы Божии и усилить свои молитвы и в храмах и дома. Это крест молитвы. Но когда вспомним, как Христос, во все не имевший нужды в молитве, проводил дни и це-

лые ночи в молитве, когда вспомним ту ужасную ночь в саду Гефсиманском, где Христос молился так пламенно, что Его пречистое Тело источило кровавый пот, — то, если мы христиане не по имени только, нас не утрудит молитва. Она возвысит нашу душу и озарит наши чувства пониманием высокого, невыразимого словами значения самых мучительных страданий, полная чаша которых стоит пред каждым из нас. Итак, крест молитвы не только нас не испугает, но утешит и освятит.

4. От истинного христианина требуется смирение. Этот крест кажется тягостным. Покорность как бы умаляет нас. Мы любим высоко ставить свои достоинства, и многим нравится гордая осанка, неуступчивость, постоянное стремление к внешним почестям и славе. Но христианин должен вспомнить о Христе. Взгляните на Крест Животворящий, на распятого Господа нашего Иисуса Христа и вспомните Его земную жизнь. В Его Божественном лице запечатлелись смирение, уничтожение и грусть. Дни Его жизни были днями позора и поругания. Страдая на Кресте, Он претерпел и гордые насмешки, и презрительное отвращение толпы. Да, Он и жил одиноким и умер беспомощным на Кресте. По слову пророка, он испытал мучения адовы (Пс. XVII, 6).

Итак, христианин должен быть убежден, что здешняя жизнь исполнена крестами. Не отказываться от крестоношения, но, если можешь, любить крестоношение — вот крайняя черта христианской жизни. Крестом и через Крест Господь усыновил нас Себе.

Если мы изнеможем в борьбе, то воззовем к Отцу Небесному; Он пошлет и нам Св. Духа, Который об-

легчит наши немощи (см. Рим. VIII, 26). Он пошлет к нам Ангелов Божиих, которые нас поддержат, когда оскудеют наши силы. Он пошлет к нам добрых людей, которые своим участием и своим благотворным словом поддержат нас на краю бездны и утешат нас перед лицом отчаяния. Он представит нашему уму и нашему сердцу будущую жизнь, вечную жизнь и царство небесное, к которому ведет только путь Христа. Воодушевимся же мыслью: если мы со Христом пострадаем, то с Ним и прославимся (см. Рим. VIII, 17).

Итак, вот почему в день праздника Воздвижения Животворящего Креста Церковь вынесла из алтарей кресты! Помолимся же перед Животворящим Крестом и пойдем в своей христианской жизни дальше, приобретая себе вечное богатство духовных благ с верою, что *ни смерть, ни жизнь... ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. VIII, 38—39). Аминь.

СЛОВО

**о добродетелях, ради которых
св. апостол Иоанн называется
возлюбленным учеником Иисуса Христа**

*Иисус же, увидев Матерь и ученика, тут стоящего,
которого любил, говорит Матери Своей:
“Жена, вот сын Твой”.*

(Ин. XIX, 26)

Слова Иисуса, произнесенные Им на Кресте в последние минуты жизни! Кто был этот ученик, о котором говорится, что его любил Иисус Хри-

стос? Несмотря на то, что не упоминается в приведенном тексте его имя, он известен нам. Это Иоанн, также называемый Богословом. Его память вчера праздновалась Православной Церковью. В честь священного имени возлюбленного ученика Христова составим ныне краткую беседу.

Заметьте, что и прочие ученики Христовы были любимы Небесным своим Учителем, но Иоанн был отличен в особенности, даже в Слове Божиим. Почему же и за что он был так высоко превознесен?

Без сомнения, в нем были особенные добродетели, которые давали ему право на отличие. Первыми из этих добродетелей можно назвать незлобие, добродушие и чистосердечие. Три красивых, неотделимых друг от друга цветка, на одном благородном стебле! Не было ни одного случая в долгой жизни Иоанна, когда бы он изменил этим качествам. Можно сказать, любовь была стихией его жизни. Любовью дышало его сердце, любовь повелевала его волей, любовью исполнен был его ум. Если пожелаете прочесть его послания к христианам, то увидите, что в них он учит о любви. *Возлюбленные, будем любить друг друга, потому что любовь от Бога* (1 Ин. IV, 7).

Многие святые писатели и учителя Церкви учили, проповедовали о любви. Но учение Духа Святаго о любви было в особенности согласно с чувствами сердца Иоанна и качествами его ума. Евангелие Иоанна Богослова проникнуто любовью. Любовь водела его рукой и двигала его устами, когда он писал Евангелие, говоря: *Так Бог возлюбил мир, что — не пожалел, не пощадил — отдал Единородного Своего Сына* (Ин. III, 16). В последние дни своей

земной жизни, будучи старым-престарым, Иоанн не отпускал ни от сердца своего, ни от своих священных уст мысль о любви. Приходившие к нему за благословением и наставлением получали от него одно внушение: “Чада, любите друг друга!”

Вторая добродетель, возвышающая святого евангелиста Иоанна, — целомудрие. Любящая мысль его никогда не омрачалась нечистой похотью. До конца своей долгой жизни он был безукоризненно непорочен, как невинное дитя. Ангельское благодушие было отличительной особенностью его жизни. От избытка девственного сердца глаголали его уста. Они говорили: *Не любите мира, ни того, что в мире* (1 Ин. II, 15). Он дружелюбно и человеколюбиво относился к людям обою пола, потому что его девственная душа в любви к людям искала и нашла своего Бога. *Бога никто никогда не видел. Если же мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна в нас* (1 Ин. IV, 12). *И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем* (1 Ин. IV, 16). Так Бога, непостижимого в существе, св. Иоанн Богослов постиг в любви.

Один мудрец, когда спрашивали его, что есть Бог, попросил дать ему один день на размышление. По прошествии дня просил другого дня; по истечении вторых суток просил недели. Протекла неделя. Что же, наконец, мудрец отвечал? Что чем более он думает о Боге, тем непостижимее становится для него существо Божие. А целомудренный ум Иоанна, возлюбленного ученика Иисуса Христа, скоро обрел са-

мый простой путь к познанию Божия существа. Он говорил: *Бог есть любовь, и пребывающий в любви, пребывает в Боге, и Бог в нем* (1 Ин. IV, 16).

В Апокалипсисе св. Иоаны Богослов пишет о том, что он видел 144 тысячи девственников, поющих новую песнь Богу. *И никто не мог научиться сей песни, кроме сих ста сорока четырех тысяч, искупленных от земли* (Откр. XIV, 1–4). Их простому сердцу и жизнерадостному взгляду на жизненный подвиг открываются тайны, сокрытые от признаваемых миром премудрыми и разумными. Люди целомудренных убеждений ни о чем другом не помышляют, как о предметах, возвышающих чувства и все силы души. Хорошая книга, душевный разговор, чистое, бескорыстное дружество, молитва — вот их препровождение времени. Девственная душа умеет сделать на земле для себя очищенное пространство. Само небо спускается к ним. Как солнечный свет блестяще отражается в чистом кристалле, так и свет Присносущного Божества отражается в душах и самой внешности людей чистой нравственности. Они долго-долго не старятся и умирают духовно юными. За добродетель девственности св. Иоанн был усыновлен Пресвятой и Пренепорочной Приснодеве. О, какое утешение, пример и назидание всем целомудренно живущим мужчинам и девицам, вдовым и вдовицам. Сам Христос с ними!

Третья добродетель, стяжавшая Иоанну Богослову великое отличие и преимущество среди апостолов, — его несравненная любовь к Иисусу Христу. Это свидетельствуется боговдохновенными произве-

дениями его пера и его жизнью. В то время, когда от страха страданий и смерти все прочие ученики разбежались, один Иоанн с Божией Матерью оставался при Кресте Иисуса Христа и не отходил от Него. Так и словом и делом доказал Иоанн, что *в любви нет страха* (1 Ин. IV, 18), *что любовь крепка, как смерть* (Песн. VIII, 6). Иисус Христос назвал всех учеников Своих друзьями, а Иоанн был Его наперсником, или, выражаясь простым языком, Иоанн был сердечным другом Иисуса Христа. Он на последней Вечери удостоен был возлежания на персях Иисуса, то есть всех ближе был к сердцу Иисуса Христа, слышал, можно сказать, каждое движение Его сердца. Такая любовь есть совершенная любовь. Она — священный образ всех дружеских отношений. Под ее впечатлением не существует различия “мое” и “твое”, а существует единение умов, сердец, помыслов, надежд, стремлений без конца, без границ во времени и пространстве.

Вот добродетели св. Иоанна, евангелиста и Богослова. Они должны быть нам сродными, как христианам. Счастливы семьи, где эти добродетели водворены, счастливо и долговечно общество, где они насажены. Об этих добродетелях вещают наука и вера, жизнь и закон. Постараемся же внедрить их в себя, тогда мы приблизим к себе царствие Божие и сами приблизимся к нему. Еще раз призовем к себе добродетели, украшавшие св. Иоанна: незлобие, чистосердечие, добродушие, целомудрие и верность в дружбе. Аминь.

СЛОВО в день преставления св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова

I

*Возлюбленные, будем любить друг друга
(1 Ин. IV, 7)*

Сегодня Православная Церковь молитвенно чувствует день праведной земной кончины св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Дорогую память о возлюбленном ученике Христовом возобновляет она в наших сердцах назиданиями из его чудных, возвышенных, боговдохновенных поучений. В них, как и во всей его святой жизни, между другими несравненными совершенствами выдается одна, как солнце среди небес, отличительная особенность его сердца — живая, как Божество, и могучая, никем не заменимая и ничем непобедимая любовь.

Его ум, его воля, его чувства, воображение и все способности его души были освящены любовью, вся его душа жила преимущественно любовью. Когда он говорил, когда он учил, то его уста раскрывались только для слова о любви. Он думал о Боге как о неиссякаемом источнике любви. Он учил о Боге как о родоначальнике любви. Когда он желал уяснить себе цель и назначение человеческой жизни, то всегда видел ее началом и концом — любовь. Рассуждая о человеческих отношениях друг к другу — в семье, в обществе, на службе, в трудах, какими-бы они не были: будь то труд священника, учителя, господина или слуги, богатого или бедного, — св. Богослов зрел перед собою одно побудительное свойство к жизни —

любовь. Любовь была спутницей, подругой и его собственной жизни. Она была началом и концом всех его действий. Он, св. евангелист и любимейший из всех друзей-апостолов Христовых, любовь и дела любви признавал отличительной чертой каждого последователя Христова. Он говорит: *Возлюбленные Христом, будем любить друг друга, потому что любовь (происходит) от Бога; и всякий любящий от Бога рожден; всякий любящий знает Бога, т. е. только любящая душа способна узнать и принять в себя тайны Божии (1 Ин. VI, 7).*

Сердце евангелиста не старилось, хотя он жил долго, многими годами пережил на земле всех других апостолов. Голос его упал, стал беззвучным, стали слабыми руки и ноги, а он продолжал любить и учить любви. Когда к нему явилась смерть, и Ангел Божий предстал ему, чтобы быть спутником его души к небесам, к вечному блаженству, где царствуют мир, покой, любовь бесконечная, то последним прощаньем с людьми в сладостных устах евангелиста были слова: “Любовь, любовь!”

Остановите же свое внимание, мои снисходительные слушатели, на поучении истин св. Иоанна Богослова о любви. Он не от себя учил этой великой основе христианства, но принял эту заповедь от Божественного Своего Учителя, Господа нашего Иисуса Христа, возлюбившего людей и доказавшего Свою любовь к ним Своими величайшими страданиями и крестной смертью.

Возлюбленные мои слушатели! Будет благовременно нам вспомнить в этой беседе о том, что когда Иисусу Христу предложили вопрос, какие заповеди главные в законе Божиим, то Он изрек: *Возлюби*

Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь. Предупреждая вытекающие из этого вопросы: “Как исполнить эту заповедь? Чем доказать свою искреннюю любовь к Богу? Чем воздать Господу, не имеющему нужды ни в каких благах, тогда как все приятности жизни получаются от Господа?” — Иисус Христос ответил, что любовь к Господу Богу можно выразить только любовью к ближним: *Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя.* И Иисус Христос присоединил к этому изречению следующие слова: *На этих двух заповедях утверждается весь закон и пророки* (Мф. XXII, 37–40). Итак, любовь к Богу и любовь к людям так плотно, крепко и согласно соединены между собою, что отделить одну от другой никак нельзя. Кто любит Бога, тот любит и ближнего; кто не любит людей, тот и Бога не любит: это истина неопровержимая. Кто не любит Бога, Всеблагого и Истинного, тот не поймет ни сладости дружбы, ни утешений от привязанности брата, дочери, сестры...

Чтобы заповедь о любви к ближним глубже вошла в наши убеждения, если Господу угодно, продолжим свое скромное рассуждение в следующий воскресный день. А в настоящий момент я только повторю вам снова жизнерадостные слова св. евангелиста: *Возлюбленные, будем любить друг друга.* Эти чудные, добрые слова будут для нас ключом, с помощью которого Ангелы Божии отверзут вам двери Божественного милосердия, любви, все покрывающей, дружбы, все согревающей, всепрощающей. Аминь.

II

Возлюбленные, будем любить друг друга
(1 Ин. IV, 7)

Любовь к Богу и ближнему одна от другой не делимы. Разлучить их нельзя: кто любит Бога, тот любит и ближнего; кто не любит ближнего, тот не любит и Бога.

К сожалению, многие в своей жизни поступают не согласно этой заповеди. Многие, если всмотрятся в свою жизнь внимательнее и глубже, то увидят, что они исполнены уважения и преданности только к себе самим. Себя самих они готовы вести к земному счастью, ограничивая понятие о счастье мыслью евангельского сластолюбца, говорившего: *Ешь, пей, веселись, душа моя* (Лк. XII, 19). Другие же, сухие, как железо, сердцем и чувствами, даже небесного рая ищут только для себя. Их чувства так черствы, их жизнь проходит бесплодно в пустосвятстве, ханжестве, озлобленной подозрительности, — они воображают, что двери рая отверзнутся лишь для них и для тех, кто им подобен, а все прочие пусть останутся в его преддверии или же в пропасти и адской бездне, в вечном отчаянии и слезах. Такое себялюбие они дерзают называть христианским, а в действительности оно антихристианское, противочеловеческое, дьявольское.

Св. евангелист Иоанн Богослов подтверждает эту мысль боговдохновенно и назидательно: *Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит* (1 Ин. IV, 20). Поэтому Спаситель и не тре-

бует от нас ничего более, кроме любви чистой, бескорыстной, сердечной. В ней заключаются все добродетели.

Святой апостол Павел изъясняет высокие свойства любви: *Любовь долготерпелива, любовь милосерда, любовь независтлива, любовь чужда чванности, надменности, высокомерия, гордости, любовь чужда бесчинства, любовь бескорыстна, любовь нераздражительна, любовь постоянна, любовь не мыслит зла, любовь ненасмешлива, любовь восторженна к истине, любовь не смущается, любовь все покрывает, любовь всему верит, любовь всего надеется, любовь все переносит, любовь все терпит, любовь никогда не перестает* (1 Кор. XIII, 4–8).

Возьмите какую угодно добродетель. Если она не проникнута любовью, то перестает быть добродетелью. Что могущественнее веры? На вере основано все наше спасение. Но отнимите от нее любовь, — и она уподобится мертвому трупу. Св. апостол Иаков изъясняет эту истину словами: *Вера без дел мертва* (Иак. II, 20).

Вера без любви ничего не значит, хотя бы силою веры люди могли горы передвигать с одного места на другое. Св. ап. Павел говорит: *Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий* (1 Кор. XIII, 1). Многие из нас пересыпают свои мелочные суждения словами, заимствованными из Св. Писания, но так душевредительно, что они в глазах других делаются жалкими, потому что святые слова в их устах — это звук медного заржавленного гроша, брошенного на тонкую металлическую тарелку.

Без любви ничем нельзя угодить Богу: пусть бы молились и свои молитвы возносили к Господу днем и ночью, но без любви они будут отринуты Богом. Он говорит через пророка: *Милости хочу, а не жертвы* (Ос. VI, 6). Святой ап. Павел учит: *Если я раздам все имение мое и отдам самое тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы* (1 Кор. XIII, 3). Иначе и быть не может, потому что Бог наш есть Бог милосердия, щедрот и человеколюбия, а мы только орудия Его всеблагого Промысла. В душе нашей должна быть любовь крепкая, живая, безупречная.

Возьмем себе в пример жизнь св. Иоанна Богослова и постараемся жить всегда согласно с его учением. В третьей главе своего первого Послания он учил: *Дети! Да не обольщает вас никто.* (Не обольщайте и сами себя самомнением о своих мнимых добродетелях.) *Кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, — как пребывает в том любовь Божия? Дети мои! Станем любить друг друга не словом или языком, но делом и истиной* (1 Ин. III, 7, 17–18).

Если бы мы послушались этого урока, то увидели бы не в мечтах воображения, но в действительности любовь — Царицей семьи, дружбу — Царицей знакомства, доверие — святыней и связью общества. И тогда мы могли бы с отрадным убеждением сказать: “Сам Бог за нас, потому что Он есть любовь, а против нас — только мирская молва, диавол и его прислужники.”

Без любви к ближним земная жизнь — плен, без любви будущая жизнь — тьма кромешная. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ

о нищете духовной

Однажды взошел Господь на гору помолиться и пробыл всю ночь в молитве к Богу. Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и наименовал апостолами. И, сойдя с ними, стал Он на ровном месте, и множество учеников Его, и много народа из всей Иудеи и Иерусалима и приморских мест Тирских и Сидонских, которые пришли послушать Его и исцелиться от болезней своих. И весь народ искал прикасаться к Нему, потому что от Него исходила сила и исцеляла всех. И Он, возведя очи Свои на учеников Своих, говорил: блаженны нищие духом, ибо ваше есть царствие Божие (Лк. VI, 12—20).

Кто были нищие духом? Это были люди малоизвестные по своему роду; это были рыбаки, простого ума люди, однако люди, способные к принятию Божественного Евангельского света.

Но не потому Иисус Христос назвал их нищими духом, что они были неучеными, что их чувствования были непросвещенными. Он их назвал нищими духом потому, что в их уме и сердце не было трех самых страшных качеств, которыми кичится человек, живя на земле. Эти ужасающие и отталкивающие качества — высокомерие, самонадеянность и непокорность.

Когда вдумаетесь в жизнь учеников Христовых, то невольно подметите во всей их деятельности отличительные черты характера: смирение и покорность души, чистоту и добрую готовность сердца. Когда Иисус Христос сказал им: *Идите за Мною*

(Мф. IV, 19), то они пошли за Ним так скоро и доверчиво, как бедные нищие быстро спешат за щедрым раздавателем милостыни. Они все оставили: свои сети и ладью, свои дома и родных. Едва ли мы поступили бы также. Самомнительные люди лишены доверия к другим. Первый у них вопрос: “Верить ли словам Наставника, Который не прославлен, безвестен?” Своекорыстные люди, конечно, отступились бы от Наставника, Который учит милости и щедрости, но Который Сам ничего не имеет.

Всякий из них, прежде чем решиться ответить на сердечный призыв, много раз переспросил бы, зачем призывается, какие от этого ему выгоды, легка ли и приятна станет от этого жизнь. Словом, у своекорыстных людей является тысяча вопросов, и важных и мелких, когда дело идет о благородной решимости принять какой-либо подвиг, исполнить какое-либо высокое и чистое дело. Из этого уже ясно, что нищими духом можно и должно назвать только людей простодушных, бескорыстных, преданных добру без тяжкой мнительности, которая все рассчитывает и во всем подозревает задние, скрытые мысли и недостойные чувствования.

Однако и мы нищи. Только наша нищета — унижение человеческого достоинства. Она нищета плоти. Как много есть людей, которые с унижающей робостью и явным уроном человеческого достоинства добиваются насытить свои честолюбивые замыслы. Странное происходит явление! Человек гордо, надменно, даже презрительно относящийся к слову Библии, критикующий святейшее Евангельское Слово, тут же позорно и рабски преклоняется пред каким-нибудь несправедливым приказанием только потому,

что от такого гнусного поведения ждет для себя мирского успеха. Этого тщеславного человека можно и должно назвать презренным и вечным нищим.

Или еще: часто человек из-за погони за прибылью, за выгодами, из корыстолюбия покидает все родное и близкое душе. Блага искренности, святости продает за вещественные блага. Как же не назвать этого человека нищим, да еще таким, которого даже Сам Господь не обогатит!

Но из-за чего же эти люди суетятся, чего ищут, просят, домогаются? Благ земных, камней, металлов, воздушных огней, блеска, славы... И где хотят они найти свое удовлетворение? В мире, который для всех нас, как и для отцов и матерей наших, — весь во зле лежит. Итак, в большинстве люди есть плотские нищие; нет у них искренней доброты, нищи они великодушными чувствованиями, бедны добрыми способностями души!

Нищие же духом всегда тверды и устойчивы в вере; они усердны к церкви. Они нелицемерны в привязанностях дружбы. Они честны в слове, постоянны в добре и в стремлении к добру. У многих из нас этого ничего нет; а если проявится доброе стремление, то и умчится тут же на глазах, как падучая звезда. Но зато душа переполнена заблуждениями и сомнениями в Божественной вере и холодностью к уставам и постановлениям святой Церкви.

Нищие духом чем больше знают, тем меньше обнаруживают свои претензии на всезнание, тем они скромнее; они не напрашиваются в советники, не ищут мест, не выставляют напоказ свои достоинства. Все у них прилично; они делают смиренно свое дело и сознают свои немощи. Не то многие из нас. У мно-

гих надменность развивается с такой непомерной скоростью, что они всюду выставляются и выказываются, гонятся за известностью; они и в обществе и в гостях все знают, и на всех и на все готовы положить свою себялюбивую печать.

Иногда в обществе мы встречаем людей остроумных, изобретательных в обыденной жизни. При таких встречах невольно возникает вопрос: если они действительно умны, отчего же они не понимают духовных, святых предметов? Встречаются люди, стремящиеся со всей силой страсти к достижению видного положения в обществе. Мы удивляемся, — если есть у них характер, есть у них воля, отчего же они неспособны ни к какому честному и бескорыстному делу?! Оттого, что у них нагота и слепота душевная. Они нанесли увечье своей душе, и это преступление не остается без возмездия. Заметьте: в душе нашей бывает по временам безотчетная грусть, пустота, отсутствие всяких интересов, какая-то тупость, вялость мысли. Это скорбит и вздыхает душа, оставленная, подобно нищему, без всякого призрения и пищи.

Да, если бы мы почаще беседовали со своей совестью, если бы чаще внимали голосу этого нашего, хотя строгого, но верного друга, то сознавали бы живее свои недостатки. В нас исчезла бы самомечтательность. Мы бы увидели себя во всей своей малости. А это сделало бы нас кроткими, покорными, богобоязненными, терпеливыми.

Проще живите, проще одевайтесь, проще говорите — и вы будете любимы Господом. Чтобы вразумить слепую надменность людей, Господь устами пророка сказал: *Так говорит Господь: небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих; где же*

построите вы дом для Меня, и где место покоя Моего? Ибо все это соделала рука Моя, и все сие было, говорит Господь. А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим (Ис. LXVI, 1–2). Что гордится земля и пепел? — спрашивает премудрый у гордых мира сего (Сир. X, 9).

Пусть же в минуты приступа самолюбия каждый из нас предложит себе этот вопрос. Правильный ответ способен дать на него только тот счастливый человек, тот раб Божий, которого Сам Спаситель провозгласил нищим духом и которому Самим Спасителем указано и безвозбранно отверсто небесное царство. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ

о христианской нравственности*

Пастырь добрый жизнь свою полагает за овец
(Ин. X, 11)

Вот что говорит Иисус Христос в евангельской притче нам, приготавливающимся встретить благоговейным воспоминанием подвиги и благочестивые труды святителя и чудотворца Николая.

Если глубже вникнем в притчу, повествующую о добром Пастыре, то увидим здесь светлое изображение доброго, т. е. честного человека, каким везде должен быть христианин.

Да, пастырь добрый есть каждый христианин. Есть у него своего рода овцы, есть и двор овчий; есть

* Произнесено накануне дня свт. Николая Чудотворца.

волк, угрожающий овцам, есть и страж, стерегущий двор. Что же это за овцы? Это нежные, добрые способности и дарования души. Это наше стремление к знанию и склонность к добру; это разум и воля. Пасты — значит образовать их в училище веры и воспитывать в правилах закона Божия. Кто ищет сердцем истины и добра, кому дорога правда, честь и честность, тот и есть добрый пастырь, о котором говорится в притче Христовой.

Двор овчий — это наша душа со всеми ее силами. Очень часто наши мысли и желания, исходя из сердца, летают туда и сюда, по пространству мира. Под влиянием его очарований коварный враг часто уловляет наши чувства в свою погибельную власть. Побежденные соблазном люди падают в бездну страстей.

Если случается с нами такое заблуждение чувств, то окончанием нашей радости бывает горе, вместо восторга получается страдание, недоумение, страх, ужас...

Благо тому человеку, у которого есть страж при душе. Первый наш страж есть Ангел-Хранитель. Он стоит у внутренних дверей нашей совести и нашего чувства и охраняет их, чтобы не вошел в их двери лукавый и не выкрал оттуда даров Св. Духа.

Назидание притчи таково:

1. Подобно доброму Пастырю в притче, христианин должен быть мудр. Он должен разборчиво избирать средства для спасения своей души и личного счастья. Здесь недостаточно житейского ума. Его помощь чаще всего приводит к плотскому мудрованию и лукавому мудрствованию. Здесь надобен, по выражению ап. Павла, ум Христов: ум простой во

Христе, свободно взирающий на славу Господню и свободно служащий закону Божию (1 Кор. II, 16; 2 Кор. XI, 3; 2 Кор. III, 14–17; Рим. VII, 25) .

2. Подобно доброму Пастырю, христианин должен быть силен. И здесь разумеется не сила телесная, но душевная, т. е. такая, которая покорно и смиренно готова исполнить волю Божию. Какой бы крест ни возложила жизнь на человека, человек должен быть настолько силен, чтобы страдания, болезни нести без ропота. “Да будет Твоя святая воля, Господи”, — в этом чувствовании и заключается сила христианская, отпор всякого рода условиям и обстоятельствам нашего земного странствования.

3. Христианин, подобно доброму Пастырю, должен быть добр. И опять, не в том смысле, как большей частью, под влиянием переменчивых учений века, мир понимает доброго человека, но в том смысле, как дает уразуметь нам Христос, Творец мира и Истины, Солнце и Свет духа. Христианская доброта и благодать — это сообщение другим даров милости Божией, полученных человеком от Бога.

4. Христианин, как добрый Пастырь в притче, должен быть попечителен и внимателен к себе. Если пред ним соблазн, он молится, чтобы не впасть во искушение. Прокралось ли в душу через чувство дурное впечатление, он следит за ним и не допускает ему развиться в склонность. Возникает ли в душе злой помысел или нехорошее подозрение, он постарается молитвой отогнать, а слезами омыть это темное пятно.

5. Христианин должен быть осторожен во всем, даже в самом добре. Много приходится видеть людей, которые самое добро роняют по причине неуме-

ния с ним обращаться. Когда я вижу богомольного человека — девицу, женщину и мужчину, день и ночи, по-видимому, проводящих за внешней молитвой, но относящихся к ней рассеянно, стоящих в церкви неблагоговейно, — мне жаль их. Их набожности грозит опасность пустосвятства. Когда я вижу постников телесных, но с этим вместе не умеющих держать лад и мир с окружающими, — мне жалко их. Они похожи на строителей, начавших внутреннее устройство своих комнат очень рано, когда еще нет ни дверей, ни окон в создаваемом ими здании, когда ветер и всякие стихии врываются туда беспрепятственно. Эти люди, по смыслу притчи, суть бессердечные наемники в стаде Христовом.

Итак, как Пастырь добрый жизнь Свою полагает за овец, так и мы должны посвящать свои силы и дела на спасение души. Да поможет нам своими духовными силами в доброй христианской жизни святитель Христов Николай! Аминь.

ПЕРВОЕ ПОУЧЕНИЕ

перед праздником Рождества Христова

Ветхозаветный пророк Божий, предвидя некогда особенное посещение Божие народу Израилеву, торжественно говорил во всеуслышание: *Приготовься ко встрече Господа Бога твоего, Израиль (Ам. IV, 12)*. Святая мать наша Церковь, видя приближение великого праздника сошествия на землю Сына Божия, начала с двадцать первого ноября, по-

добно пророку, возглашать нам: “Христос рождается, славите, Христос с небес, срящите (встречайте)!”

Готовьтесь, дети Божии! Необходима духовная чистота и благолепие для встречи великого Посетителя душ и сердец. Для нашего пристрастия к миру, для нашей нравственной слабости это ожидание несравненного Гостя — большое дело. Но и времени дается на приготовление немало, целых сорок дней. Праведный Моисей в такой срок успел на Синае подготовиться к принятию всего Закона Божия, ветхозаветного, из уст Иеговы, а нам всего лишь нужно перейти черту от жизни суетной к жизни благой, любезной Христу. Наш Спаситель в течение сорока дней победил все искушения сатаны, а для нас нужно только при помощи благодати победить несколько прихотей своего характера, несколько настроений, нарушающих тишину души и сердца. Христос грядет с небес, встречайте!

Наши рассуждения вызывают вопрос: какие представляет Иисус Христос побуждения к тому, чтобы не отдаваться беспокойным заботам, несовместимым с упованием, которое должны иметь люди на Бога как на своего Отца?

Братие христиане! Мудрый и благодетельный Божий Промысл неусыпно печется не только о нуждах людей, даже самых негодных, бесчестных и неправедных, но и о бессловесных тварях. Раскройте книгу, знакомую и милую всем нам, — Псалтирь. Вот псалом 146. Читаю: *Он дает скоту пищу его и птенцам ворона, взывающим к Нему* (Пс. СXLVI, 9). Вот псалом 103: *Все (создания Твои) от Тебя ожидают, чтобы Ты дал им пищу в свое время. Дашь им — принимают, отверзаешь руку Твою — насы-*

щаются благом (Пс. СIII, 27–28). Вот псалом 135, где сказано: *Он дает пищу всякой плоти, ибо во век милость Его* (Пс. СXXXV, 25). В этих и других псалмах пророк Божий словно живописует величественную картину: как растет трава, как питается скот, как земля открывает свои недра, чтобы дать пищу всякой плоти; как весной Господь насыщает миллионы мелких птичек и бабочек, и десница Божия на всякое время, на всякий час отверзается, ниспосылая благодать, здоровье, счастье всему живущему под солнцем.

О, люди! Вам дан разум, чтобы уразуметь Божию силу! О, христиане! Мы имеем Евангелие, чтобы понять, что многопопечительность о мирских вещах, скопидомство находятся в противоречии с учением евангельским (см. Мф. VI, 24 и далее). Что же выходит? У одного миллион, у другого нет ни копейки, у одного дом падает от старания сделать из него подобие царского дворца, а у другого нет места для койки, для одра, чтобы приклонить печальную, утружденную, бедную голову. Отнимают у других то, что Сам Бог дает всем. А Бог дает так много, так много! Вот Он дает нам Единородного Сына Своего Иисуса. Разве Он может отказать нам в вещах мало-важных, потребных для временной жизни? Воспряньте, души христианские! Будем думать о приближающемся празднике пришествия в мир Спасителя. Не будем ограничивать свою деятельность перед праздником покупкой роскошных снедей, приготовлением новых одежд и украшений, изобретением опьяняющих увеселений и опасных для души забав.

Многопопечительность о делах мирских есть пагубное самообольщение. Слово Божие ходит за нами

всюду и внушает одно: знай, что *Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает* (1 Цар. II, 7). Боговдохновенный псалмопевец с печалью говорит: *Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж* (Пс. СХХVI, 1). Куда ни посмотрите, человек при всех заботах ничего не может прибавить к своему счастью, ни одного часа к своему благоденствию вопреки судьбе, т. е. Божией воле (см. Мф. VI, 27).

Божественный Учитель указывает на то, чего мы должны искать постоянно и усердно. *Ищите*, — говорит Он, — *прежде царствия Божия и правды его, и это все приложится вам* (Мф. VI, 33). Он хочет, чтобы мы искали и просили Его благ, хочет, чтобы мы стучались в двери Его милосердия и царствия. Если мы будем поступать так, Он нас напаяет не только хлебом земным, но и небесным, напоит водой живой, облечет нас сокровищами Своей святости, Своей праведности, Своей славы.

Где и как надобно искать царствия Божия? *Царствие Божие внутри вас*, — говорит Спаситель (Лк. XVII, 21). Здесь, внутри, в собственном сердце оно. Здесь, в сердце и совести сокрыто сокровище, которое найдя, человек больше ничего не желает, кроме Христа (см. Мф. XIII, 44). *Царство Божие*, — учит св. Павел, — *не пища, не питье, но праведность, и мир, и радость во Святом Духе* (Рим. XIV, 17).

Будем искать духовной пищи, а Бог даст нам и телесную, облечет нас, наше тело не в серебро и драгоценные жемчуга, а в ризы оправдания и спасения.

Тогда Он придет к нам. Он грядет к нам с Престола славы, чтобы обитель сотворить в нашем сердце. Он принял нашу плоть, и мы должны принять Его Пресвятую Плоть и Всесвятый Дух Его, принять и сохранить навсегда. Тогда *все приложится нам*.

Готовься, духовный Израиль, встретить Господа твоего! Господь приближается... Звезда над головой! Волхвы в пути! Приготовься к воспоминанию Рождества Христова; прочти со вниманием или прослушай повествование Евангелия о Рождении Спасителя и размысли обо всех обстоятельствах преславного события. И тогда твоя душа обратится в Вифлеемскую храмину! Ожидай гостей — Приснодеву Марию и Иосифа. Аминь.

ВТОРОЕ ПОУЧЕНИЕ

перед праздником Рождества Христова

Менее одной недели осталось до радостнейшего из праздников — Рождества Христова и двенадцать дней до Нового года, который начинает новое гражданское столетие. Как же нам следует закончить старый?

В глубокой древности на Востоке жил один благочестивый человек, по имени Иов. В его жизни, сообщает Св. Писание, было три различных периода так называемого земного счастья и несчастья. Сначала он достиг такого благополучия, что ему стал завидовать диавол и клеветать на него. Потом он, по поущению Божию, впал в такое горькое положение, что люди начали его сторониться и, наконец, отступились все, даже его жена. Но эти долгие годы зла смени-

лись снова годами утешения. Бедствующий и страждущий, пытаемый судьбой, гонимый диаволом, Иов был неизменно крепок в вере и тверд в благочестии, и на всех ступенях житейского положения был непоколебимо убежден, что счастьем и несчастьем человека руководит воля Божия: *Как угодно было Господу, так и сделалось; да будет Имя Господне благословенно* (Иов. I, 21). Эти слова были любимым, обычным у него присловьем.

Такое воззрение на обстоятельства земной жизни сохраняют благочестивые люди всех времен; такими мыслями следует и всем нам заключить настоящий пост и истекающий год. Преданность воле Божией — вот начало и конец наших разумных действий, нашей сознательной жизни на земле.

Все случившееся с нами в нашей жизни случилось по распоряжению Премудрого Промысла и для истинного нашего блага. Если вникнем в свою жизнь, всесторонне разберем ее проявления, то найдем, что она представляла из себя задачу, поставленную не нами, но высшей, не зависимой от нас Силой; эта Сила и есть Божественное Провидение.

Несомненно, что в течение одного этого года (не говоря уже о всей жизни) у самого несчастного человека были радости, а у самого счастливого — печали. Несомненно, что для каждого из нас встречаемые и провожаемые годы представляют собой живой урок, дающий нам возможность наблюдать и испытывать радушие и равнодушие, презрение и любовь наших ближних. На всем этом лежит отпечаток не нашей воли, но всеблагой десницы Божией.

Как угодно было Господу, так и сделалось, — вот рассуждение человека благочестивого. И тут пе-

ред нашей совестью встает вопрос: старались ли мы со своей стороны сделать все, что зависело от наших немощных сил по вековечным внушениям благодати Божией? Старались ли мы избегать злонамеренных падений, и если падали, то молились ли Господу о восстановлении? Горестно и тяжело, если наша совесть на эти вопросы даст отрицательный ответ. Истинный христианин должен убедиться, что все доброе в нашей жизни принадлежит не нам, но Господу — Помощнику, Покровителю и Защитнику.

Наша обязанность за все случившееся и совершившееся славить и благодарить Господа: *Как угодно было Господу, так и сделалось; да будет Имя Господне благословенно!*

Не со злой жалобой, не с тоскливым озлобленным ропотом будем смотреть на прошедшее, но с благодарностью к Господу, что Он нас, безысходных и немощных, сохранил целыми и способными понимать высшие требования человеческих обязанностей. Не так живи, как тебе самому хочется, как подсказывают тебе страсти и порочные наклонности, но все дни своей жизни расположи и укрась терпением и покорностью воле Божией. Если изнуряет нас болезнь телесная, то пусть в нас будет силен дух. Если горе и утраты падают на нас, то это есть тот дождь благодатный, который смывает в нас нечистоты и приготовляет нас к вечной жизни. С преданностью воле Божией кончим истекающий пост; славословием ангельским встретим праздник Рождества, с покорностью христианской начнем дни нового XX столетия.

Как угодно было Господу, так и сделалось; да будет имя Господне благословенно! (Иов. I, 21). Аминь.

СЛОВО на Рождество Христово

Сущность настоящего празнества, т. е. Рождества Христова, Церковь выразила трогательным возглашением: *С нами Бог!* Вот почему добрые христиане в святые рождественские дни так благодушно настроены, так довольны и радостны. *С нами Бог!* — говорят они (Ис. VIII, 10; Мф. I, 23). Итак, дождалась мы исполнения многовековых надежд, упований и чаяний: упала стена, бывшая между землей и небом, пала преграда, разделявшая Бога с человеком, — *с нами Бог!*

Однако восторженное чувство сразу находит для себя остановку. В глубокой древности над землей Израильской тяготел гнев Божий. Ее разоряли враги внутренние и внешние. Люди, чистые душой, страдали и недоумевали о таком страшном несчастье. К одному из таких чистых сердец, именем Гедеон, явился однажды Ангел Господень и возвестил ему следующие слова: *Господь с тобою, сильный крепостью* (Суд. VI, 12). Сознывая всю тяжесть горя, Гедеон усомнился и возразил: *Если Господь с нами, то отчего постигло нас все это бедствие?* (Суд. VI, 13). Такого рода мысли невольно проносятся в душе многих из нас. “Где, — спрашивают люди, — те благотворные плоды пришествия Господа на землю, о которых предсказывали пророки, благовествовали апостолы? Где тот мир на земле, который воспели небесные силы при рождении Бога Слова? (см. Лк. II, 14). Напротив, все, кажется, идет таким же путем нестроения и печали, как и прежде: или война, или страх

войны, или слух про войну. Общественные и семейные разногласия, раздоры и размолвки, ссоры, соперничество, ревность, зависть — все те же враги нашего мирного земного благоденствия”.

Что же сказать на это? Согласиться с таким воззрением — значит прекратить празнество, перестать возглашать: *С нами Бог!*, переменить это возглашение на другое, отчаянное и страшное: “С нами нет Бога, потому что мы все в бедах и напастях; все во вражде; даже *враги человеку домашние его!*” (Мих. VII, 6; Мф. X, 36).

Этот жгучий вопрос разрешил Сам Иисус Христос. Он на подобный вопрос поучительно отвечал: *Не придет царствие Божие приметным образом* (Лк. XVII, 20). Нисшествие Господа на землю, как известно, совершилось тихо и незаметно. О том, что родился на земле Спаситель, жил, учил, страдал, умер, воскрес и вознесся на небо, об этом знали и ведали буквально несколько самых верных. Так же тихо и неприметно совершается нисшествие Господа Спасителя и в душу каждого из нас. Это нисшествие Господа в человеческую душу в 71-м псалме уподобляется маленькой капле, падающей с облачного неба на жаждущую землю: *Он сойдет, как дождь на скошенный луг, как капля, каплющая на землю* (Пс. LXXI, 6). Нечего, следовательно, удивляться тому, что многие не замечают в других этого Божественного нисшествия. Если действительно в окружающей нас среде нет следов благодатного присутствия Господа, если кто-либо, к несчастью, в себе самом не замечает благодатных явлений Господа, то эта вина заключается в нас самих. Чтобы усвоить себе благо-

творные плоды сошествия к нам Сына Божия, требуется, по объяснению апостола, чтобы *изобразился* в нас *Христос* (Гал. IV, 19). Если бы каждый из нас стремился жить во Христе, подражать Ему (см. Рим. VIII, 1; Еф. V, 1), то как высоко могло бы подняться наше человеческое достоинство! Если бы в нас отразились деятельным и живым образом черты христианского учения, то мы стали бы носителями Св. Духа.

Нисшествие в нашу душу Иисуса Христа оттого незаметно, что мы сами закрываем душу от принятия благодати. Не нашлось, как говорится в Евангелии, в целом городе Вифлееме места для рождения Иисуса Христа, и Он удостоил чести Своего Богоявления, в образе Предвечного Младенца, забытую пещеру. Так часто и мы, прилагая грех к грехам, снова двигаем стену между Богом и собой, ту стену, которая была разрушена явлением в мир Сына Божия. Если же мы работаем над собой, побеждаем в себе себялюбивые страсти, то душа наша непременно будет ощущать и познавать великую истину того, что поистине *с нами Бог!*

Мы можем громко возглашать и торжественно прославлять присутствие Божие на земле, если свою природу, освященную благодатными Таинствами, не растлеваем неправдами и греховными сквернами. Души целомудренные, души, стяжавшие терпением и теснотой венец чистоты, могут, не боясь обличений, ныне искренно и от сердца взывать друг к другу, и к своим, и к чужим: *С нами Бог!*

Да, Господь от нас не отступит, если мы, по мере своих сил, чаще и возможно чаще будем проверять свою совесть, развивать свой ум благоговейными

мыслями о Господе, внедрять глубже и глубже в свое сердце веру, молитву и любовь и облагораживать свою волю подражанием жизни Спасителя. При этих условиях неотступно *с нами Бог!*

Как же велика должна быть радость христианина, если с ним находится Бог! Ничто его не может запугать и утрашить: ни болезни, ни бедствия, ни коварство врагов, ни измены, ни утраты и вообще ничто внешнее. Царь и пророк Давид, ощущая близ себя присутствие Божие, говорит: *Если я пойду через мрак смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной* (Пс. XXII, 4).

Пожелаем же один другому, как желает добрый друг, чтобы Господь пребывал с нами всегда; чтобы Он, родившийся в нашем сердце сегодня, сотворивший обитель в нашем сердце, не был изгнан из любящего сердца, чтобы мы силой страстей и порока не явились в отношении Его ни вероломным Иудой, продавшим Господа за сребренники, ни Пилатом, осудившим Его, неповинного, на смерть. О, тогда Он, Царь неба и земли, и нас не оставит *сиротами* (Ин. XIV, 18): *с нами Бог* и мы с Богом и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО

о воплощении Сына Божия

I

Православная Церковь закончила круг праздников Рождества Христова, но в ее песнопениях осталось праздничное настроение, напоминающее о

величайшем событии, которым началась история духовного и нравственного возрождения человека. Чтобы в наших душах глубже залегли понятия о значении искупления человечества Иисусом Христом, сегодня мы будем беседовать о воплощении Сына Божия.

Когда родился наш Спаситель, то Ангел, явившись вифлеемским пастырям, сказал: *Благовествую вам радость великую* (Лк. II, 10). Радость эта велика, превыше ума человеческого: доселе человечество находилось под вечным проклятием Божиим. Бедствие было тем значительнее, что несчастные люди или не понимали его, или хотя и понимали, но нисколько не заботились об освобождении себя из-под власти диавола. Теперь же возвещается человечеству радость: родился в мир Спаситель всех людей. Он пришел как Лекарь-Целитель к больным, как Освободитель к страдающим в неволе, как Путеводитель к заблудшим, как Жизнеподатель к умершим, как Избавитель к отверженным. Веруя в воплотившегося Господа Иисуса Христа, мы все становимся в ближайшее отношение к Богу. Над каждым из нас чрез Иисуса Христа простирается благоволение Божие. Милосердному Богу мы имеем право излагать свои нужды, свою скорбь и свои желания. И как не иметь нам этого права, если Сам Господь соединил нашу брнную природу со Своей Божественной? Человеческое достоинство тем самым вознесено до высочайшего положения, какое только можно себе представить.

В явлении миру Сына Божия в образе человека совместились беспредельное величие и беспредельное уничижение, всемогущество Божие и человеческая слабость. Ибо что выше и славнее Бога? И что

ниже и слабее естества человеческого? Господь нашел средство соединить эти две крайности. Соединить же было необходимо: требовалось возместить Правде за грехи человека, отверженного Богом. И вот Бесконечная Праведность как бы из Себя Самой берет вознаграждение, и за нас страдает плотию Сам Бог Создатель (см. 1 Пет. IV, 1), чтобы плоть создания не страдала во веки. Таким образом, Сам Спаситель примирил нас с Отцом Своим, сделался нашим Заступником и *приобрел нас Своей кровью* (Деян. XX, 28).

Воплощением Сына Божия все люди ласково призываются к Господу. Через этот призыв наша природа освятилась; она не столько обременена была преступлением первого из грешников — Адама, сколько прославилась через Христа. Мы получили во Христе более, нежели в Адаме потеряли. Изобилен грех, но преизобильна благодать Божия (см. Рим. V, 20). В Адаме мы потеряли невинность, но во Христе получили совершенную праведность. Вот почему истина о воплощении Сына Божия стоит выше всякой другой. Изумляет мысль о всемогуществе Божиим, когда мы представим себе то, как Господь сотворил плоть и кости наши, но еще более изумительно то, что *Слово стало плотию и обитало с нами* (Ин. I, 14).

Высказанные нами мысли должны быть известны каждому христианину. Воспоминание о Рождестве Христовом должно вызывать в нас чувство благодарности к Тому, Кто искупил нас от вечной гибели, Кто через Иисуса Христа приготовил нам вечную радость. Аминь.

II

*Радуйтесь, небеса, и веселись, земля,
и восклицайте, горы, от радости, ибо
утешил Господь народ Свой и
помиловал страдальцев Своих.
(Ис. XLIX, 13)*

Так говорил пророк Исаия, предвидя блаженное время христианства. Пророк воображал и, так сказать, предощущал блаженство явления Бога во плоти, рождение Господа Спасителя нашего. Верующие люди Ветхого Завета не только сами радовались, помышляя о грядущем воплощении Спасителя, но и возбуждали к радости всю землю, и горы, и доли, и холмы, и моря, и реки, и всю природу. Радостные мысли в книге Псалтирь исключительно направлены к этому событию, т. е. явлению Иисуса Христа между людьми.

Мы живем именно в те времена, о которых радовались и веселились пророки, созерцая их издали, но наслаждаемся ли мы блаженством, предвозвещенным ими христианам? Радость, возвещенная Ангелами на небесах в день Рождества, обещанная всем людям, известна ли нашим сердцам?

Будем, искренни и признаемся откровенно, что эта великая радость немногим из нас по опыту известна. Отчего же? Обратимся как неведающие ученики к добрым учителям, к Св. Отцам Церкви, и будем их просить, чтобы они объяснили нам, отчего мы, хотя и христиане, но перед праздником Рождества Христова, и во время праздника, и потом представляем из себя людей, находящихся в большинстве случаев под

гнетом гнева и нужды и томимых страхом? Многие из нас могут с грустью сказать слова Иеремии: *Ждем мира, а ничего доброго нет! Нет времени исцеления, а только ужасы и беды* (Иер. VIII, 15). Старое старится в печали, а молодое как бы растет для печали. Жаль старым прожитой жизни, еще более жаль молодым, что их ожидает, может быть, еще более пасмурная, холодная старость: *Господи, когда же я утешусь в горести моей? Сердце мое изныло во мне!* (Иер. VIII, 18).

Святые Учителя и Отцы Церкви говорили, что не радостно христиане готовятся к празднику Рождества Христова и равнодушно его встречают, потому что не имеют святых расположений, как должно бы иметь. “Те, кто объят плотскими страстями, не могут праздновать, хотя и думают, что празднуют”, — писал прп. Феодор Студит.

Мы знаем, что когда в душе есть расположение одного человека к другому или друга к другу, то свидание всегда доставляет им радость, а разлука — печаль. Если же свидание невозможно, то о нем думают, воображают, мечтают. Известно всякому, что формальные свидания, урочные визиты, неизбежные посещения утомительны, подозрительны, несносны, как повинность, налагаемая веком, нравами или обычаями.

Когда шли приготовления к празднику Рождества, многие ли из нас как христиане думали, что родившийся в Вифлеемских яслях Спаситель должен открыться каждой верующей душе? Как открыться? Своей благодатию и славой!

Да, Он готов явить Себя нам, но мы заперли наглухо свои сердца, а многие даже и ключ потеряли

или позабыли, где он находится, от того средоточия сердца, которое Господь обещал навещать и которое благоволил назначить обителью для Себя.

Кому же из христиан открывал Себя Христос Своей славой и благодатию и кто был такой счастливцев, чтобы видеть и ощущать эти радости небес? Открывал Христос Себя всем и каждому, кто действительно этого желал; видели и ощущали Его святые всех мест, стран, народов, возрастов и полов. Видение и ощущения посещения Христова приятны в такой степени, что о них трудно говорить и писать. Радовались мученики, даже в своем страдании, принимая нетленные венцы от Спасителя; восхищались мудрые девы, держа в руках светильники целомудрия, встречая небесного Жениха в тихий час полуночи. А святой апостол Павел в своем письме к христианам из города Галата начертал: *И уже не я живу, но живет во мне Христос!* (Гал. II, 20). *Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: "Авва, Отче!"* (Гал. IV, 6). Итак, вот к какому восторгу приводят святые расположения!

Правда, мы привыкли друг друга поздравлять с праздником Рождества Христова. Считаем грубостью не поздравить других христиан, своих ближних с его наступлением, а также не принять от них доброго привета. Но что имеют в виду поздравляющие и поздравляемые, когда передают эту христианскую радость? Признайтесь по совести, у многих эти чудные слова: "Поздравляю, Христос родился!", — заучены, усвоены поверхностно. В сущности же трудно подыскать выше и лучше благопожеланий, чем "Христос с Вами! Будьте во Христе!", — которыми мы часто начинаем или заключаем свои братские

письма. Каков их смысл? Смысл отраднейший: "Желаю вам, чтобы Христос родился в нас и пришел в силу, провел с нами младенчество, и отрочество, и зрелый возраст".

Может быть, спросите: "В чем же состоит это Христово рождение в нас и как оно совершается и раскрывается в душах верующих?" Имею возможность ответить на такой вопрос, но отлагаю беседу до следующего воскресенья, если угодно Богу. Теперь же: "Христос с вами!" Аминь.

III

Рождество Христово во плоти, как оно описано в Евангелии, произошло в смирении и унижении. Наш Спаситель родился от бедной Марии. Он родился не в великолепных чертогах, а в вертепе. Он был положен в яслях и повит обычными пеленами. Для Него не нашлось комнаты в гостинице, которая была общим пристанищем всем путешественникам, даже самым бедным странникам и пришельцам. Вот как воплотился Единородный Сын Божий, Царь неба и всех небесных светил: солнца, месяца, бесчисленных звезд, комет, планет! Так родился на земле Тот, Которому принадлежала и принадлежит вся вселенная со всеми ее творениями, обитающими на земле, плавающими в воде, летающими в воздухе и движущимися по тверди небесной!

Если бы Он захотел, то мог бы родиться среди блеска невыразимого, среди славы неопикуемой, небывалой. Все создание могло бы служить Ему, чтобы возвысить Его величие. Солнце бы осияло Его колыбель еще более яркими лучами света и тепла, нежели

оно озаряет жизнь мира. Небеса обрядились бы разноцветными радугами, месяц бы выплыл во всем богатстве своей красоты, прилетели бы из всех стран небесные птицы, оставили бы леса всякие звери, прибыли бы из всех стран и частей мира люди. И у колыбели Небесного Царя Царей раздался бы благовест, который разнесся бы по всей земле, по горам и долам, океанам и морям, рекам и озерам! И все и вся возрадовались бы дивному воплощению Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа. Но... Спаситель не захотел такого торжества.

Он, Божественный и Несравненный, избрал кротость, смирение, бедность, скромность. Он принял зрак безответного раба, оставил Свою славу, которую имел от вечности, уничтожил Себя, подверг Себя всему тому, что только есть наиболее презираемого. И все это благоугодно было Ему сделать для того, чтобы с самого вступления Своего во вселенную показать и научить, как должно смотреть на Него: не как на мирского Мессию, в котором бы надлежало искать мирского величия и блеска настоящей жизни, — как хотелось и как ожидали, по внушению чванных первосвященников, книжников и фарисеев златолюбивые евреи, — но как на Спасителя, Который приходит к желающим принять Его под покровом внутренних, а не внешних достоинств, не временных, но вечных. Чтобы люди видели и знали, что велик не тот человек, который родился на мягком, пуховом, золотом и бриллиантами убранном ложе, не тот человек счастлив, чье бракосочетание с жизнью было пиром вселенским, но Тот, Кто родился Человеком, пришел в мир Человеком, жил Человеком. И даже бессердечный римский Пилат, увидев и услы-

шав Иисуса Христа — Человека без пятна на совести, без упрека в измене, в кротости и силе души хранящего образ и подобие Божества, — сказал: *Вот — Человек!* (Ин. XIX, 5).

Под этим покровом смирения подходит Он теперь и к нам и рождается в сердцах верующих в Него. Наш Спаситель не переменял Своих правил. И доколе продолжится благодатное царство Его, — сокрытое от очей завистливого, злого, досадующего, скучающего мира, но ясное, светлое для души бескорыстной, любящей, покоряющейся Промыслу Божию, — Его правила смирения и самоотвержения будут оставаться непреложными и не потеряют своей силы. Верующие узнают своего Господа и лежащего в Вифлеемских яслях, и беседующего с народом на пустынной горе, везде и всегда, потому что на всяком месте владычество Его (см. Пс. СII, 22).

Верующие души испытывают в себе силу духовного рождения Христова, соединяются с Ним, касаются Его духовно.

О, мои братья и сестры и чада духовные, разве вы не испытывали этого чувства? Испытывали несомненно и испытываете, когда огорчены жестокой неправдой в обществе или в денежных делах, находитесь в нужде, в преследовании, когда терпите беды от близких и дальних, от родных, от семьи, от мужа или жены, от детей или от родителей, — словом, когда жизнь делается немила, когда в глазах нет слез или их очень много, когда ночь страшит бессонницей, а день — суетой. И вдруг вы чувствуете, что будто бы камень свалился с вашего удрученного сердца, в молитве или принятии Св. Христовых Таин вы неожиданно получаете облегчение, находите утешение, от-

раду, надежду. Вы чувствуете, что Кто-то подошел к вам и объял неизреченною благодатию. О таинственное, невыразимое счастье! Кто это? Кто же?... Это Он, наш Христос, Он, не принятый в гостинице, видит Свои ясли в нашей душе и готов войти, подобно тому, как Он пожелал однажды войти в дом великого грешника Закхея и принес спасение всему дому его.

Вошел Господь в душу — и все обиды и нужды забыты. И земная душа свой “вертеп Непрístupному приносит”. Она возносится, она славословит, она видит везде братьев и сестер и не чувствует уже страха и несправедного срама. С ней Христос, — чего же ей больше?! Пусть люди бьют нас по одной ланите, — мы не проклянем их, не воспротивимся злу, если они пожелают ударить и в другую. Не разозлят они нас, потому что мы молимся за ненавидящих и обидящих нас: “Господи! Они не ведают, что творят: прости им (см. Лк. XXIII, 34). Только будь Ты с нами. Живи с нами! Не оставляй нас, Господи, Боже наш! Не уходи от нас!” Аминь.

IV

В предшествующей беседе мы желали указать восхитительные следствия духовного рождения Господа нашего Иисуса Христа в сердце верующих. Мы желали объяснить, что нельзя довольствоваться одним внешним празднованием Рождества Христа Спасителя, которое уже несколько лет мы праздновали в нашей жизни, но которое может быть доселе не доставляло многим из нас существенной пользы. Христианам необходимо достигнуть того, чтобы великое, чудное и непостижимое таинство Воплощения

Божия открылось в наших сердцах, чтобы мы по собственному опыту узнали, что значит, употребляя выражение св. апостола Павла, иметь в себе *Дух Христов* (Рим. VIII, 9).

Чтобы празднование Рождества Господа Иисуса служило во славу Божию и ко благу бессмертным нашим душам, поставим вопрос: когда этот праздник не соблюдается как должно и когда соблюдение его служит во славу Божию?

1. От 25 декабря по 7 января* все дни в священном предании и в устах христиан носят название святых дней — Рождественских дней; вечера — святых вечеров, добрых вечеров. Этот период, поистине, драгоценное время для раздумий. А между тем, в действительности у большей части людей святые дни и добрые вечера более всего проводятся суетно и бесполезно. В эти дни более, чем когда-либо в другие дни года, люди воображают, что имеют право, освященное обычаем, проводить целые вечера в рассеянии и беспорядочности. Какое грубое заблуждение! Мы имеем столько дела и так мало времени, чтобы успеть сделать все, и, однако же, так проводим время, что не знаем, куда девать его.

Непонятно поведение многих христиан в эти дни. Они сердечно, по-видимому, рады празднику Христова Рождества. Но в чем отражается эта радость? Уважения к Господу никакого! Хоть во Имя Христа собираются, но Имя Христа устраняется. Да и возможно ли вспоминать о Христе, повитом бедными пеленами, там, где люди сидят за карточными стола-

* по старому стилю.

ми, где выигрыши и проигрыши составляют всю силу союза собравшихся? Это общество, носящее имя христианского, напоминает торжище Ваала, праздник поклонников золота и удачи, которые гонятся за счастьем. Или представим себе другое собрание именующих себя христианами. В эти святые вечера они считают как бы законным отдаваться нескромным зрелищам, где не осеяют себя даже крестным знаменем, где чем язвительнее сатира, чем больше задета честь и имя другого, тем зрителям приятнее; чем вымысел неправдоподобнее, чем пышнее декорации, тем интереснее, вдохновеннее и т.д. Согласитесь же, что это — нехристианское препровождение времени.

В святые вечера дома обращаются или в гостиницы, или же в пещеры. А как проводят ночь? О, это не святая ночь для многих, а ночь соблазна. Воспоминания о ней, говорят потом: “Было очень весело, много смеялись, тот или та держали себя неумело; эта была одета дурно; тот проигрался, того обыграли”. И снова смех и снова осуждения — да какие?

Или же в святые вечера дом представляет собою подобие кладбища: все здоровые отправляются кто на зрелища, кто на собрания веселья и пира. Родители без стыда оставляют своих детей на попечение прислуг, хозяйство — под защиту уличной казенной стражи; дети безжалостно оставляют своих немощных родителей. Увы! — и в этом доме не святая ночь... Сколько вздохов, сколько слез прольется в одиночестве, сколько дум любви за отсутствующих; часы, между тем, идут долго-долго... Прошла полночь; на небе загорается утренняя заря, и вот, наконец, являются домой, под видом христовладцев, эти слуги Ваала. Сами они физически не устали, но со-

весть их — увы! — точно раненый, простреленный воин: не то стонет, не то спит от боли.

2. Нужно еще сказать об объядении и пьянстве, которым многие, именующие себя христианами, предаются в это время. Эти люди своим сластолюбием, в буквальном смысле оскверняют праздники. В это время не только стараются удовлетворить все телесные нужды, но и насыщают все похоти, питают все страсти, исполняют все пожелания, какие внушает сатана. Это ли значит праздновать Рождество Христово? Нет, проводя это святое время — Святки — в чувственных удовольствиях, люди делаются хуже погибающих скотов. Их столы, будь они роскошны или убоги, напоминают собою ясли, только не Вифлеемские, но скотские, какие стоят в нечистоплотных хлевах.

Св. апостол Павел обращает горький упрек к христианам: *Не можете вместе пить чашу Господню и чашу бесовскую, причащаться трапезе Господней и трапезе бесовской* (1 Кор. X, 21). Не кощунство ли это: пить вино и закусывать св. просфорой?!

Я говорю здесь вообще не против скромных радостей, честных художественных зрелищ, дружеских бесед, против праздничной благопристойной трапезы, но только против злоупотребления всем этим.

Злоупотребления порождают дух дерзости и своеволия, располагают к произношению праздных и худых речей и к деланию таких поступков, о которых многие стыдились бы помыслить, если бы оставались в пределах трезвости и умеренности.

Зачем же вы увлекаетесь в такие сообщества, которые могут вас вводить в искушения и неблагоприличные действия? Свойственно ли человеку подвергать себя опасности с намерением? Как можете вы гово-

ритель в молитве: “Не введи нас во искушение”, когда сами решаетесь войти в него, когда стремитесь посещать общества, места, людей, где легко учинить греховное дело или нельзя не учинить. “Тот и те ездят туда-то, а мы разве беднее других? Тот и тот бывают пьяны на Святках, а мы разве не в состоянии? Куда люди, туда и мы”. Нет, не осуждая других, я вам и себе пожелаю одного: “Куда Христос — туда и мы!”

Как же следует соблюдать праздник Рождества Христова? Как должно, по-христиански?! На этот вопрос, чтобы не утомлять вас, повторю слова учителя Церкви Православной:

—Христос рождается, славьте, священники, ибо рождается Великий Первосвященник!

—Христос рождается, славьте, мудрые, ибо Он от Бога принес и премудрость, и правду, и освящение, и избавление!

—Христос рождается, славьте, мирские, ибо Он всех вас сделал Царями и иереями Богу!

—Христос рождается, славьте, старцы и старицы, ибо отроча младо есть Бог превечный!

—Христос рождается, славьте, люди возраста, работники могучей силы! В Нем и богатство, и счастье, и утеха.

—Христос рождается, славьте, отроки! Дивен ваш возраст, ибо кто не будет, яко отроча, не может войти в Его царство.

—Христос рождается, славьте, младенцы, ибо из уст младенцев Он совершает Себе хвалу!

—Христос рождается, славьте, девственницы, ибо Он рождается от Девы!

—Христос рождается, славьте, вдовицы, ибо Он, принесенный во храм, будет проповедан всему миру вдовицей Анной!

—Христос рождается, славьте, матери и отцы, ибо Он несет благословение чадам вашим!

Все будем славить Рождество Твое, Христе Боже наш, ибо все мы люди — венец Божьего создания. Аминь.

СЛОВО

**в воскресный день
перед наступлением Нового года**

*Отче наш!.. Да придет царствие Твое,
да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли*

(Мф. VI, 9–10)

Благодарение Господу: Он удостоил нас провожать в вечность еще один год времени. При этих проводах душа наша невольно бывает настроена как-то неопределенно. Перед ней восстает картина будущего, неизвестного будущего. Мысль наша с приближением Нового года впадает в неопишное состояние: чего-то желает, чего-то ищет, но чего именно — сказать не может. У каждого из нас с приближением Нового года мысль — точно странник на неведомой дороге, пересекаемой в разные стороны, — не знает, в какую сторону ей склониться.

Да, простое выражение: “Еще Новый год!” — повергает человека в задумчивость. Отчего же такая тьма для нас впереди? Отчего, при всем веселье и торжестве, приближение Нового года наводит такое раздумье? Оттого, что в глубине нашего бессмертного духа живет вечное и ясное и в то же время непостоянное и неопределенное сознание доброго, истинного и прекрасного. Но это желание, эти великие стремления подавлены в нас мирской суетностью

и рассеянностью. Прояснить это сознание своих желаний помогают слова молитвы Господней: *Да придет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.* В строгом смысле, человек ничего другого не желает, кроме царствия Божия. Все желания наши, в сущности, сводятся к одному: чтобы это царствие пришло как можно скорее.

В мирском языке нет выражений с благопожеланием царства Божия. В будущий четверг на этой неделе мы услышим благопожелание в таких словах: “Желаем нового счастья, нового довольства, нового спокойствия!” Но где же это счастье? Его нигде нет, кроме царствия Божия; ибо желания наши так безмерны, что только царствие Божие может их удовлетворить. Довольство и спокойствие совсем невозможны, пока люди будут слушаться только своей беспокойной воли и пока Божия воля не сделается единственным законом жизни для всех нас. Поэтому желание друг другу счастья, в сущности, есть не иное что, как желание, чтобы царство Божие пришло в человеческое общество и водворило бы в нем царство счастья.

Господи, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли! Поистине, как будет величественен и славен тот год, в который царствие Божие раскроется во всей полноте и во всем своем свете: не будет сирот, голодных, униженных, вдовства, нищеты, злобы, клеветы, разврата, позора, бесстыдства и слез... Мы были бы счастливыми из счастливых, если бы в наступающий год было менее несчастных, более имущих, более терпеливых, менее страждущих. *Господи, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли!*

На земле протекло много тысяч лет, и каждый год оставляет своему преемнику жизненное наследство, — наследство опыта и уроков. Перст Божий записывает это наследство. Если бы мы внимательно погрузились мыслью в прошедшее, то увидели бы, что наши отдаленные предки, наши прадеды, деды, отцы и матери — все стремились к счастью. Увы! — не исполнились их чаяния. Потому и не исполнились, что они уповали видеть счастье в неопределенных формах земного, преходящего. Время пережило их желания, и мы тоже жаждем счастья, только в ином виде, нежели то, о котором пламенно вздыхали люди, до нас жившие. И мы умрем, не осуществив одной тысячной доли своих земных желаний, если не поймем, что старый год завещал другому жить и действовать так, чтобы пришло царствие Божие, чтобы Его святая воля была *яко на небеси и на земли.*

Когда же придет царствие Божие? — спрашиваем мы. Вопрос постоянный; он повторяется ежедневно людьми. Этот вопрос предлагали даже апостолы Иисусу Христу, говоря: *Не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?* (Деян. I, 6).

Но этот вопрос не разрешим в существе. Ни люди, ни Ангелы, никто кроме Бога не осведомлен, когда же наступит, наконец, блаженное царство Божие. Может случиться, что мы не доживем до времени, когда царство Божие явится во всей силе. Но для нас довольно того, чтобы царство Божие было внутри нас (см. Лк. XVII, 20 и 21); нужно желать, чтобы это царство внутри нас раскрылось в глубине тоскующего нашего духа и принесло бы душам нашим *праведность, и мир и радость во Святом Духе* (Рим. XIV, 17).

Итак, когда пробьет в будущий четверг полночный час, с которым начинается новолетие, заповедую вам освятить первое время Нового года и освятить дух свой словами молитвы Господней: *Отче наш! Да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли!* (Мф. VI, 9—10) Аминь.

СЛОВО

в день новолетия

Кто во Христе, тот новая тварь.
(2 Кор. V, 17)

При вступлении, по благодати Божией, в новое лето Господне вполне естественны и законны ожидания чего-либо нового. Отсюда, по обычаю, освященному добрыми преданиями, в первые часы и дни гражданского новолетия между людьми происходит живой и разнообразный обмен лучшими благожеланиями и приветствиями.

Но есть ли что-либо новое в видимом мире? Вся видимая природа не отступает от предписанных ей всемогущим Творцом неба и земли законов. От начала мира и до сего дня *восходит и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит* (Еккл. I, 5). Сменяются одно за другим поколения, *род проходит и род приходит, а земля пребывает вовеки* (Еккл. I, 4). *Что было, то и будет; что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем* (Еккл. I, 9).

Православный христианин ожидает и желает нового не в царстве природы, но в царстве благодати. Оно представляет собой нравственный, духовный

мир, где заключен неисчерпаемый источник нового в лице человека — разумного создания Божия, обновленного Иисусом Христом. В разумной душе человека может и должно совершаться непрерывное обновление. *Кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое*, — восклицает св. апостол (2 Кор. V, 17). В царстве благодати Божественная Творческая Сила никогда не прекращает способности создания. *Отец Мой доныне делает, и Я делаю* (Ин. V, 17), — учил Сам Господь наш Спаситель.

Благостный Обновитель человеческого рода, *Посредник между Богом и человеками* (1 Тим. II, 5), уверовавших в Него иудеев, похвалявшихся мнимой правдой своей, и язычников-эллинов, тщеславившихся земной мудростью, примирил между собою, *спас их по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом* (Тит. III, 5). *Древнее прошло, теперь все новое.*

Мы принадлежим к обществу обновленных Иисусом Христом. Следовательно первым и общим нашим желанием должно стать деятельное стремление являть себя новой тварью во Христе — быть истинным последователем Христовым, а не держаться ни внешности иудейской, ни обычаев языческих. Для нас прошло древнее. Ум истинного христианина озарен светом боговедения, сердце — любовью к небесной жизни, потому что *кто во Христе, тот новая тварь.*

Обновленный верою христианин не останавливается на пути к совершенствованию самого себя только простым причислением себя к стаду Христову. Имя христианина обязывает его к сугубой деятельности. Ему предстоит борьба, требующая усиленных подвигов и терпения на предлежащем жизненном пу-

ти. Для того же, чтобы заручиться силами для предстоящего служения в качестве верного последователя Христа, необходимо прежде всего самоиспытание.

Каждый из нас обязан зорко наблюдать за собой. Всякое действие должно быть рассмотрено с точки зрения веры. Стремлением осуществить великую цель, для которой человек призван жить в этом мире, каждый шаг нашей жизни должен быть направлен вперед, к вечности. Жизнь человеческая не случайное сцепление дней, месяцев и лет, не придуманное сочетание бесцельных причин и следствий, но серьезная задача. Жизнь — не шутка, не игра, не забава, а дело серьезнейшее из всех, какие может представить себе человеческий разум. Вот почему от каждого из нас требуется благочестивая настроенность; вот почему каждый из нас, глубоко всмотревшись в свое назначение, увидит, что он странник и временный пришелец в этом мире.

Если нет в человеке этой настроенности, то он живет или случайной жизнью, или идет за внешними обстоятельствами, или же живет так, как подсказывают ему внутренние порочные расположения и страсти.

Кому не известно, как часто человек легкомысленно подчиняется ложным мнениям. Ложное мнение разносится в свете, и человек улавливает его и живет с ним только потому, что другие так думают. Многие из нас увлекаются дурными примерами, растлевающими обычаями. Этому увлечения, разумеется, не было бы, если бы человеком осознана была серьезная задача жизни — жить для вечности. Жить же для вечности — еще раз повторяю — значит вести непрерывную борьбу, исполнять беспрестанный подвиг, терпеть и терпеть.

Кроме самоиспытания, в жизни необходима богобоязненность, иначе, страх Божий. Если человек хоть раз задумается серьезно о том, что жизнь человеческая есть серьезное условие разумного существования, то он будет оберегать ее как великий божественный дар, как величайшую, ни с чем не сравнимую святыню. С этой минуты в жизни его не будет слепой случайности. Вставая утром, он будет ждать для себя работы от Того великого Хозяина, глаза Которого обращены на каждую из земных тварей оттуда, сверху, с неба. Работая, трудясь в течение дня, он будет думать, что исполняет не свое, а посланное ему свыше. В конце дня он отдаст благодарный отчет своих действий, своих слов, своих размышлений Тому же Хозяину этого мира, свыше зрящему и всевидящему. В такой богобоязненности и пройдет вся жизнь человека. Наконец наступит благодатный час, когда человек-работник услышит голос приветия: “Приди, Мой возлюбленный, и наследуй уготованное тебе счастье и блаженство” (см. Мф. XXV, 34).

Христианин дорожит временем, зная, как говорит апостол, что дни жизни лукавы (Еф. V, 16). Время нашей жизни подобно морю. Человек в этой жизни, что пловец среди быстрых волн моря. Пловец знает, как опасны воды, знает, что есть в море подводные камни, есть мели, случаются противные ветры, которые могут удалить, увлечь его туда, куда не следовало плыть.

В жизни человеческой есть свои ветры, свои волны, подводные камни, мели, опасные отмели и опасные быстрины. Все мы плывем или несемся по этому морю, несемся безостановочно от берега на-

шего рождения в этот свет до берега исхода из этой жизни. Различные перевороты в обществе, внезапные лишения, скорби, болезни, ложные понятия, порочные нравы и обычаи и разные соблазны, как буйные вихри или как бурные волны, всегда могут увлечь нас с прямого пути истины, если мы не будем благоразумно пользоваться временем, держась руководства Слова Божия и правил Православной Церкви.

Кто благоговейно внимает Слову Божию и смиренно покоряется правилам Православной Церкви, тот покоряется водительству Св. Духа. Дух Святой, как благоприятный попутный ветер, водимых Им влечет и несет благодатно по волнам этого житейского моря к тихой пристани небесного отечества.

Надо дорожить временем. Оно, как вода в реке, быстро утекает и не возвращается. Что прошло, того уже не будет; минувший год не вернется. А что впереди, то от нас сокрыто. Тем заботливее должны мы спешить пользоваться временем, какое Господь милосердный дает нам для достижения вечного блаженства.

Вознесем, братия, соединенно голос сердца и уст к Обновителю лет и времен, да будет настоящий день новолетия залогом внутреннего обновления и внешнего благоденствия для всех нас, чтобы грядущее лето Господне было для нас временем благочестия и молитвы, труда и правды, любви и всех христианских добродетелей, с ней соединенных. *Древнее прошло, теперь все новое. Итак, кто во Христе, тот новая тварь. Аминь.*

ПОУЧЕНИЕ

в день праздника Крещения Господня

В далекой от нас теплой южной стране, на восточном берегу реки Иордана собрались толпы народа. Здесь были люди всяких возрастов и всякого состояния. Собравшись отовсюду, они соединились близ великого пророка, проповедника, пустычника Иоанна. Сын Захариин, св. Иоанн перед собравшимся народом говорил о наступающих временах Нового Завета. Он говорил: *Уготовайте путь Господень* (Лк. III, 4). “Достоинo, правой душой и чистым сердцем встретьте Господа!” Народ слушал, удивлялся проповеди, веровал наступающим лучшим временам, и, по слову Иоанна, приносил исповедь, покаяние и крестился.

В один из дней из бесчисленной толпы слушавших и пришедших для крещения от Иоанна отделился и приблизился к нему Один. Это был кроткий, смиренный, по виду благообразный Путник из Назарета, известный в своем городе как сын древодела и Сам древодел. Этот Путник смиренно просил Иоанна крестить Его, как и прочих. Креститель и исповедник многочисленных людей, объятый благоговейным трепетом, не решался на это и *удерживал Его* (Мф. III, 14). Он, называющий себя *гласом вопиющего в пустыне* (Ин. I, 23), отказывался крестить пришедшего *Мужа* (Ин. I, 30) по своему недостoинству, говоря: *Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?* (Мф. III, 14). Иоанн Духом Святым узнал, что перед ним стоял воплотившийся от Пресвятой и Пречистой Девы Марии Сын Божий.

Иоанн спрашивал: “Зачем тебе, Пречистому, креститься? Ты Сам есть Источник всякой чистоты и святости?” *Оставь ныне,* — отвечал ему Иисус, — *ибо так надлежит нам исполнить всякую правду* (Мф. III, 15). Другими словами: “Я совершаю все заповеди, предписанные законом, и остается одна та, чтобы креститься, и Мне надлежит совершить и ее. Я пришел к водам, чтобы освятить естество воды, пришел креститься, чтобы освятить купель Крещения, чтобы, принявши на себя грехи всего мира, омыть их Крещением”.

Крестился Иисус Христос тридцати лет, именно в таком возрасте, когда люди легко склоняется ко всякому греху. Ибо, по толкованию Святых Отцов — Иоанна Златоуста и Феофилакта, как младенческий возраст полон неразумия и неведения, а юношеский — разжигается плотскими вожделениями, так тридцатилетний возраст, возраст мужа, порабощен корыстолюбию, гордости, гневу и всяким грехам. До этого возраста отложил Иисус Свое Крещение, чтобы исполнить Закон всеми возрастами и подать нам силы побеждать страсти, хранить себя от грехов смертных.

Началось Крещение. Иисус погрузился в воды Иордана. Иоанн, с благословением на устах, держал руку на Его главе. Вдруг взор Иоанна поражен был необычайным видением: небеса отверзлись, из глубины их, в тишине, окруженный сиянием, сходил Дух Святой в виде голубя, и из тех же небесных высот слышался глас Божий: *Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение* (Мф. III, 17). Этими словами Бог Отец указал всему человечеству на давно ожидаемого Спасителя. *Сей есть* — озна-

чает “не ищите, не ожидайте себе другого, это ни посредник, ни ученый, ни титулованный вельможа, ни сказочный богач, но Сам Сын Мой, такой же Господь, как и Я; на небе от вечности Он был Мне возлюбленным”.

Таким образом, как некогда, во дни всемирного потопа, голубица возвестила умаление потопных вод, так и теперь подобие голубя было знамением того, что прекращается потоп греховный. Почему явился Дух Святой в виде голубя? Он явился в виде птицы чистой, человеколюбивой, кроткой и незлобивой, так как Дух Святой есть Источник чистоты, Учитель человеколюбия, кротости и незлобия.

Да подаст и нам Господь внедрить в свою душу эти великие качества. Аминь.

СЛОВО

в повечерие Богоявления Господня

И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, и се, отверзлись Ему небеса
(Мф. III, 16)

В один день великие дела Божии совершились на земле: Крещение Сына Божия в водах Иордана, схождение Духа Божия на Иисуса и свидетельство с небес Бога Отца о Единородном Сыне Его, Господе нашем Иисусе Христе.

Богоявлением и действием всей Святой Троицы — Отца, и Сына, и Святого Духа — началось дело спасения человеческого рода.

Ради Божественных заслуг нашего Спасителя, Отец милосердия благоволит к человечеству. “Ради

вочеловечения Иисуса Христа”.* Он продолжает бытие мира, *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. V, 45). Ради вечного ходатайства Сына Божия у престола Правды Божией, ниспосылаются непрерывно людям временные и вечные блага.

Каждый из нас, по званию христианина, щедро одарен великими дарами спасения. По примеру Спасителя, все мы крещены водою во имя Пресвятой Троицы — во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. В таинстве святого Крещения Духом Святым мы возрождены для добродетельной и святой жизни. Ради возлюбленного Единородного Сына Своего Отец Небесный и нас усыновляет Себе и обращает к нам отеческое Свое благоволение.

Предстоящий праздник Богоявления и вместе с ним — Крещения Господня, вызывая в душе чувства благоговения, обязывает каждого христианина привести на память обеты, данные при совершении над нами, во имя Св. Троицы, Таинства св. Крещения. Перед Животворящим Крестом Иисуса Христа и Его Евангелием наши восприемники от св. купели за нас поручились в том, что великий дар Крещения, дар непорочный и чистый, мы сохраним верою и служением единому Богу, в Трех Лицах поклоняемому; исполним святую Его волю, запечатленную в заповедях Закона Божия, раскрытых Иисусом Христом в Евангелии, св. апостолами в их Посланиях, св. боговдохновенными мужами в Библии, уясненных великими проповедниками и богоносными учителями и отцами Православной Святой Церкви Божией.

* Святитель Иоанн Златоуст. Беседа XXI.

В Крещении Господнем св. Матерь наша Церковь издревле видела не только прообраз духовного возрождения в купели Крещения, но и действительного освящения всей водной стихии прикосновением к ней воплощенного Божества. Отсюда производят и существующее в христианстве установленное крестное хождение “к естеству вод” (Стихира на Великое водосвящение, глас 8), и водоосвящение, которое есть как бы безграничное распространение освячительных действий, бывших при Крещении Спасителя в Иордане.

Крестный ход в день Богоявления наглядно напоминает о высоком знаменательном шествии Иисуса Христа к Иоанну, на Иордан. Погружение св. креста в речные воды — наше освящение в купели св. Крещения и всегдашнее освящение в единении с Господом Спасителем через окропление св. водой, благодатию Св. Духа.

В день Богоявления всемогущая молитва любвеобильного нашего Спасителя отверзла небеса, заключенные грехом прародителей, и открыла для всего человечества и на все времена вход в небесное царство: *Когда же Иисус, крестившись, молился, отверзлось небо* (Лк. III, 21).

По Его, Сына Божия, всеильной молитве Отец Небесный не отвергает и от нас, верующих в Него, возносимые с благоговением молитвы. *Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня,* — учил Иисус Христос (Ин. XIV, 6).

И кому больше, как не нам, надлежит беспрестанное памятование об этом благодетельном указании: мы всегда так бедны добродетелью, так скудны нрав-

ственной чистотой, так немощны и грешны, что не от кого ожидать утешения, исцеления, прощения и счастья, кроме Христа Спасителя, во имя Которого крестились и бессмертными заслугами Которого облечены. Аминь.

СЛОВО

в день собора св. Иоанна Крестителя

Я глас вопиющего в пустыне
(Ин. I, 23)

Во времена Иисуса Христа жил в одной пустыне Иудейской великий подвижник Иоанн. Пустыня была безлюдна, дика и одинока. Но к ней стремился народ. Люди покидали роскошные дома, оставляли богатейшие синагоги, отказывались слушать проповеди прославленных, нарядных фарисеев. Старые и молодые толпами спешили принять благословение Иоанна, услышать слово человека бескорыстного, любящего, преданного народу, готового положить за правду свою голову, как впоследствии и случилось. Этому великому праведнику, который не отличался ни красотой лица, ни силой голоса люди несли свои души и сердца. Уста Иоанна произносили вещания мудрости. Не той мудрости, которая оставляет впечатление лишь на минуту, но той, которая, как говорит наш народ, переворачивает душу, которая имеет благодатную силу врачевать ее, поднимать ее, вести ее к совершенству.

Народ слушал и умилялся. Народ благоговел перед Иоанном и, видя его безупречную, праведную жизнь, слыша от него небесные, душеспасительные речи,

спрашивал: “Кто он?” Иоанн отвечал: “Я — простой голос, вопиющий в пустыне: исправься, народ, подготовься встретить Господа, к тебе идущего”.

Так проповедовал Иоанн, желая одного, — чтобы люди, его слушавшие, почувствовали нужду в Спасителе и готовы были принять Его с верой и любовью.

Проповедью Иоанна и его словами Евангелие зовет всех нас усердно внимать всему, что призывает нас к покаянию и исправлению своего поведения, к утверждению себя в благочестии и правде. Прислушайтесь к голосам, вопиющим нам о Боге, о нравственном нашем исправлении. Укажу вам, точнее, направлю ваш христианский слух на эти голоса.

1. Прежде всего, — это голос видимой природы. Поглядите на небо и вокруг себя — везде и во всем вы услышите проповедь о величии Божиим. В 18-м псалме пророк говорит: *Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь* (Пс. XVIII, 2). Как громка эта проповедь! Она сразу говорит ко всем народам целого мира. Солнце, месяц, звезды, земля с ее полями, лесами, горами, морями, реками, озерами, бесконечным разнообразием животных и растений, — все это проповедь о том, как Господь силен, и премудр, и добр. Всякое создание на земле — и великое, и малое — напоминает нам о необходимости творить волю Божию и жить по-человечески, так как всякая тварь живет согласно со своими свойствами, которые она получила от природы.

2. Но чей взор слеп и не видит Божиего величия в природе, пусть такой человек приложит свой слух к личной своей совести. Побеседуйте и посоветуйтесь со своей совестью. Это есть неумолчный голос Божий. Он твердит человеку и наяву и во сне, твердит

одно: “Оставь грех и делай добро”. Совесть обличает даже в то время, когда все хвалят нас; она наставляет нас во всякое время, хотя мы ее и не слушаем. Ее укорительный взор проникает повсюду; от совести никуда не скроешься, хотя можно делать и все безобразное. Нечего и говорить, что бессовестному самому тяжело жить. Бедствие грозит и обществу, где есть люди без совести.

3. Третий голос, говорящий нам об исправлении поведения — Слово Божие. К великому сожалению, мы почти все глухи к нему. Ученые кичатся и часто пренебрегают Св. Писанием, неученые Св. Писания не знают и не изъявляют желания знать. Даже дожившие до старости знают много сказок, песен, анекдотов, но совсем беспамятны на Божественное учение. Во многих домах и даже школах можно встретить усердное чтение разных книг, но в числе их редко книги божественные, боговдохновенные. В большей части домов совсем нет Библии, нет Евангелия. А между тем, в этих книгах человек находит слово Божие, которое светит светом истины. Без света и солнца гибнет растение, не может жить без них никакое животное. Без Слова Божия гибнет человеческая душа, гибнет во тьме неведения и в полном отчуждении от понимания правды, добра и красоты. Сердце человеческое без Св. Писания похоже на камень: сколько его ни грей, все он холоден, тверд и бесчувствен.

4. Четвертый голос: пусть каждый из нас внимательно взвесит все обстоятельства собственной жизни, приятные и неприятные. Нельзя сказать, чтобы он не нашел в размышлении о них для себя поучительного наставления к благочестию и добродетели. Промысел Божий, награждая человека благосостоянием, миром и довольством, призывает его к благо-

дарности. Болезни, война, голод, общественные и семейные неурядицы — это голоса, громко свидетельствующие о гневе Божиим, наказующем и разумляющем людей; это голоса, призывающие человека к исправлению своего поведения, к смиренной молитве пред Богом о помиловании. Вдумавшись в свои житейские невзгоды и редкие радости, увидите сами, как всеблагий Господь призывает нас к Себе. Если кто из нас не слышит голоса Божия, то зависит это от невнимания к себе, от нашей беспечности, от греховой привязанности без разбора к внешним благам. Порочные привычки притупляют духовный слух человека и делают его глухим к духовным потребностям. Ведь есть люди, которые привыкли спать под пушечными выстрелами, под ударами тяжелого колокола, под раскатами бури. Их ухо выдерживает шумный звук, потому что они привыкли к нему. Так и человек часто привыкает прислушиваться к своим страстям, а не слышит небесного голоса, со всех сторон зовущего, пробуждающего, проповедующего, подобно грому небесному. Да, голос Божий, как гром небесный, вещает нам: “Раскайся и исправься!” Аминь.

ПОУЧЕНИЕ

о дарах благодати Божией

(Произнесено в неделю просвещения)

*“Приидите, примите вси Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божия, явльшегося Христа”...
(Стихира на водоосвящении, глас 8)*

Вот молитва, которой уже третий день оглашаются храмы в Православной Христовой Церкви. Церковь, как нежнейшая мать, постоянно

прилагая попечение о нашей жизни, хочет освятить христиан благодатной водой и призвать на всех благодать Св. Духа, Господа Животворящего.

1. Духа премудрости! Здесь разумеются не те свойства душевных сил, которые мир зовет премудростью. Мирская, светская, человеческая премудрость есть не более как гордость. Премудрость же божественная своим главным признаком имеет смирение. Мирская премудрость гонится за земным, за временным и всего чаще доходит до того, что совсем забывает Бога. Премудрость же, которую Церковь испрашивает у Св. Духа, ведет к тому, что человек-христианин составляет непоколебимое убеждение в существовании божественного, святого, чистого, и это убеждение становится в его жизни светочем, не угасающим ни днем ни ночью. Человек, осененный Духом премудрости, по выражению псалмов, жаждет Бога и день и ночь, жаждет Его, как лань водного источника (см. Пс. LXII, XLI).

Человек, вместивший в себя Духа премудрости, всегда предстоит истинному Богу, невидимому как видимому, и неуклонно *взирает на начальника и совершителя веры Иисуса Христа* (Ев. XII, 2). Светская премудрость часто совсем не обращает внимания на исполнение нравственных правил. Оттого часто слышится: “Какой тот или другой человек умный, а между тем ведет себя хуже последнего невежды”. И, наоборот, слышим: “Какой тот или другой человек маловоспитанный, малознающий, а между тем благородный, честный, добрый!” Первого мудрость обюродила, а у второго открылась ее светлость.

Истинная божественная премудрость окрыляет человеческую душу добродетелями. Образец жизни для

неимущего премудрости был и есть всегда Иисус Христос, Который, *будучи образом Божиим, уничижил Себя Самого, приняв образ раба и по виду став как человек; смирил Себя, послушен был даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. II, 6—8). Иисус Христос есть Господь и Учитель верующих душ. На Христа взирает верующий человек, чтобы подражать высоким Его свойствам и отображать их в себе. Светская премудрость походит на дорогое платье, сделанное из слишком тонкого, непрочного материала, на малозанимательную книгу с дорогим переплетом. Божия премудрость походит на *белоснежные одежды*, в которые облекутся те, чьи имена записаны в *Книге жизни* (Апок. III, 5); на Евангелие, которое во всех своих внешних видах, в переплете и без переплета, приносит душе отрезвление и отраду. Ниспосли же нам, Господи, Духа премудрости, чтобы он оживотворил наши душевные силы и направил их к благочестию.

2. Ниспосли нам, Господи, и Духа разума. Премудрость есть такое свойство, которое обнимает все душевные силы, а разум составляет одну из этих сил. Этой силой человек соображает, измеряет, сопоставляет, размышляет и рассуждает. Ум человека — великая сила; ею он воспринимает, понимает и дает убежище в своей душе всему тому, что есть истинного и святого в целом мире. Ум человека сдерживает беспорядочные, неуместные и несоответственные порывы сердца; ум человека налагает узду на наши желания и мечтания, удаляет от нас грезы и похотения, разоблачает всецело предметы, нас соблазняющие и увлекающие. Для этой-то силы, в нас живущей, Церковь испрашивает благодати Животворящего Св. Духа.

Ни одна сила так не страшна и не привлекательна в мире, как ум. Ум — сила покоряющая и созидаю-

щая. На войне не страшен порох и оружие, но страшен ум, направляющий их силу. Не слово сильно, на нас действующее, но тот разум, который словами заставил нас согласиться и покориться. Оттого умы в одних людях называются ангельскими, а в других людях — дьявольскими. Ангельские умы — это те, которые везде, во всем и всегда ищут небесного, святого, чистого, божественного; они ищут этого сокровища трудом и средствами, освященными и указанными законом Божиим. Умы же дьявольские стоят вне ведения Божия; их небо, их кумиры вмещаются в себе самих или же вмещены все на земле. Светлый христианский ум всегда стремится к свету, ум же дьявольский всегда пресмыкается внизу и ищет сумерек, тьмы... Наставь же нас, Господи, Духом истинным, ангельским разумом!

3. Ниспосли нам, Господи, и Духа страха Божия! Страх Божий — это высшее совершенство духа. Это есть благоговение. Это не то чувство, когда мы, сделав дурное дело, не знаем, как освободиться от строгости правды Божией. Под этим впечатлением человека преследует совесть, вспоминаются ему его беззакония; он просит помилования, но не чувствует в себе богатого утешения. Этот страх удерживает человека от грубых и тяжких грехов, но не исправляет сердца. Это тот *страх*, в котором, как говорит св. Иоанн Богослов, *есть мучение* (1 Ин. IV, 18). Страх же Божий есть бесконечная любовь к Господу. “Всегда ли свободен буду от грехов моих? Не впаду ли я в грех? Не стану ли хуже, чем есть?” — вот это чувство есть первое выражение страха Божия. Сознать не временно, а постоянно в своей душе мир Божий, радость о Духе Святом и не терять их в самых страданиях — вот вторая степень этой добродетели.

Страх Божий имеет всю сладость любви; он составляет счастье, он есть в то же время и охрана, утверждение счастья. Страх Божий — это страх Ангела, стоящего у престола всевышней Святости; страх Божий — это страх детей, страх перед нежно любящей матерью, в силу этой любви устрашающихся оскорбить ее. Страх Божий — это страх и вместе радость, сознание своего ничтожества и вместе полнота любви Божией, излитой в любящее сердце. О, Господи! *Воздаждь ми радость спасения Твоего* (Пс. L, 14); *да возвеселится сердце мое бояться имени Твоего* (Пс. LXXXV, 11), — взывал пророк Давид в своих молитвах.

Молитва пророка Божия да будет и нашей молитвой. “Люблю Тебя, Господи, и боюсь, чтобы любовь эту не запятнать, не уронить, не обесславить. Люблю, люблю, но боюсь; боюсь, потому что люблю”.

Еще раз, братья и сестры мои о Христе, воскликнем от сердца молитвенно: “Ниспосли нам, Господи, Дух премудрости, Дух разума, Дух страха Божия, во имя явившегося миру Иисуса Христа. Ему — все мои дарования и вся моя жизнь до последнего вздоха на земле”. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ

об истинном покаянии

(произнесено в Неделю
по Просвещении)

I

Господь наш Иисус Христос Свою проповедь, Свои поучения человеческому роду начал словами: *Покайтесь, ибо приблизилось царство небес-*

ное! (Мф. IV, 17). Итак, чтобы быть истинным христианином, чтобы понимать учение и проповедь Иисуса Христа, чтобы испытать на себе благодать Божию, человеку необходимо покаяние. Без этого средства можно быть христианином по имени, но это будет самозванством и предвосхищением прав, каких мы не имеем на самом деле. В чем же главным образом состоит истинное покаяние?

1. Истинное покаяние состоит в сознании своей греховности. Осознать свою греховность — это значит увидеть своим духовным взором грех, коренящийся в душе, во всей его омерзительной сущности. Достаточно раз увидеть эту гнусность, чтобы навсегда она опротивела. Сердце человеческое любит святое, прекрасное, истинное. Все же греховное — фальшиво, уродливо и нечисто. Если сердце раз увидит грех во всей его наготе, то оно способно не только устыдиться его, но от ужаса греховности болезненно сжаться. Нашему сознанию представляется во всей ясности, что Бог далек от грешника, что сердце грешника безутешно, что скорбь и теснота создают преграду спокойному росту и развитию всех духовных способностей грешника. В этом состоянии искушения и соблазны уподобляются ядовитым змеям, которых человек бежит как величайшего бедствия. Такое душевное настроение и есть именно то, что называется христианским покаянием. Сознательное отвлечение от всего законопреступного и законом Божиим не одобряемого, постоянное желание обновить сердце, воспитать душу способной к восприятию вечной истины и правды, — это составляет то покаяние, к которому Иисус Христос призывает словами: *Покайтесь, ибо приблизилось царствие Божие!*

От имени правосудного и святейшего Бога пророк Иезекииль взывал к народу: *Покайтесь и обратитесь от всех преступлений ваших, чтобы нечестие не было вам преткновением. Отвергните от себя все грехи ваши, которыми согрешали вы, и сотворите себе новое сердце и новый дух; и зачем вам умирать, дом Израилев? Ибо Я не хочу смерти умирающего, говорит Господь Бог; но обратитесь, и живите!* (Иез. XVIII, 30—32) *Вспомните о путях ваших и обо всех делах ваших, какими вы оскверняли себя, и возгнушайтесь самими собою за все злодеяния ваши, какие вы делали* (Иез. XX, 43). *Обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании. Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши, и обратитесь к Господу Богу вашему; ибо Он благ и милосерд, долготерпелив и многомилостив* (Иоил. II, 12—13). В сознании греховности является желание поститься; сердце готово плакать и рыдать: это и есть состояние покаяния.

2. Истинное и искреннее покаяние имеет тот отличительный признак, что оно всегда проявляется в наших наружных действиях. Молитва, слезы, пост, умерщвление плоти и вообще обуздание наших чувственных порывов — вот черты истинного покаяния. Евангелие указывает примеры. Кающийся мытарь не осмеливался даже очей своих возвести к небу; в глубине его сердца была только одна молитва, одни слова: *Боже, милостив буди мне грешному* (Лк. XVIII, 13). Апостол Петр всякий раз, слыша пение петуха, проливал горькие слезы о том, что, по своему малодушию, отрекся трижды от Христа Спасителя. Многие и весьма многие из христиан, различными обстоятельствами своей жизни доводимые до по-

каения, изменялись в лучшую сторону: для них уединение, молчаливое молитвенное настроение и присутствие в храме Божиим составляли утешение покаяния, заменяя собой прежде любимые шумные удовольствия мира. Вся их жизнь держалась той молитвой, которой каялся согрешивший св. Царь Давид: Господи! *Грех мой предо мною есть выну* (непрестанно) (Пс. L, 5).

3. Истинное христианское покаяние возможно лишь тогда, когда человек проникнется вполне сознанием высоты духовного мира, когда он будет искать духовной пользы, а не земной. У истинно кающегося человека при всех важнейших вопросах земного существования прежде других приходит на ум слово Спасителя: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. XVI, 26). Сознывая вечность души, человек понимает и переменчивость, и обманчивость благ этой жизни; он не только ничем страстно не увлечется, но и способен на все свои самые заветные стремления наложить узду терпения и покорности Промыслу Божию. Чего Бог не велел, того человек, охваченный покаянием, никогда не коснется.

4. Искреннее покаяние состоит в том, что всякий грех представляется нашей душе как смертный яд, а потому человек старается не только побеждать искушения, но не иметь их. Святые Отцы Церкви, глубокие знатоки человеческого сердца, советуют христианам хранить, как средство избегать искушений, постоянную мысль о будущей жизни и о внушениях Божественной благодати. Внушения же Божественной благодати бесконечны; они на всех ступенях зовут нас к очищению от грехов, к восстанию от греховного сна.

Горе нам, если мы малодушно уклонимся от призывающего гласа Божия: *Покайтесь, приблизилось царствие Божие!* Тогда мы услышим над собой приговор Вечной Правды: *Я звала, и вы не послушались; простирала руку Мою, и не было внимающего; и вы отвергли все Мои советы, и обличений моих не приняли. Когда придет на вас ужас, как буря, и беда, как вихрь, принесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота, тогда будут звать Меня, и Я не услышу* (Притч. I, 24–28). От такого приговора да спасет нас Господь, долготерпеливый и милосердый.

Теперь Церковь в течение всех недель, до самой св. Четыредесятницы постоянно будет раскрывать нам в своих песнопениях и молитвах, в чтении апостольском и в Евангелии убедительные доказательства необходимости неотложного покаяния. В заключение скромного моего слова, обновлю в вашей памяти слова пророка, призывающие к покаянию: *Душа согрешающая, она умрет... Беззаконник же, если обращается от беззакония своего, какое делал, и творит суд и правду,— к жизни возвратит душу свою* (Иез. XVIII, 20, 27).

Покайтесь, братья и сестры, старцы и юноши, жены и мужи, и Христос с нами. Аминь!

II

Во Христа крестившиеся, во Христа облеклись
(Гал. III, 27)

Царство Небесное, по заповеди Спасителя, обещано людям, омывшим свои грехи в купели Св. Та-

инства Крещения. По словам Иисуса Христа, принять это Таинство составляет безотложную необходимость. *Кто не родится от воды и Духа, не может войти в царствие Божие* (Ин. III, 5).

Истину этих слов Иисус Христос доказал собственным примером, когда Он, Безгрешный, Владыка творений, благоволил от смиренного пророка Иоанна принять Крещение в водах Иордана.

Мы все, здесь присутствующие, носим имя христиан, потому что все, по примеру и заповеди Спасителя нашего, приняли св. Крещение, *родились водою и Духом*. Но все ли мы — наследники небесного царствия? По учению св. Павла, для достижения вечного спасения не достаточно принять Крещение, но для этого нужно еще облечься во Христа, жить Христовою жизнью, иметь дух Христов. Все вы, *во Христа крестившиеся, во Христа облечлись*, — учит Он. Что же значит облечься во Христа, иметь Христову жизнь? Вот вопрос настоящей Недели, именуемой в церковном уставе Недель Пророчества.

1. Облечься во Христа, т.е. жить Христовою жизнью, значит жить, подобно Спасителю, в борьбе с плотью. Плоть усиливается возмутить чистоту нашей души нечистыми помыслами, беззаконными пожеланиями. И вот в человеческой душе является лень и нерадение в делах добродетели. Человек отдается всеми силами души приманкам удовольствия. Страсти, одна другой ужаснее, возбуждаются в сердце. Человек живет таким образом, что, отвращаясь от чертога небесного царствия, уготованного для чистых душ, он как бы предпочитает дух века сего. Чистая одежда души, принятая во св. Крещении, запачкана. И вот он, бедный, в лохмотьях своего изъязвленного

пристрастием мирским существа, в минуты раздумья, сознает свою нечистоплотность и плачет. Его чувствования передает известная церковная песнь: “Чертог Твой вижду, Спасе мой, светлый и украшенный, но одежды нет у меня, чтобы войти в него”.

В царство небесное войдут только трезвые, а он? В царство небесное войдут бодрые, а он? Он истерзанный, обнищавший, голодающий, жаждущий... Ангел-Хранитель его плачет, а дьявол, по выражению св. апостола Петра (см. 1 Пет. V, 8), точно взбесившийся лев стремится еще более его изуродовать, чтобы, насмеявшись, поглотить.

2. *Во Христа крестившиеся, во Христа облечлись*. По учению православных истолкователей апостольской мысли, это значит, что люди, принявшие звание христиан, с тем вместе обязались носить в сердце своем Божий страх. Это чувство — качество высокой души. Оно на простом языке называется сосредоточенным вниманием к себе, благоговением ко всему святому, чистому и честному. Страх Божий научает человека спасительной осторожности, с которой он может избегать всюду окружающих его опасностей. Истинный последователь Иисуса Христа, по выражению псалмопевца, даже *радуется с трепетом* (Пс. II, 11). Человек, исполненный страха Божия, чужд пошлости. Его чистая душа свидетельствует, что на нем всегда чиста одежда благодати, полученная им в купели св. Крещения.

3. *Во Христа крестившиеся, во Христа облечлись*. Как заметить в себе и в других это облачение Христово? По ревности и усердию быть исправными в исполнении своей должности и лежащих на нас обя-

занностей. Честный, трезвый отец семейства, любящая мать, сочувствующий добру всякий человек, опасющийся лжи и иных грехов, — вот крещеный и облеченный во Христа. Нужно ли добавлять, что облеченный во Христа вообще несет с покорностью воле Божией положенный на него обществом крест (например, нужду, нелюбовь, неблагодарность к нему родственных лиц), а свои грехопадения оmyвает сердечными слезами сокрушения и покорности в одинокой или вообще незримой миру молитве.

Взгляните же, братья и сестры, на себя... Чиста ли ваша крещальная одежда? А если она запятнана, то св. Мать наша Церковь указывает средство, оmyвающее ее. Она повторяет слова проповеди Иоанна Крестителя к народу: *Сотворите же достойные плоды покаяния. Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь.* (Лк. III, 8, 9).

Церковь повторяет и учение Спасителя, взывая к каждому из нас: *Покайся, приблизилось царство Небесное!* (Мф. IV, 17). Таков смысл настоящей недели для христиан — Недели Просвещения. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ

в праздник Сретения Господня

Святая Мать Церковь готовила нас к приближению великого праздника Сретения Господня. Если мы тщательно готовимся к принятию в дом свой всякого дорогого гостя, то тем более мы, как

христиане, должны позаботиться о приготовлении себя, чтобы достойно принять во внутренний храм своей души небесного гостя, Господа Иисуса Христа. В лице праведного мужа, удостоившегося на земле встретить и созерцать Бога, Церковь указала и нам пример встречи Господа. Праведный Симеон вполне понимал свое счастье и прославил Господа. Теперь, когда он увидел Господа, близость смерти ему стала несомненна, так как известно, что ему было обещано Богом, *что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня* (Лк. II, 26).

Почему же праведник обнаружил такое спокойствие духа при последнем конце дней? Ответ на этот вопрос дает евангелист: Симеон был праведен и благочестив.

Следовательно только праведник может бестрепетно, мирно и радостно встретить страшное лицо смерти. Побеседуем об этом сегодня в наше назидание.

1. Смерть, бесспорно, есть самое страшное бедствие, какое только может постигнуть человека на земле. Страшны для человека бедность, потеря доброго имени на земле, утрата родных, друзей, но смерть еще страшнее. Одна мысль о смерти производит в душе ужас и болезненное ощущение. Очевидно, испуг смерти зависит от того, что смерть есть неестественное состояние человека. Человек создан бессмертным как душой, так и телом. По намерению Божиию существо человека никогда не должно было расторгаться. Это предназначение неизменно осталось в человеке и выражается в любви его к жизни. Потому-то человек и боится смерти, которая расторгает душу и тело. Человек пугается минуты, в которую прервется нить той жизни, которую он любит по сво-

ей природе. К этому прибавьте неизвестность смертного часа, разлуку со всеми любимыми предметами, переход в другой мир, неизвестность будущей судьбы, — все это обуревают душу страхом, скорбью, мучительной тоской. Смерть есть одно из самых тяжких несчастий, которое мы во всей силе ужаса даже не можем вообразить.

Но как ни велико бедствие, его можно облегчить постоянным ожиданием его. Внезапное несчастье, даже и не слишком страшное, почти убийственно действует на человека, но бедствие ожидаемое уже не так ужасно. Человек, теснимый какими-нибудь постоянными бедами, получает к ним печальный навык. Так, носильщик, приученный невольным трудом носить тяжести, без особенного ужаса берется за последнюю ношу, которая своим огромным весом ослабит вконец его утружденные мышцы. Бедняк, привыкший к страданиям нищеты, с меньшим отчаянием и страхом встречает худшую долю убожества, его постигающего, чем человек, начавший жизнь в покое и довольстве. Так и смерть. Как она ни страшна, но ее спокойно может встретить лишь тот, кто о ней помнит, кто ее ожидает и к ней готовится.

Кто же эти избранные, которые беспрестанно думают о смерти и к ней приготавливаются? Очевидно, не те, для которых мысль о существовании ограничена только удовольствиями жизни. Очевидно, не те, помыслы которых направлены на искание развлечений, на мечтания о богатстве, об удобствах жизни, наследствах, подарках, случайных выигрышах и удачах. Для таких людей земная жизнь слишком хороша; в ней на каждом шагу — приятные развлечения. Та-

кие люди, очевидно, не станут постоянно беспокоить себя думой о гробе, когда земная жизнь с каждым днем несет им надежды разнообразных, неизведанных наслаждений.

Но есть люди, которых томит плоть. Она для их души, — как тюрьма для свободы, как неумолимый враг, постоянно досаждающий и осаждающий. Для таких людей смерть есть победа. Они знают, что эта гостя принесет мир их душе, обуреваемой плотью. Такие люди суть праведники.

Есть люди, которые замечают внутри себя нестроение, разлад, видя перед собой бедных, плачущих, слыша про скорби, про горе, считают землю приютом недовольства или, как называет ее пророк Иеремия, юдолью плача и скорбей. Для таких людей чем скорее оставить это состояние, тем лучше. Они веруют, что за гробовой доской соединятся со Христом, и потому непрестанно ожидают этой вожденной минуты, постоянно помнят о конце своего земного странствования. Эти люди суть праведники.

И для таких людей час смерти уже не есть нечаянность. Ложится ли он в постель, ища покоя своему утружденному телу, — стыдливые, набожные уста твердят молитву: “Господи, се ми гроб предлежит, се ми смерть предстоит... Восстану ли от сна?” Они помышляют о том последнем, долгом, долгом сне, от которого пробудит только громкая труба Архангела. Таких людей не утешит встреча со смертью. Таковыми людьми, по примеру Симеона Богоприимца, желает нас видеть христианская Церковь.

2. Задумывались ли вы над словом: умереть? Умереть — значит расстаться со всеми предметами,

которые окружают человека в этой жизни. Душа разлучается с телом; тело будет как пыль; станет оно холодным, безобразным, готовым к гниению и разложению.

Умереть — значит расстаться со всеми благами этой жизни. Богач становится беднее самого худородного, оборванного нищего; почесть, удовольствия для мертвого человека это менее, нежели для взрослого — нео-душевленные нарядные куклы. Умереть — это значит расстаться навек с близкими душе родными, друзьями... Не для мертвых восходит солнце, не для мертвых светят яркие звезды, не мертвых зовет церковный благовест, не для мертвых придет весна, потекут полноводные реки, прилетят птицы, запоют, совьют себе гнезда... Для мертвых навсегда зашла яркая заря!

Но всякую вообще разлуку без страдания может перенести только тот, чье сердце не привязано к предметам, с которыми он расстаётся, потому что сердце способно скорбеть и тосковать при разлуке с предметами своей любви. Наше сердце по природе своей стремится всегда быть вместе с любимыми предметами, обладать ими — и в этом находит свое счастье.

Разлука же лишает сердце этого удовольствия, и потому-то сердцу тяжело расставаться с тем, что оно любит. Чего же наше сердце не любит, с тем даже вечная разлука не только не тревожна, но даже успокоительна. Стало быть, и вечную разлуку с этим миром может без скорби перенести только тот, чье сердце к нему не пристрастно.

Кто же это? Очевидно, не те люди, которые свою жизнь измеряют удобством и комфортом; и не те, кому жизнь без развлечений и удовольствий кажется истомой, скукой, наказанием, печальной загадкой.

Но есть люди, которые, по совету Богослова, живут, не любя ни мира, ни того, что в мире (1 Ин. II, 15), — люди, понимающие всю пустоту преходящих, прерывающихся земных наслаждений, всю суетность земных благ и потому с осторожностью и крайней осмотрительностью ими пользующиеся. Эти люди суть праведники.

Стало быть, только они, только люди с праведной душой без тоски и отчаяния могут скончаться мирно. Грешники же, расставаясь при смерти со всем, к чему было привязано их сердце, должны испытывать тяжкую и жесточайшую тоску.

3. Час смерти — время последнего суда совести. В жизни вихрь суеты, шум разнообразных удовольствий заглушает голос совести до такой степени, что человек не внимает ее обличениям. Совесть в нем как бы засыпает. Но в последние минуты жизни она восстает во всем своем грозном величии. Здесь умолкает суета. Все удовольствия мира уходят от взора умирающего. Самые близкие люди хранят безмолвное молчание пред смертным одром отходящего из этой жизни человека.

В эти минуты начинается последний суд совести: память освещает всю жизнь, день за днем.

Можно представить, кому легко умирать. Разумеется, не тем, кто в своей жизни шел против законов и велений совести.

Но есть люди, чистые перед своей совестью. Если они и преступали ее законы, то глубоким раскаянием заглаживали свое преступление и слезами умиления омывали свои греховные язвы. Таких людей называют благочестивыми. Для них-то не ужасны предсмертные минуты. Но для человека грешного эти предмогильные минуты,

эти предсмертные суждения совести есть тяжкое предвестие другого осуждения — вечного осуждения.

Однако и праведника может смутить явление смерти. Его мысли не могут равнодушно представить себе болезненной разлуки души с телом. Для многих страшна мысль о строгости будущего суда. Но в эти минуты человеку праведному является утешительницей вера. Вера успокаивает умирающего убеждением, что Судья Господь сколько правосуден, столько же и милосерд; что в будущем веке всем предназначена блаженная участь. Ангелы небесные невидимо ободряют блаженно умирающего. Сам Господь укрепляет его Своей благодатью, и человек благочестивый, с верой в блаженную вечность, мирно, радостно отходит из этой жизни.

Потому в псалмах Давида торжественно упоминается о смерти благочестивых людей: *Честна пред Господем смерть преподобных Его!* (Пс. СХV, 6).

Господь, по Своему милосердию, скрыл от нас день и час нашей смерти для того, чтобы мы помышляли о ней. Однако, нужно признаться, немногие о ней думают. Видим смерть постоянно, но к себе этого явления не относим и живем так, как будто никогда не умрем. “Смерть еще далека, — мечтают многие, — успеем приготовиться”. Но эта мечта есть жалкое заблуждение. Разве мы не знаем, что слабое дуновение ветра, капля выпитой холодной воды была для многих близких нам людей причиной смерти? Разве мы не видим, что меч смерти разит людей даже тогда, когда они вовсе не помышляют о ней, надеясь на крепость своего здоровья? Это и называется лютой смертью грешника на земле (Пс. XXXIII, 22), которая есть признак смерти второй, по ту сто-

рону гроба (Откр. XX, 14). Ужели мы думаем, что именно для нас изменится вечный закон природы, что только мы одни не умрем? Нет, умрем и мы, как все люди умирают.

Представляйте возможно чаще смерть. Представление о ней заставит нас взглянуть разумным взглядом на мирскую суету, заставит подумать о своей вечной судьбе, побудит нас жить по совести и закону Божию. Тогда и каждый из нас удостоится мирной кончины. Тогда и каждый из нас при конце своих дней может воззвать к Владыке жизни и смерти, как Симеон: *Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, с миром* (Лк. II, 29). Аминь.

СЛОВО

перед днем Рождества Пресвятой Богородицы

Если доживем, если Господу благоугодно будет даровать нам это утешение, то на текущей седмице, в среду, будем в качестве православных христиан разделять празднество Рождества Пресвятой Богородицы. Находим полезным подготовиться к встрече этого дня. Святая Мать наша Церковь для этой цели установила предпразднество и попразднество знаменательных дней нашей веры. Мы веруем, что Пречистая Дева есть прибежище во всех обстоятельствах нашей жизни и особенно в деле душевного нашего спасения. Но воспоминание о Преподобной Деве должно возбуждать в нашей душе такие чувства, которые бы на Ее празднике не делали нас чуждыми и лишними. Эти чувства должны быть настроены разумным пониманием праздника.

1. Вспомним благоговейно, что св. Дева Мария была дочерью праведных родителей. Это было дитя из чистых желаний, святого обета, дитя утешений седой, терпеливой и благочестивой старости. Вспоминая младенчество Богоматери, вспомним молитвенно о своих родителях. Каждого из нас, несомненно, лобызали материнские уста и осеняли крестным знаменем отцовские руки. Несомненно, над каждым из нас останавливался благожелательный родительский взор. Родители благословляли нас в житейских делах и умоляли Господа ниспослать нам душевное спасение.

Воспоминание о младенчестве должно вызвать в душе воспоминание о нашей невинности, о нашей непричастности злу и порокам, о тех ангельских днях, когда сердце билось беззаботной радостью и вседовольством, когда незлобие и светлая правда стояли неусыпными стражами у нашей детской колыбели. Такие воспоминания очень полезны. Они способны в человеческом сердце открыть две двери: дверь благодарности воспитавшим нас и дверь счастливых воспоминаний о далеком, но незабвенно приятном минувшем.

2. Далее Пресвятая Дева Мария представляется юной благодатной Отроковицей. Дни Ее детства светлы, лучезарны и непорочны. Она то являлась на молитве, то у рабочего стола; читала книги, просвещая ум; исполняла трудолюбивое послушание, назначенное Ей старшими как урок.

Вспомним свое детство и те первые годы, когда мы знакомились с жизнью. Многим из нас придется вспоминать при этом и первые сознательные слезы, первые неудачи, первых врагов, наступавших на нас,

первых соблазнительей, ознакомивших нас со злом, научивших нас видеть и понимать дурных людей, дурные речи, дурные дела. При воспоминаниях минувшего человек невольно старается отыскать на своей жизненной доле следы Перста Божия — Провидения. Если мы удержались чистыми в детстве, если жизнь не срезала цветов нашей чести, нашей невинности, то кто же нас соблюдал и сохранил? Ограда нас сила Божия; спасла нас благодать Божия. Подле нас стояли Ангелы-Хранители; молилась за нас и держала над нами Свой покров Дева Владычица. Те же, для кого прошедшее сохраняет печальную память дел, вызывающую, может быть, ныне в нас горькое раскаяние и презрение к себе, согласятся, что в минуты своего увлечения, в минуты поблажки страстям они совсем забывали о Боге Спасителе, о Его чистом учении, о наставлениях своих Небесных друзей.

3. Исполнилось время, и вот в жизни Девы Марии настал великий час — час, ознаменованный событием, приведшим в изумление самые небеса. В бедный, темный вертеп к одинокой молящейся Деве Марии, с небесных кругов, по повелению Божию явился Архангел. Он Ей благовестил великую, непостижимую, утаенную от самих Ангелов тайну Божию: Дочь земли, смертная, будет Матерью Божией, будет Матерью Царя Небесного; Ее будут славословить Серафимы; Ей будут молиться все земнородные, ибо Она — благодатная, с Ней — Господь.

При воспоминании об этом чуде благодати Божией, наши души должны озаряться не только благоговением к великому делу благовестия, но и сладостной надеждой. Чье сердце не любит добра, не ищет утеше-

ний? Чье сердце не испытывало радости, не испытывало восторгов? Как ни горька, как ни тяжела наша земная доля, но сердце каждого из нас ожидает благодатного посещения, и дверь к радости ни у кого не заперта. В каждом христианском сердце есть неистощающийся родник радости.

Мы нетерпеливы, оттого радость и не обретается; мы прихотливы, оттого мы и не ценим чудотворной силы, исходящей из чистого, спокойного сердца и безупречной, беспорочной совести. Мы часто ищем живой воды в мутных потоках страстей и порока или же требуем, чтобы каменистая скала нашего самолюбия дала нам эту живую воду. Если бы мы глубже взгляделись в свою душу, то нашли бы в ней все те нетленные богатства, о которых она тоскует, которых алчет и жаждет сердце.

Да, братия, сердце человеческое скрывает в себе великий клад. Он дается только тем, кто верует, что его сердце есть великий дар от Бога, есть та обитель, где хочет жить Иисус Христос, где по нашей воле обитает благодать Святого Духа.

Очисти свое сердце, христианин, и к тебе с небесных кругов слетит Ангел-Хранитель и даст тебе благовестие о твоём великом назначении, о твоей великой будущности. Это благодатное благовестие он тебе принесет от твоего Отца Небесного, потому что все чистые сердцем суть дети и наследники вечного царства.

4. Далее жизнь Божественной Девы переплетается с жизнью Иисуса Христа.

От пелен до погребальной Его плащаницы Она шествовала с Ним одним и тем же крестным путем.

Почти вслед за рождением Спасителя Она была вынуждена бежать в чужую и далекую сторону, чтобы скрыть Богомладенца от бешенства гонителей. Нищета и бедность стали спутниками и Сына и Матери. Но это было не все. Ей приходилось выслушивать язвительное злословие на Себя и на Иисуса Христа, видеть неукротимую злобу врагов, жаждавших Его смерти, каждую минуту предвидеть страдальческую кончину Его.

И непостижимое, страшное дело совершилось: на Голгофе струилась Кровь из язв Сына Божия. Пресвятая Мать, погруженная в море скорбей, стояла у Креста безмолвной; Она материнские муки сердца приносила в жертву Отцу Небесному.

Ныне, таким образом, на празднике Богоматери, вспомнив Ее жизненный путь, мы можем понять, почему Она превознесена превыше небес и почему Она не оставила мира нашего в забвении. Следовать примеру в чем-либо всегда легче, чем самому совершать первый шаг в каком-либо деле. Дева Мария пережила все трудные минуты человеческой жизни вообще и жизни женщины в частности. Теперь, взирая на ее многострадальное земное шествие, труженикам и труженицам печальной земной юдоли легче жить, страдать, терпеть. Да, перед нами два великих образца скорби: Иисус Христос и Его Мать. Страдал и терпел Иисус, и мы должны терпеть, если мы христиане и Его ученики; страдала и терпела Дева Мария, такой же человек, как и мы. Скорби ее очистили, освятили, укрепили и вознесли к немеркнущему и незаходимому свету Божества. Следовательно и нас, се-

тующих, страждущих, болеющих, — горе, болезни, лишения и утраты могут только очистить, укрепить и закалить в добре. Укрепим свою нравственную немощь прекрасным упованием — постараемся свой тяжелый, трудный крест жизни непостыдно донести до могилы!

Тяжело нам бороться со злом и с силами мира и пороков. Но мы знаем, что Пресвятая Дева Мария всегда ратоборствует с этими силами. Апостолы молились Божией Матери, и Она подавала им способность мудрости и совершенства. Ей молились мученики и, по Ее ходатайству, переносили мужественно страдания за веру Христову. Ей молились девственники и девственницы, и Она огонь их душ превращала в пламя чистой Христовой любви; Ей молились священники и пастыри Церкви, и Она умудряла их приносить чисто и достойно жертвы и за себя, и за своих детей духовных.

5. Вот сколько светлых воспоминаний дает нам этот праздник. Будем же радостны. Доказательством этой радости с нашей стороны пусть будет одно и единое стремление — исправить свою жизнь и принести раскаяние в своих грехах. С этим желанием все будет нам во благо (см. Рим. VIII, 28). В Пресвятой Владычице мы найдем исцеление в болезнях, утешение в скорбях, заступление в напастях, пропитание в нищете и скудости. В Ней наша отрада.

Готовьтесь же встретить день Рождества Пречистой Приснодевы. Да утверждается и в нас и над нами владычество Царицы Небесной. Аминь.

СЛОВО в день Введения во храм Пресвятой Богородицы

Дивное событие воспоминается ныне Православной Церковью! Заступница всего мира перед Богом, Пречистая Дева Мария была введена в храм руками родителей. Здесь Она выросла; здесь Она приобрела ту великую благодать, которая Ее поставила выше всех святых, живших на земле, выше самих Ангелов и Херувимов, обитающих на небе.

Благодать Божия и от нас не закрыла дверей храма. Мы ходим в храм, стоим и молимся в храме и, по слову Божию, можем надеяться приобрести себе великую пользу частым его посещением. Сама Матерь Божия Своим примером, Своей высокой жизнью указывает пользу посещений храма.

1. Самой высокой добродетелью Слово Божие и опытные знатоки человеческой души называют преданность воле Божией, с забвением собственной воли и желаний. Она достигается трудно. Без ропота покориться воле Божией значит преодолеть множество величайших скорбей и искушений. Это такой путь, на котором беспрестанно запинается человек. Одному идти по нему совсем нельзя. Здесь необходимо самое опытное руководство, иначе неминуемо человек попадет в такой круг заблуждений, в котором, вместо приобретения покорности и смирения, впадает, даже для самого себя незаметно, в гордость и озлобление.

Лучшим же руководством человека на том пути, на котором он желал бы свою волю подчинить воле Божией, есть храм. Здесь, куда ни простирается ваш

глаз, везде он увидит проповедь смирения: на иконах Божиих изображены лики смиренных подвижников; стоят в церкви все вместе — и женщины и мужчины, и рабы и свободные, богатые и бедные, счастливые и бездельные, праведные и грешные. Храм — это объединение и Христово братство всех человеческих душ, искупленных Им на Кресте. Здесь, в храме, ваше ухо слышит и пение, и чтение, призывающее христианскую душу покориться, детски умилиться, покаяться, смириться. И такое чтение слышится добрым христианином из алтаря, с церковного амвона и клироса. Ни в какой семье и ни в какой школе не научится христианин тому, чему он научится в храме. Если он внимателен, то именно здесь он поймет и свое величие, ибо он есть образ и подобие Божие, и свое уничижение, ибо ничтожен по грехам своим, по ограниченности своих способностей; здесь-то познает он ту правую стезю, на которой спасается и блудница, и разбойник, и мытарь.

2. Великое украшение человеческой души составляет чистота душевная и телесная. Такой чистотой обладала выше всех земнородных Матерь Господа нашего Иисуса Христа. Потребность в чистой нравственности ощущается каждой душой. Душа наша жаждет этой чистоты. Но ее она может приобрести и научиться как беречь ее преимущественно во храме Божиим. Здесь все тихо, скромно, благопристойно и чисто. В душу вносится то благородство, то величавое целомудрие, которое уничтожает различие полов и возрастов. Для благоговейной души все люди суть добрые братья и добрые сестры. Все мы здесь — как в доме нашего Отца; на всех нас устремлен Его Божественный

взор; все мы этим взором просвещены, оцеломудрены и обожествлены. Для всех нас Церковь дала молитвы высокого содержания, прогоняющие скверные, нечистые помыслы и преступные желания.

Для благоговейного человека храм Божий — это великий образ царства небесного. Там, на улице, даже в семьях, мы оставляем земные помыслы и всякие житейские мысли; сюда же входим с телом, которое есть чистейший ларец, хранящий святыню нашего сердца. Нашим глазам, устремленным на строгие лики Божиих угодников и видящим вокруг себя себе подобных, стремящихся к водворению в душе нравственной чистоты, здесь уже нет соблазна. Самая грубая чувственность устыдится посягнуть здесь на дурное помышление. Потому-то церковь не один раз за Божественной службой совершает на нас очищающее священное каждение. Благовонная струя священного аромата чувственно дает знать благоухание Божией благодати, нисходящей на честную христианскую душу.

3. Всех нас одолевают скорби; все мы обуреваемы искушениями. Их нет разве только у беспечного или заблудшего. Да, все мы или выносим беды, или находимся в ожидании их. В мире больше плачущих, нежели смеющихся, и слава Богу! — иначе мир не сдержал бы и не стерпел людского безумия. Но самая нежная мать не сумеет осушить приветливыми лобзаниями и ласками слезы плачущего дитяти в той степени, как утешает нас Святая Церковь, если мы пред ней искренни в своей печали. Нигде, как в храме, человек не чувствует того страшного душевного надрыва, какой, в силу разных житейских обстоятельств, совершает внутри каждого из нас жизнь.

Здесь же собираются Ангелами Божиими слезы нуждающихся, позабытых, отверженных, оскорбленных, одиноких и погибающих. Здесь вдовы и сироты находят своих мужей и отцов, потому что Церковь вместе с ними молится за них, поминает их; Ангелы Божии несут к ним из земного мира в загробный небесный мир, облегчение, благу память о них. Здесь, а не в свете, падающая, покинутая женщина находит себе опору и восстание. Ее нравственную чистоту освящает сама великая искупительная благодать, явленная миру не для праведных только, а именно для грешников и грешниц. Здесь, в Божием храме, непрерывный урок терпения со всех сторон; самые камни вопиют о подвижничестве ради неба, ради спасения души.

Но не моему немому слову перечислить все Божии благодеяния, какие каждый христианин может получить в храме, не прилагая особого труда. Одно только и требуется: ходи сюда, молись благоговейно и учись познавать пути Божии и пути человеческие, стези спасения и пути неправедные.

Жизнь часто бывает бурной, как прихотливое, глубокое море. Ее свирепые волны грубо разбивают всю нашу жизнь. Разве не чувствуете порой, что воля ваша покачнулась, ум поколеблен сомнениями, сердце разбито... Но верный корабль у нас — Церковь, храм Божий. Потому-то вы замечаете, что большая часть наших храмов имеют вид корабля. Этим кораблем правит великий Кормчий, Сам Иисус Христос.

Прибегайте же, братья и сестры во Христе, под Божие покровительство по молитвам Пречистой

Матери Божией. Пусть Она нас чаще и чаще вводит в святой храм. Она вложит в нашу душу смирение; Она сохранит и тело наше, и душу нашу от мирских нечистот; Она же, Заступница усердная, научит, как переносить бедствия и печали, какие встречаются постоянно на пути нашего земного странствования. Аминь.

СЛОВО

в день Благовещения Пресвятой Богородицы

“Благовестите день от дне спасение Бога нашего”
(прокимен службы Благовещения)

Земля не осталась безмолвной при благой вести с неба, которую ждала несколько тысячелетий, и благовествовала радость великую в лице многих земнородных, достойно послуживших тайне Благовещения. Пресвятая Дева первая услышала благовестие от Архангела, первая глубоко запечатлела его в своем сердце. Приняли его с любовью и ревностно благовествовали “день от дня” всему миру апостолы, исповедники, мученики, пастыри и учителя и все истинные последователи Христовы словом и письменами, жизнью и смертью. И многие избранники приняли благовестие своим благим сердцем. Но не все приняли благу весть о спасении. Одни встретили ее злоречием, осмеянием и клеветами, другие слово благовестия старались связать оковами, сжечь в огне, потопить в крови, зарыть в могилах исповедников.

Как в наше время встречается и принимается благовестие спасения? Находит ли оно живое сочувствие

в сердцах всех христиан? И в наше время, благодарение Богу, есть истинные последователи Евангелия, которые истинами его дорожат больше, чем всякими другими, имеющими интерес временный. Но нельзя скрыть и того, что в наше время немало и таких христиан, которые очень равнодушны к этим истинам, так что весть об их вечном спасении кажется им если не меньше, то и не важнее других вестей, касающихся или временной судьбы какого-нибудь народа, или даже мелочной обыденной жизни, — такого рода новостями многими выслушивается с большим вниманием, нежели какая-нибудь евангельская истина. Отчего это происходит? Конечно, оттого, что мы с первых лет жизни не сумели осознать важности благовестия о спасении человека, и оттого, что религиозное воспитание, многими из нас полученное, не сумело развить в нас направления, при котором мы могли бы достичь христианского совершенства. Когда и как должно начинаться религиозное воспитание человека? — Побеседуем об этом, слушатели, в честь настоящего праздника.

Важнейшее время в жизни каждого — это ее первые годы, потому что будущее всегда развивается из настоящего. Направление, какое принимают в детстве наши мысли и желания, обыкновенно продолжается до конца жизни и часто решает судьбу многих навеки. У кого юность жизни проведена в суетности и рассеянности, у того продолжение и конец ее бывают по большей части несчастны. Религия требует неотложного начинания, раннего упражнения в мышлении и действовании по ее предписаниям. Если вы хотите дать детям доброе направление, при котором они мог-

ли бы достигать совершенства христианского, то должны заботиться преимущественно о том, чтобы с первых лет внушить им уважение и любовь к религии.

Неразумно держать детей первое время жизни в религиозном неведении, надеясь вознаградить все впоследствии. Когда легкомысленные и дурные правила овладели уже умом и сердцем, тогда уже больше не изучают как должно религии, чтобы не иметь ее мерилем своего поведения, а стараются о том, как бы освободиться от ее требований. Модные воспитатели обыкновенно рассуждают так: “Представления о Боге и Его откровении для дитяти слишком высоки; оно слишком слабо для того, чтобы понять истины религии, — и потому человека надо приводить к Богу не ранее, как в то время, когда пробудится ум и мыслительная способность приобретет довольно силы для того, чтобы подняться к высотам религии”. Против этого надобно сказать:

1. Что религиозное воспитание дитяти не только возможно, но весьма легко и удобно. Конечно, дитя не может обнять своим умом истин религии; но религия требует не столько ума, сколько сердца: *Блаженны чистые сердцем*, — говорит Слово Божие, — *ибо они Бога узрят* (Мф. V, 8), *сердцем веруют к праведности* (Рим. X, 10). Разум дитяти, конечно, слаб, но зато свободен от предрассудков и потому восприимчивее для истины. Что же касается до чувств сердца, то у дитяти они несравненно чище и светлее, нежели у взрослого. Сердце дитяти не обуравается беспорядочными страстями, не дышит злобой и ненавистью; оно чисто как зеркало, нежно и мягко как воск, — и потому религия удобно воспри-

нимается этим сердцем и беспрепятственно приносит свои небесные плоды. Первое пробуждающееся в человеке чувство обязанностей есть вместе и пробуждение религии в его сердце.

Первые ощущения привязанности, любви и благодарности к отцу и матери суть первые явления его религиозности. Почему же дитя те чувства, которые оно питает к видимому отцу, не может перенести и к невидимому Отцу Небесному? Почему оно, коль скоро сознает свою зависимость от родителей, не может познать своей зависимости от Творца и Хранителя всех тварей?

Почему не может оно, коль скоро почувствует любовь и доверенность к родителям земным, перенести эту любовь и доверенность к Тому, от Кого исходит “всяк дар совершен”? Божественный Наставник, Иисус Христос не только почитает детей способными к богопознанию, но представляет нам в пример их простосердечие и жажду ведения. *Славлю Тебя, Отче,* — говорит Он, — *что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам (Лк. X, 21); если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в царство небесное (Мф. XVIII, 3).*

2. Откладывать религиозное воспитание человека до позднейшего времени в высшей степени опасно. Что легче соблазнить, как ни детский возраст? Дитя не знает опытно следствий от заблуждений и пороков; оно не подозревает ни в ком обмана и верит всякому. Следовательно по какому скользкому пути пойдет оно и как скоро может пасть, если религия не защитит его пробуждающегося разума, прежде нежели овладели им предрассудки и ложные правила! Когда человек вступит в свет, повсюду подстерегают

его случаи ко греху, — повсюду люди, которые своим примером внушают расположение к чувственности. Сначала овладевает человеком робость и некоторый страх; но мало-помалу это чувство ослабевает и, наконец, совершенно может исчезнуть. Присовокупите к сему и то, что большая часть юношей в такие годы, когда они еще нуждаются в присмотре, бывают удалены от отеческого дома, без друга и советника, без надежного руководителя, предоставленные самим себе. Если они не получили в детстве от родителей прочных наставлений в религии, если они вступили на путь жизни без страха Божия и благочестия, если не познали прямого пути, то что будет с ними?

Неправы и те родители, которые, хотя с ранних лет и внушают детям истины религии, но делают это без усердия и надлежащего внимания. Первое, чем обыкновенно начинается религиозное воспитание, есть изучение молитв, которые дети утром и вечером произносят механически. Потом указывают детям на общие религиозные истины; но нередко это делается так небрежно и как бы мимоходом, что дитя не чувствует ни важности, ни значения их, — или же делается в таком грозном и повелительном тоне, что бедное дитя трепещет и боится угрозами навязанной ему молитвы. Когда приходят годы, в которые дети должны получить обширнейшие наставления, тогда они передаются на руки посторонних учителей и от них уже получают религиозное воспитание. В большинстве случаев таким образом воспитываемые дети почти всегда не бывают близки с родителями, так что до слуха последних только извне доходят вести об их успехах; плодов же наставлений родители не только не видят и не исследуют, — они не знают, какие се-

мена в душе детей взошли и какие никогда не взойдут. Дав такое воспитание детям, родители думают, что сделали все для них в религиозном отношении, и начинают заботиться о том, чтобы сделать их счастливыми в свете.

Ясно, что этому воспитанию не достает духа и жизни, а потому оно и не приносит надлежащих плодов. Только тогда религиозное воспитание будет истинно полезно для человека, когда оно глубоко проникнет в душу его, когда человек в истинах религии и исполнении закона Божия будет находить радость, утешение и счастье.

А для этого необходим добрый пример. Но кто может быть для детей ближайшим и лучшим примером как не родители? К вам имеют дети беспредельную любовь, на вас всегда устремлены их очи, за вашими действиями любят следить они непрестанно. Напрасны будут ваши слова, если вы своего богопочтения не выскажете в ваших действиях, если дети не будут видеть вас молящимися, прежде нежели сами начнут молиться. Напрасно вы будете говорить им о том, что закон христианский есть закон любви, если ваша жизнь не будет зеркалом этой любви, если у вас не будет чистосердечия в служении, ревности во вспомоществовании братьям-людям, кротости и терпения в перенесении недостатков и слабостей ближних. Примеры несравненно больше действуют, нежели наставления. И потому *горе* тому, кто соблазнит одного из малых сих (Мф. XVIII, 6)!

Заботьтесь при всяком случае, а особенно во время необыкновенных событий в жизни, указывать вашим детям на Бога и поддерживать в них чувство совершенной зависимости от Его святой воли.

3. Заботьтесь о том, чтобы учению христианскому дать силу и жизнь вашим примером и наставлением, не забывая и того, чтобы сколько можно долее поддерживать невинность и простосердечие детей. Там обитает вера и доверие, где природа не испорчена искусством света. Истинные достоинства, по учению Слова Божия, суть не внешние, а внутренние (см. Лк. XI, 39—40). Но как часто родители забывают эту важную истину и детей своих очень рано ведут в свет и знакомят с приманками чувственности! Такое легкомыслие есть непростительный грех против счастья детей. Дитя, доколе дом родительский служит для него миром, невинно смотрит на жизнь; ему кажутся люди столь же добрыми и кроткими, как оно само; о большей части погрешностей дитя не имеет никакого понятия. Но вы сами изгоняете его из его домашнего рая, и оно встречает множество предметов, которых еще очень долго не имело бы нужды видеть; в нем возбуждаются чувства, которые в позднейшие годы, может быть, и не явились бы; ему встречаются предметы, которые рассеивают его мысль и портят невинное сердце.

В заключение всего обратим свое благоговейное внимание на Пресвятую Деву, Которая первой сподобилась принять благовестие от Архангела. В Ее высоком примере мы увидим тот путь, которым должен идти каждый из нас, чтобы достигнуть дерзновения непостыдно и безбоязненно благовествовать Евангелие Спасителя нашего. Пресвятая Дева в трехлетнем возрасте была введена в храм Господень и там воспитывалась; чему и как научилась Она, это показывает самое место воспитания. Перед Ее глазами были всегда не преходящие образы мира, а образы не-

видимого и небесного; слух ее наполнялся не шумом суеты мирской, а молитвами и песнопениями, возносимыми ко Господу. Оттого и душа Ее более и более отрешалась от земного и приближалась к небесному.

Таким образом, Пресвятая Дева еще задолго до Благовещения предрасположила душу Свою к принятию его. Вот где причина, что тайна Благовещения принята Ею с готовностью, глубоко запала в Ее сердце и неизгладимо запечатлелась в нем.

Итак, первоначальное воспитание под святым покровом веры и Церкви, в страхе Божиим и благочестии, — вот что нужно для того, чтобы тайна Благовещения Христова вкоренилась в сердцах христиан. Приложим же старание о сем, да и мы достигнем спасения Бога нашего. Аминь.

СЛОВО

в день Покрова пред иконой Божией Матери, именуемой “Благодатное небо”

*Дева днесь предстоит в церкви
и с лики святых невидимо за ны молится Богу*
Кондак Покрову Божией Матери, глас 3

Такая песнь составлена в честь праздника Пресвятой Богородицы.

Это назидательное и утешительное песнопение невольно должно каждую христианскую душу утвердить в мысли о необходимости благоговейного присутствия в храме и утешить скорбные наши сердца тем, что за каждого из нас есть Предстательница пред Богом.

Чудный, славный Покров Богородицы распростерт над нами. Матерь Божия молится с нами. “Дева днесь предстоит в церкви”. Где же Она? Мы не видим Ее чувственно в церкви, а видим Ее святую икону.

Она предстоит невидимо, видит наши скорби и слышит молитвенные вздохи. Где есть вера и любовь к Ней, там Ее присутствие, там Ее помощь.

Ее молитвенное ходатайство пред Богом несомненно. “Невидимо за ны молится Богу”. Разумеется, Она могла бы предстоять в виде Царицы Небесной, со всеми знаками величия и могущества, но Она — взгляните на священное изображение иконы — предстоит в виде смиренной Рабы и как бы со скорбным сердцем, с лицом, полным думы. Для чего это так? Для того, чтобы мы знали, что Она и в небе — Та же Раба Господня, Какой была на земле, и зная это, чтобы мы понимали, как важны в жизни человека смирение и простота. Это — два качества, возвышающие человечество. В них заключается вся правда жизни. Матерь Божия “молится за ны”.

И мы молимся, но только не так, как должно. Наши молитвы часто бывают непостоянны, холодны, слабы и недостаточны. Потому благосердая Пречистая Матерь принимает на Себя труд восполнять наши молитвы и возносить их к Престолу Божию. Она нашим молитвам дает устойчивость, Она вносит в нашу душу огонь любви, Она укрепляет душу, обуреваемую сомнениями, и досказывает слова и мысли, нами недосказанные; Она тоскующей душе ниспосылает святую дружбу и от Благодатного неба низводит блаженные упования и живую радость.

Источник небесного милосердия неоскудеваем. Всякому можно черпать из него. Однако весьма многие жаждут и страдают, как бы позабытые в радостях жизни. Но это зависит уже от человека, а не от Божественного милосердия. Сам человек не понимает своего назначения, своей задачи, не сознает цели своей жизни. Мы часто самоуверенны, оттого и не ощущаем благосердия небес; в нашей душе умирает вера, иссякает чувство небесной любви и расширяется лишь одна чувственность. В этом состоянии для обуреваемых лучшей Защитницей и спасением является Богородица. Помолись Ей, человек, и в душу твою снизойдет кроткая радость!

Испытания, окружающие нашу жизнь, часто печалят нас. Одна беда несет другую; за прошедшим горем наступает новое нечаянное бедствие. Человек себя чувствует в осаде, в плену у невидимых врагов и — увы! — сомневается в сочувствии видимых друзей. Но в этом тяжелом состоянии человек не остается одинок. У него есть невидимая Заступница, неслышимая Молитвенница — это Богородица. Она — наш истинный и невидимый Покровитель; Она нас нечаянно и неожиданно избавляет от бед и напастей, подает чудное мужество и терпение в скорбях и страданиях, сообщает необыкновенную радость чувствам и мир сердцу.

Когда вам, христиане, тяжело, когда терзают вашу душу мысли обуревающие, — а эти мысли часто так же гнетут душу, как сильный ветер колеблет тонкое дерево, — прибегайте к Богородице с молитвой. Она есть твердая стена и всегда готова покрыть человека грешного и бедствующего Своим Покровом.

От Благодатного неба Она ниспосылает на землю молящимся светлость уму, сердцу чистоту, воле крепость. Осеняемые Ее Покровом, все радостны: богатые щедро помогают, бедные не ропщут. Чтобы быть под спасительным Покровом Богородицы, одно важно и нужно: надо подражать Ее добродетелям. Будем же радостны в убеждении, что с нами и за нас невидимо молится Богу Мать Божия.

Мать Божия! Пресвятая Богородица! Небо Благодатное! Спаси нас! Аминь

СЛОВО

в день празднования иконы Богородицы “Нечаянная радость”

*О Всепетая Мати, нынешнее приемши приношение,
от всякия избави напасти всех...*

Кондак 13 из акафиста Божией Матери

I

Скромно собрались мы помолиться пред иконой Божией Матери, испросить у Нее радости не только видимой и ожидаемой, но даже хотя желанной, но нечаянной. Однако вот вопрос: стоим ли мы радостей и понимаем ли истинную радость?

1. В своей самомечтательности мы можем утвердительно отвечать на этот вопрос, но этот ответ будет с нашей стороны неразумная смелость. Дерзновенной речью и смелыми поступками в обществе нам подобных людей, где на каждом шагу борются страсти, человеку смелому очищается дорога. Не то бывает в христианском самовозношении души к Богу и Его святым. Здесь освобождают путь вперед только глубочайшим

смирением. Приведу пример, думаю, уже многим знакомый, из жития преподобной Марии Египетской.

Мария была великой грешницей. Однажды, прогуливаясь по столице, она вздумала, среди праздного досуга, войти в церковь. Однако, вступив на паперть, она почувствовала, что какая-то невидимая сила оттолкнула ее от входа в сам храм. Через это неожиданное и внезапное препятствие вдруг вспомнилась Марии вся ее прежняя жизнь, которую можно было назвать сборной ямой позора и всякого нечестия. Оглядевшись вокруг, Мария заметила на стене перед собою образ Пресвятой Девы. К подножию этого святого лика склонилась потрясенная пробудившейся совестью грешница и перед ним изливала свое исповедание. В церковь мимо Марии проходило много людей, всяких людей и со всяким поведением. Она их не видела, она молила Пречистую, не отвергающую грешников, об указании и ей средств исправления. Теплый, животворный луч веры упал на сердце грешницы; нечаянно она нашла свой путь, по которому и пошла. С него она уже не сходила до конца своей жизни, — она шла по нему целых сорок лет.

Нечаянно зашла в церковь и нечаянно нашла в ней новую жизнь. Так редко бывает с людьми, но бывает. Шла в церковь безнравственной, отошла от святой иконы чистой, ангелоподобной. Пример Марии для многих из нас может быть очень назидательным. Несомненно, многие из нас вошли в св. храм если не с христианским совершенством, то с доброй совестью, но нет сомнения и в том, что иные из нас идут в храм, стоят в нем без должных чувств, без благоговейного сознания святости этого места. Оттого наша душа не выносит из храма впечатлений радости; мы

ее внесли грешной в храм, а из храма уносим еще грешнее. Последствием внешних молитв, очевидно, будет не радость, а уныние, озлобление, отчаяние. Таким образом, для обретения нечаянной радости надобно иметь нравственную подготовку, т. е. иметь в душе охоту и желание осознать свою нечистоту и греховность, покаяться, умилься.

Пречистая, Всепетая Мать принимает приношение чистое, простое, а не путанное и смешанное. Нравственная подготовка и есть именно то “приношение”, о котором поется в слышанной вами сегодня церковной песни. Как добрейшая мать, Богородица принимает от каждого из нас посильно приносимое, и молитвенно пред престолом Божиим восполняет наши недостатки и избавляет от напастей и бедствий.

2. Беды и напасти, которые обрушиваются на нас, неисчислимы. Они и подле нас, и в нас самих. Напасти и горе сушат и терзают человеческие сердца. Многим из нас недостает ни слов — высказать свое горе, ни слез — оплакать свое несчастье. Мы стоим на таком роковом пространстве, где все утраты, беды и бедствия: в одном месте родители умирают прежде времени, и дети остаются безматерними сиротами; в другом — преждевременная смерть; там — неожиданно страждущие, болезнующие и чающие только Христова утешения.

Не перечислить безутешных, плачущих и выплаканных уже свои слезы в этом мире. Но в том-то и дело, что творцами нашей печали являемся, по большей части, мы сами. Мы привыкли только протестовать, заявлять недовольство, жаловаться и роптать. А, между тем, нам следовало бы прежде ропота и жалоб обдумать свое горе, рассеять самообольщение:

если не станем преднамеренно закрывать глаза на правду, себя выгораживать и обелять,— придется сознаться, что мы сами многим, многим виноваты в своих несчастьях.

Сознав же это, нам должно исповедать пред Господом свои грехи, исповедать их пред Заступницей о грешном мире. Тогда только унимается и стихает буря душевных волнений и в душу вторгается нечаянная радость. Отнимается часть — дается целое: за некоторое сделанное над собою нравственное усилие мы получаем полный отрадный мир душам нашим. Пали дорогие слезы, но на них возросли благотворные семена истинных, непредвиденных, негданных утешений.

Господи! Мы не были бы христианами, не были бы честными людьми, если бы позабыли, что у Тебя всегда “всякое даяние благо и всяк дар совершен”! Взамен одной утраты Ты даешь новое сокровище. На горьком пережитом занимается заря сладостных упований...

Вот назидание и урок, как христианину понимать и принимать нечаянную радость, получаемую через Матерь Божию, Которая избавляет молящихся от всяких зол. Будем же со смирением и упованием взирать на ее пречистый образ “Нечаянная радость”. Аминь.

II

На св. иконе Богоматери “Нечаянная радость” изображен молящийся, коленопреклоненный грешник. На него падает полный отрады кроткий взор Пречистой.

Кто же этот грешник? Какой он страны и рода? К какому принадлежит званию и состоянию?

В лице этого грешника изображается всякий христианин, обремененный грехами и ищущий у Богоматери успокоения надломленному искушениями и соблазнами сердцу, ибо Она молится за всех нас, — и за монахов, и за мирян; и за богатых, и за бедных; и за сильных, и за немощных; и за счастливых, и за несчастных; за вдов и за горьких сирот, — за всех и о всех.

Мир и свет, в котором исполняем свое земное назначение, — это бурное море, неизведанная, никем еще не определенная пучина. Человек в мире — это безустанный пловец, неволей более, нежели по воле, борющийся с непокорной стихией. Живет он не так, как хочет, а как велит Бог. При покорности Провидению жизнь еще сносна. Но всего чаще человек не уразумевает воли Божией, протестует и возражает.

Посмотрите, на жизненной арене, куда ни ступим — везде преткновение; за что ни возьмемся — везде неудачи. Грех загоразивает, словно стеной, отовсюду дорогу; в юности мы нерассудительны и пылки, в зрелом возрасте — тщеславны, расчетливы, себялюбивы, в старости — скупы, самомнительны и упорны.

Так грустна земная жизненная дорога. Святые отшельники называли ее юдолью слез и плача. Однако как свет солнца проникает даже и в глубокие рвы и в подземелья, так милосердие Божие сияет и над нашими душами. Миру греховному, миру гордому, корыстолюбивому, своекорыстному, завистливому и ревнивому Господь Бог послал Премилостивую Утешительницу и Наставницу — Богоматерь, Деву Пречистую Богородицу.

Пред Ее пречистым образом людям молящимся ниспосылается с небес умиление. Она простирает над

ними Покров Свой шире облака и избавляет нас от всяких зол. Молится у престола Божия, подает Свои дары всем независимо, вносит довольство и радость в наши сердца. Будем же держаться Ее руководства. Ни одного дня не будем начинать без молитвы к Ней. Всякое облегчение, всякую радость сердца будем считать Ее дарами, знаком Ее милости к нам. Будем пред образом Ее молиться, чтобы Владычица не отвела Своего взора от нас в дни и часы скорби и горя. Будем молиться, чтобы не постигла нас преждевременная, неестественная или внезапная смерть. Будем Ей молиться, чтобы Она отвратила от нас, от наших детей, от наших сестер и братьев гнев Божий, праведно на нас нашими неправдами движимый.

Молитвы сердечной, усердной, постоянной достойна Пресвятая Владычица. В час смертный, в час разлуки нашей души от многогрешного тела Она тем, кто Ей усердно молится, успокаивает душу, прогоняет от умирающего демонские полчища, и души наши, Ею научаемые, спасаются. Поистине, Она, Пречистая, Надежда даже безнадежным и Утешение плачущим; поистине, Она есть всем грешникам Нечаянная Радость. Аминь.

СЛОВО

в начале Успенского поста

*Бодрствуйте и молитесь,
чтобы не впасть в искушение*
(Мф. XXVI; 41)

Вот совет Иисуса Христа Своим ученикам. Он всегда поучителен и спасителен, в особенности теперь, когда мы, по милости Божией, вступили в

двухнедельный, Св. Церковью установленный, пост.

В прошедшее воскресенье с этого священного места мы, разъясняя этого дня Евангелие, уподобляли, пользуясь указаниями Св. Отцов Церкви, человеческую жизнь морю, где ни минуты без опасности. Это не слова одни, но действительность и опыт доказывают их истину. Не буду исчислять бедствий, обременяющих человечество, не буду вызывать несчастных, оглушающих нас своими воплями и жалобами. Мысленно вспоминаю о тех, кого мир называет счастливыми. Мир ошибается: безусловных счастливых не существует. Если они себя так называют, то достойны сожаления. Они дремлют и не чувствуют, как червь гложет корень цветка, который они сладостно и утешительно обоняют. Очень часто те самые блага, которые составляют человеческое счастье, бывают источником неожиданных бедствий. Очень, очень часто человек, подобно мухе, вязнет и погибает в сладости, которой желает себя удовлетворить. Пока грех гонится за человеком, он не может быть счастливым. Вот почему Сам Иисус Христос предлагает каждому верующему в Него деятельное средство, как избавиться от напасти. *Бодрствуйте и молитесь*, — говорит Он, — да не ввидите в напасть. В чем же состоит бодрствование, избавляющее нас от напастей?

Воин не дремлет, если знает, что вблизи его находится неприятель, готовый, подкравшись, погубить его. Так же осторожным должен быть всякий христианин, отовсюду преследуемый злейшим человекоубийцей от начала (Ин. VIII, 44), т. е. диаволом.

1. Христианин должен бодрствовать над своими мыслями. Так как мысль предшествует каждому слову и действию, то искушитель прежде всего нападает

на мысль человека. Он старается отклонить ее от Бога и совести и занять какой-либо страстью. Так как от “юности борют нас страсти” и помышления на злое, то врагу нетрудно нападать на человека и делать его своим пленником. Но благодатью Иисуса Христа мы искуплены от этой неволи. А не то ждет нас беда, напасть, горе, если мы при нападении искушителя не оградимся благодатью или, по неосторожности, увлечемся и подчинимся ему.

Случалось слышать от людей, будто мысли в полной нашей власти и сами мы что хотим, то и мыслим. Так говорят незнающие науки духовной жизни. Если мы — христиане, то не можем не замечать, как искушения непрерывно борются с человеческими мыслями. Не стану указывать на известных подвижников, отличавшихся в духовной борьбе с обольстителем, сеятелем неправды, зависти, лукавства; я укажу на собственное наше сердце. Например, вы теперь стоите в храме и слушаете, что священнодействуют в нем. Не замечаете ли, как в это же самое время мысль ваша непрерывно скользит и уклоняется от настоящего предмета — куда-то? Вы этого не хотите, но какой-то ветер разносит ваше внимание, и в самое время молитвы вы принуждены мыслью теряться в мечтаниях. Тысячу раз вы отгоняете рассеянность, и тысячу раз она возвращается к вам. Что это значит? Отчего такое непостоянство чувствований? Отчего против нашей воли вторгаются в душу нежеланные помыслы?

Сам апостол Павел выражал скорбь человеческого бессилия такими словами: *Доброго, которого хочу, не делаю, а злого, которого не хочу, делаю* (Рим. VII: 19). Всякий злой и безнравственный помысел в душе, всякое нечистое намерение в нашем уме, всякое по-

стыдное движение в сердце нашем исходит от лукавого: он отец лжи и в истине не стоит (см. Ин. VIII, 44). Он никогда не оставляет человека в покое. Своими внушениями он, как червь, точит наше сердце. Как же нам бодрствовать над нашими мыслями, чтобы распознать такого хитрого противника?

Бодрствовать — значит хранить в своей душе оружие; это оружие — благодать. С благодатной помощью Божией припомним заповеди Христова учения и ими отобьем все выпады своего врага. Приходит ли, например, мысль отомстить недругу? Отвергнем ее, потому что она диавольская. Христос заповедовал любить ненавидящих нас.

Представляется ли случай удовлетворить сладострастия? Избежим его, потому что этот соблазн есть отравленная стрела, пущенная диаволом. Христос заповедовал чистотою сердца подражать невинным младенцам.

Возникает ли страсть корыстолюбия, честолюбия? Необходимо истребить корень этих коварных внушений: они диавольские. Христос заповедовал искать сокровища на небесах, учил не возносить себя, но смирять. Если мы остерегаемся дурной встречи с людьми ненадежными и двери дома своего держим в осторожности от порочных и преступных посетителей, то как же не осудить себя, если не остережемся держать свою душу — наше вечное и бесценное сокровище — в незащитности от хитрого вора?

2. Христианин обязан наблюдать за своими словами, потому что искушение через мысли переходит в слово. Ирод помыслил угодить бесстыднице, свою мысль подтвердил клятвой перед всеми и был вынужден снять голову с Иоанна Крестителя. Иуда

Предатель помыслил о сребренниках и продал врагам своего Учителя. Велик грех помыслов, но пока он не обнаруживается словом, до тех пор он в нашей власти: мы можем его покорить. Но слово, вышедшее из уст, уже невозвратно. Оно может оскорбить, причинить обиду, убить невинные, немощные в вере души. Припомним, как упрашивал своих учеников апостол Павел удерживать уста от гнилых слов, как заповедовал им избегать сквернословия, пустословия и гадких шуток насмешливости. О, если бы мы вспоминали советы ап. Павла, писанные им к людям Ефесской церкви! *Я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего... и ожесточению сердца... Вы... познали Христа и в нем научились обновиться духом ума вашего... Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших... Всякое раздражение, и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякой злобою да будут удалены от вас* (Еф. IV, 17 — 20, 23, 29, 31).

Может быть, скажете: трудно быть осторожным всякую минуту. Правда, *дух бодр, плоть немощна* (Мф. XXVI, 41). Нельзя уберечься от греха. Но для этого предлагается нам, кроме бодрствования — к отвращению напастей, — молитва и таинства. *Бодрствуйте и молитесь!* (Мф. XXVI, 41) Для этого воздвигнут этот храм. Для этого и ныне мы собрались здесь. Не для этого ли мы начали пост, чтобы привлечь к себе покровительство Царицы Небесной?!

Братья и сестры! *Много может молитва.* (Иак. V, 16). Хотя ее сила приписывается наиболее праведникам, *ибо грешников, Бог не слушает* (Ин. IX: 31), но кто знает, сколько находится в числе молящихся

праведников? Если моя молитва недостойна милости Божией, то, кроме меня, здесь находятся такие, молитву которых Бог слышит.

Несмотря на наше недостойнство, Бог не уничтожит нашего молитвенного жертвоприношения. Особенно наше общее совокупное молитвословие никогда не может быть отвергнуто Богом. Святой пророк Давид в радости и восхищении духа воскликнул: *То хорошо и то прекрасно жить братьям вместе!* (Пс. СXXXII, 1). Следуя ему, осмелюсь и я воскликнуть: “Как хорошо и как прекрасно молиться вместе”. И как не молиться нам? Благодарность за избавление миновавших скорбей и за устранение других непредвиденных бедствий заставляет нас обращать ум и сердце ко Пресвятой Богородице и просить Ее помощи. “Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды разве Тебе, Владычице мира! Ты нам помози, на Тебя надеемся и Тобою хвалимся! Твои бо есмы раби, да не постыдимся!” Аминь.

ПОУЧЕНИЕ

в дни Успенского поста

В дни поста, переживаемого нами в благоговейных любящих чувствованиях ко Пресвятой Пречистой Богородице, Помощнице в наших радостях и скорбях, — нет лучшего источника для назидания, как в земной жизни Ее искать для себя примера и применения.

Вся земная жизнь Пресвятой Богородицы оказалась в Ее безграничной преданности Господу. Пренепорочная, обреченная родителями, она Сама обрекла Себя во всех случаях Своей жизни Свою волю, Свое

сердце, Свой ум, — всю душу Свою — погрузить в волю Господа, говоря: *Се раба Господня* (Лк. I, 38).

Бог — Творец неба и земли. Вся вселенная в Его вседержительной деснице. И самые неразумные, бессловесные, даже неодушевленные творения чувствуют свою подчиненность перед Господом. *Господь царствует: да радуется земля; да веселятся многочисленные острова. Облака и мрак окрест Его. Правда и суд — основание престола Его. Молнии Его освещают вселенную; земля видит и трепещет. Небеса возвещают правду Его, и все народы видят славу Его* (Пс. ХСVI, 1, 2, 4, 6).

Кто же из людей не знает, что от Господа зависит наша жизнь и по своему началу, и по своему продолжению и концу? О такой обязанности, как всецелая преданность Господу Богу, которая внушается природой, не нужно было бы и напоминать человеку: ибо кто может противиться воле Всевышнего? Но Господь не хочет делать насилия над нашей свободой. Он желает, чтобы чувства нашей преданности Ему были следствием не одной Его власти, но свободным действием нашей к Нему любви. Как отец к сыну или дочери, Он обращается к человеку: “Сын мой, дочь моя! дай Мне свое сердце!” Господь Бог не требует от нас ума, не требует подарков и внешних приношений, но желает одного — сердца. Согласитесь, надо быть ужасным существом, чтобы отказать Господу в исполнении такого желания.

Человек без Бога, с одной своей свободой, оставленный на произвол самому себе, есть несчастнейшее из всех творений во вселенной. Представьте младенца, сидящего на краю ужасной пропасти. Это будет слабое изображение человеческой жизни, отовсюду

окружаемой бедами и напастями. Беды в реках, беды на горах, беды от разбойников, беды от родственников, беды в городах и деревнях, беды на море, беды в ложном братстве. Но сколько еще невидимых зол и бедствий! Стоит только человеку взглянуть в историю собственного сердца, чтобы понять, что оно в пережитом, в переживаемом представляет собой пространное море грозных опасностей. Неожиданно наше сердце порождает ложные чувства, посылает к ложным словам и делам. Наверное, замечали такие явления: утром в семье был лад и мир, а к полудню ссоры, угрозы, попреки, разрыв. Что ни шаг, то и опасность. К кому же человек прибегнет среди таких опасностей!? — К Богу, благочестивые слушатели, к Богу!

Бог нам прибежище и сила, помощник и покровитель. Несомненна истина 90-го псалма, в котором изображается человек, *живущий в помощи Вышнего* (Пс. ХС, 1). Этот человек живет в крове Бога Небесного более безопасно, чем хозяин в своем доме. Против недругов он окружен защитой силы непобедимой. Он живет, как бы носимый на руках ангельских. Он безвредно наступая на аспида и василиска, попирает льва и змея. И что еще? Такой человек долго не старится, его жизнь исполнена долгих дней.

Многие скорби постигают и праведников, но преданность Божией воле облегчает все неприятности и всякого рода несчастья. Она растворяет их такой отрадой, которая заставляет радоваться в бездолье и муках. Преданный Господу Богу человек подобен горе, которая неподвижно стоит на одном месте целые века, сколько бы ее ни рыли и ни ломали. Постигает ли его несчастье, утрата? Вместо того, чтобы роптать, унывать, приходиться в отчаяние, он на крыльях

молитвы возносится к Престолу Всевышнего и десница Господня исторгает его из челюстей зла. И в самых объятиях смерти преданное сердце не изнемогает. В лицо врага жизни, оно повторит слова псалма: *Если я пойду долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною!* (Пс. XXII, 4)

Самонадеянность и надменность — несносные свойства даже перед людьми. Они противны и Господу Богу. Многие из людей воображают, что успехом своей жизни они обязаны только силам своего ума, своего достоинства. Они ошибаются. Чтобы укрепить безопасность собственной жизни, обеспечить свою участь, сколько измышляется планов, предначертаний! Но все эти затеи, как паутинные тенета, от одного дуновения ветра расторгаются.

Что значит мудрость, если в человеке нет благородного смиренного сердца? Чего стоит человеческое просвещение, блистательный ум, высокая, почетная должность, если человек, обладающий ими, сам в то же время обладает гнусными страстями? Полагаться на собственные силы — значит своими руками строить себе погибель.

Мы, христиане, подражая Божией Матери, свою волю погрузим в волю Всевышнего и будем от Него ждать указаний и помощи на все доброе, потому что любящим, говорит св. ап. Иаков, Бог во всем на благо помогает. Намереваемся ли что-либо начать? Испросим, прежде всего, благословение свыше. Успели ли что-либо хорошее совершить? Воздадим не себе славу, но имени Господа дадим славу и честь. Прибавилось ли что-либо новое к нашим совершенствам? Обратимся с благодарностью к Отцу Света, от Которого исходит всякое даяние доброе и всякий дар совершенный (Иак. I, 17) Недоумеваем

ли мы в чем-нибудь, не знаем, как поступить в известном предприятии — начать или не касаться? Здесь, в особенности нужна в высшей степени преданность Господу Богу, Который Свои тайны открывает младенцам и умудряет слепцов. Благодеянием ли мы или терпим? Во всяких обстоятельствах жизни да будет благословенно Имя Господне. Никто столько ни приятен Господу Богу, как любяще преданный Его воле. Устами Своего пророка Господь говорит: *На кого воззрю? Токмо на кроткого и трепещущего словес Моих.*

Христианская душа! Если тебе тяжело от оков, какими обстоятельства жизни удручают, скажи молитвенно Господу: *Се раба Господня, буди мне по глаголу Твоему!* (Лк. I, 38)

Христианская душа! Если Господу Богу благоудно будет взять у тебя все, что имела дорогого и отрадного, как у Иова, скажи: *Се раба Господня, буди мне по глаголу Твоему!*

Христианская душа! Если Господь захочет взять твое здоровье, твое имение и забрать тебя от бременной плоти, разлучить с землей и со всеми твоими земными надеждами и упованиями, — расставайся благодушно и воскликни: *Се раба Господня, буди мне по глаголу Твоему!* Аминь.

ПОУЧЕНИЕ

накануне Успения Пресвятой Богородицы

Сотворил Мне величие Сильный
(Лк. I, 49)

Действительно, Богоматерь возвеличена; в сонме созданных разумных творений Божиих Она возвеличена превыше не только всех людей, от

века угодивших Богу, но названа “Честнейшей Ангелов, Херувимов и Серафимов”.

Многочисленные праздники в Ее честь всегда отличаются особенным приветом. Человечество в этих праздниках чтит Богоматерь не только благоговейным выражением веры, но оно чувствует в них Заступницу, Споручницу, Молитвенницу, Ходатаицу, Отраду и Утешение мира. Из всех же праздников Богородичных, Церковь особенно торжественно украшает день Ее славного Успения. “Твое славят... Успение... Силы и Херувими и страшнии Серафимы: радуются земнородные, припадают вернии со Архангелы и Ангелы” (Стихира Успению Божией Матери, глас 1).

Жизнь св. Девы Марии на земле была скромная и смиренная. Ее доля напоминает собой долю многих, наиболее же тружениц — дев и женщин, которые в тишине и безвестности ведут богоугодную жизнь. Не выдвигалась Она из толпы смиренниц, любила Она уединение и простоту, слышала о Себе и вести нехорошие, и слухи неподобные; слышала, плакала, страдала и молчала. Но вот настал и для Ее земной доли последний день. И этот день был день чудес. Скромная доля земная превратилась в небесную славу; Ее гроб стал бессмертным источником исцелений и чрезвычайных чудес для устрашения неверующих, Ее славное Успение стало славным Воскресением.

Богоматерь подавала пример Своей жизнью, подает нам пример и уясняет значение смерти.

Успение Пречистой поучает, что “живот предобручает смерть”, что христианская кончина есть венец жизни, что смерть для добрых христиан есть дверь к тому полному внутреннему успокоению, которого,

большую частью, каждый из нас ищет на земле. Жизнь человека представляется как сцепление многочисленных узлов. Так или иначе, по воле его или без его воли, но эти узлы, чем более живем, тем более запутываются. Одна только честная смерть их развязывает. Последнее дыхание, последний луч сознания освещает пред человеком тайну разрешения этих многосложных узлов.

Многие при жизни своей славны; многих чувствуют; многие не живут, а славно мчатся в шумной колеснице по жизненному пути. Все им покорно, достижимо, все уступает дорогу. Они летят быстро, чтобы не упустить наслаждений; нужда, болезни жизненные как будто сторонятся от них. Но есть и иные: вся их жизнь есть дневник скромности и работы. Тихо и без шума, по долгу и по совести, безмолвно они исполняют свое дело, которое их ищет. Молчаливые и добросовестные труженики не стремятся угодить миру, не желают от всех слышать похвалу, не ищут почетных мест и перемещений, они и утром и вечером готовятся к одному — как отдать отчет за свою жизнь Богу.

Кончается жизненное поприще. Достигли своей могилы и те, жизнь которых мы сравнили с нарядной, быстро несущейся колесницей; и скромные игоносцы, закоптелые, изможденные трудом. След первых, как пыль, разнес ветер... Были они, и их нет!.. Таково последствие суетной жизни: эти люди умерли, совсем умерли.

Иной исход добросовестных тружеников и тружениц. Их незаметный миру труд возрастет видимо в мире, и не сокрушит его разрушительное время. Позабудут их наружность, их речи и голос, позабудут их

имя, но посеянное ими зерно благочестия, благопристойности, доброй правды возрастет и принесет добрый и сторичный плод... О таких людях нельзя сказать, что они умерли, а следует сказать — они уснули. Уснули много потрудившиеся, утомившиеся, усталые, добрые работники. Таким Человеком была и св. Дева Мария, такими и мы должны быть. Аминь.

СЛОВО

в день Успения Божией Матери

Ныне Православная христианская Церковь прославляет дивный праздник Успения. О нем предсказывал в боговдохновенном псалме еще за полторы тысячи лет царь Давид. В 44-ом псалме изображена Царица, Матерь Божия, путем Успения и гроба введенная в чертог Царя Христа. Вслед за Матерью Божией в эти же райские обители введены и души человеческие, души христианские, освященные и очищенные Пречистой Кровью Господа нашего Иисуса Христа: *Слава дочери Царской внутри. Одежда ее шита золотом. В испещренной одежде ведется Она к Царю. За Нею ведутся девы, подруги Ея. С ликованьем веселым приводятся, Входят в чертог Царя... Сделаю имя Твое памятным в род и род; Будут народы славить Тебя во веки* (Пс. XLIV, 14–16, 18).

Эта высокая честь предстоит всем нам. Исключительно от нас самих зависит ею воспользоваться. Чтобы достигнуть почести и славы, которыми награждена Царица Небесная, живущим на земле необходимо идти вслед Ее. Как Она жила, так и нам

следует жить. Тогда в славе и чести совершится наше отшествие из этого мира. Мы уснем для земли, но воскреснем для неба; и на небе сподобимся быть причастниками благодатной славы Матери Божией.

Главной ступенью, которой Святая Дева возшла от земли на небеса, было глубочайшее смирение. Под печатью смирения была сокрыта вся ее земная жизнь. Величие и достоинство Божией Матери могут быть понятны только уму и чувству таких людей, которые научатся ценить добродетель смирения.

Вся земная жизнь Богородицы была полна одной долей — безвестностью и уничижением.

Родители Ее, люди бедные, добывали себе пропитание честным и безустанным трудом. Трудовая жизнь кротких людей, однако, не пользовалась уважением, которого она стоила. Их поносили и презирали.

Когда людям, ведущим трудовой образ жизни, приходится терпеть еще укоризны и нарекания, то такую участь можно назвать вполне несчастной. Многие ее не выносят. Сердце их гибнет; они перестают верить в высшую справедливость и делаются действительно дурными людьми. “Отчего стал ты таким грубым и дерзким? Где ты потерял честь?” — спрашиваем мы у некоторых. “Оттого, — отвечают они, — что с нами были грубы и дерзки. Люди сперва отняли у нас честь, а потом уже нам не осталось, чего жалеть”.

Родители Девы Марии покорно перенесли испытание и неправду людскую. Они слезной молитвой омывали людское поношение и незаслуженное уничижение. На чистых слезах выросла благословенная радость: родилась Пренепорочная Дева.

Однако Ее Рождение никого не привело в восторг, кроме родителей. А о том, что в рожденной от них

Отроковице мир узрит Мать и Источник Жизни для человечества, — не подозревал никто, даже и сами родители. Младенчество Св. Девы также покрыто глубокой сокровенностью.

Ее сердце, в котором Она слагала глаголы Божии, было слишком смиренно, чтобы даже само в себе помыслить о грядущем величии Своем как Матери Бога.

Когда об Иисусе Христе распространилась слава на земле, о Матери Его все забыли. Ее вспоминали только в укор Господу, выставляя на вид Ее униженное происхождение и состояние. В евангельском рассказе не много повествуется о Ней, однако и там мы находим Ее просящей у Своего Сына милостей людям.

Наконец, видим Богоматерь на Голгофе, у Креста, где лютая и неизобразимая скорбь Иисуса Христа пронзила и Ее сердце. После крестных страданий Мать Божия удаляется в полнейшую безвестность и остается незаметной в сонме апостолов.

Последний день земной жизни Богородицы ничем не отличается от общей участи земнородных: путем смерти и гроба Она перешла к нескончаемой блаженной жизни.

Только с этого времени открылась на земле во всем свете и величии Ее пренебесная слава. С этих пор все христиане, без различия пространства, места и времени ублажают Преподобное имя Ее. Обещавшись святым апостолам не оставлять христиан Своим заступлением, Она не умолкает в молитвах о нас, недостойных.

О чудесах заступления Божией Матери написаны тысячи книг. Но есть лучше книг — живые свидетели чудесного Ее предстательства: и в сельских жилищах, и в шумных городах, и в царских чертогах, —

всюду, где живут люди, призывающие на помощь Царицу Небесную, замечают великие дела Ее чудесного заступления. Она Питательница нищим, “Воспитание” детям, “Целительница” болящим, Подавательница “Нечаянной радости” ненадеющимся, “Отрада и Утешение” миру, Заступница усердная всех, всех людей...

Какое же назидание мы извлечем для себя в нынешний праздник Богородицы, возвеличенной выше Херувимов и Серафимов?

Главное, что путь к небесной славе называется смирением. Только унижающий себя возвысится — сказал Иисус Христос. (Лк. XVIII, 14).

Да, смирение — истинное достоинство человека. Мне всегда представляется ясный и простой пример для смирения: чем выше предполагают строить здание, тем глубже должен быть для него фундамент, чтобы оно могло стоять прочно. Это правило житейской опытности приложимо к духовной мудрости. Не тот умен, добр и вообще нравствен, кто держит себя гордо, самовозвышенно, но тот истинно добродетелен и мудр, кто живет, работает и трудится, не услаждаясь ни своими трудами, ни своими добродетелями. Вот ответ одного мудреца на вопрос: кого считать великим человеком? Замечай: человек велик в той степени, в какой способен смиряться (см. Сир. III, 18).

Надо признаться, что в нашей жизни, частной и общественной, есть много мелочности. Эта мелочность часто отнимает всю красоту наших поступков и деятельности. В нас часто действует душевное самоослепление. Нам кажется, что мы очень хорошие люди; нам кажется, что мы делаем все так, как должно; живем как должно, как должно трудимся, мыслим и

чувствуем. Это состояние души — самое опасное, напоминающее заблуждение тяжело больного человека, переставшего уже различать острые боли в своем теле и почитающего себя на пути к выздоровлению. Трудно говорить с таким самохвалом, который не хочет понять, что, по выражению Иоанна Богослова, он, в сущности, и *окаянен, и беден, и нищ, и слеп, и наг* (Апок. III, 17).

Кроме самовозвышения, есть еще одна гнусная низительнейшая черта в людях, от которой нехорошо бывает жить многим, это — тщеславие. Сколько людей все свои усилия направляют к тому, чтобы об их трудах, об их добродетелях не только думали, но говорили и трубили во всеуслышание? А между тем, главная сила христианской добродетели заключается в сокровенности. Истинный христианин должен бояться не только доброй молвы, но даже лишнего внимания к своим добродетелям. Истинный христианин так осторожен, что даже, согласно со словом Евангелия, прячет дело, сделанное правой рукой от своей левой руки (см. Мф. VI, 3). Есть дорогие, прекраснейшие цветы, которые придают своей красотой изящный вид комнате, где стоят; наполняют своим благоуханием малое пространство. Если же высадите этот цветок на воздух, то ветер улетучит его аромат, а красота его затеряется среди других предметов. Так и добрые дела теряют духовную красоту и ценность, если совершаются ради похвал человеческих. Истинное доброе дело чуждо тщеславия. Не только Господь, даже и люди не награждают тщеславных.

В житейской суете сует человек делает себе кумира для самовозвышения из всего. Один гордится сединами, хотя эти седины только по цвету серебристы,

но не прибавили ему ни ума, ни скромности в поведении. Другой отыскивает предлоги надменности в своей телесной красоте. Третий гордится званием. Четвертый нисколько не утомляется в десятый и двадцатый раз громко пересчитывать и благовременно и безвременно свои многообразные достоинства. Все эти лица, может быть, миру кажутся только смешными, но с христианской точки зрения они глубоко жалки, а ведь так нескромно прославляющих свои достоинства не единицы, а сотни людей!

Кому не известно, какое мелкое тщеславие заставляет людей домогаться наград за заслуги. Бедные искатели! Получая награду таким путем, вы уже получили свою мзду, и не дожидаться вам иной от Господа. Отсюда постоянные жалобы на то, что высшие невнимательны к низшим. Отсюда завистливое соперничество — при успехе, уныние и озлобление, при неудаче. Стремление уронить в мнении общества почтенного деятеля, найти дурные черты в выдающемся среди житейской заурядности человеке — это все работа той же тщеславной мысли: почему он, а не я?

Не забывайте же, христиане, что Матерь Божия прославилась глубочайшим смирением. Ее гроб будет лестницей к небесам только для тех, которые в своей душевной чистоте и простоте дела великие делают тихо и сокровенно. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ

о наследстве

По Вознесении Иисуса Христа, Матерь Божия более пятнадцати лет жила в Иерусалиме. Современное Ей общество христиан благоговейно

чтило Ее и за великое счастье считало угодить Ей, чем кто мог, по своим средствам и достаткам. Когда Она окончила на земле Свою благочестиво-подвижническую, многострадальную жизнь, то оказалось, что наследникам Ее делить было нечего. После Нее, свидетельствует история, осталось: пояс и две одежды. Одежды, по Ее завещанию, отданы были двум бедным вдовам.

В наше время так часты разговоры и беседы о вещественных наследствах. Иной труженик, честный и благородный, исполнив свое дело, вместо покоя и отрады задумывается о том, что если надломится его силы, как управится семья от бедности. Другой, умирая, не столько ужасается кончины своей, сколько страшной ответственности за то, что он не накопил сокровищ своим присным, У иного опускаются трудовые руки, не умевшие вовремя удержать, не умевшие сыскать эти средства вещественные, при которых даже будто бы и смерть красна. У богатого похороны блестящи, точно празднество; у богатого на похоронах самые слезы не те, что на похоронах у бедного, самый траур торжественен, наряден... И вот вошло уже в нашем обществе как бы в обычай, слыша о кончине покойника, прежде всего спрашивать, — сколько после него осталось... Вопросы о том, как он жил, что это был за человек — в сторону. И вот в похоронной процессии богатого умершего движется длинный ряд колесниц, множество народа; за гробом же бедняка — два, три человека, а иногда даже никто, совсем никто не дает ему последнего целования, хотя Церковь зовет в песнопении: “Приидите, дадим последнее целование умершему”. Нет ему почести, нет ему поцелуя. Согласи-

тесь, зрелище тяжкое, безотрадное, но только по видимости.

И по отшествии Божией Матери у Нее ничего не осталось: вещественных стяжаний она не собирала. Но Ею оставлено на земле великое наследство, неистощимое сокровище. Христиане собираются с целью просить себе долю из Ее наследства: это Ее божественный Покров, которым Она осеняет молящихся. Что значит Покров Божией Матери? Ее молитвы за нас грешных, почему Церковь и называет Ее “Богородицей, в молитвах неусыпающей”. Ее иконы повсеместно чудодействуют. Все мы знаем, что “много бо может моление Матернее ко Владыке”. Но каждый ли из нас может воспользоваться Ее духовным наследством?

Да, но только на всякое наследство нужно иметь законное право. Кто хочет воспользоваться заступлением и покровительством Пресвятой Богородицы, пусть прежде спросит свою совесть, пусть мысленно подумает, имеет ли он право называть Ее Матерью? Право называть Ее Матерью дано было Иисусом Христом св. Иоанну Богослову. Он ему с Креста сказал: *Се Матерь твоя* (Ин. XIX, 27). Следовательно Богородицу своей матерью могут называть люди, уподобляющиеся св. Иоанну Богослову. Прямой наследник Богоматери есть тот, кто исполняет заповеди Божии. Она действительно есть Заступница грешников. Но каких? Тех, которые привержены к вере православно-христианской и далеки от вольнодумства; тех, которые закон Божий чтут; тех, которые хранят целомудрие, девство и вдовство; тех, которые непричастны тяжким грехам; тех, которые более или менее чисты, врачуют свои немощи Св.

Христовыми Тайнами; которые понимают смысл своего назначения и в тяжкие дни и часы искушений взывают к Ней молитвенно: “Нескверная, Неблагая, Пречистая Дева Чистая! Угаси страстей смущение, утиши бури наших прегрешений”. Все таковые находят Покров Божией Матери над собой; они Ее наследники. Отсюда следует и прямое назидание: следует запастись качествами, при которых мы можем прибегать сами под Покров Владычицы и вводить под этот широкий Покров свои семьи, своих детей. Под Покровом Богородицы нет сирот: всем Она Воспитательница, и Учительница, и Утешительница.

Нечего огорчаться, что, умирая, останемся без вещественного наследства, не обеспечим лиц любимых и родных достоянием золота, серебра и многообразных ценностей. Послушайте, что предсказывает мудрец древнего времени: *Наследие детей грешников погибнет, и вместе с племенем их будет распространяться бесславие* (Сир. ХLI, 9). Самое дорогое наследие для лиц, остающихся после нас — благочестие. Помоги бедняку, не побрезгуй нищим, не пожалей для храма Божия, не отталкивай сироту — и будь уверен, что Господь не допустит до нищеты ни детей, ни людей, для тебя дорогих и милых. Когда читаете Псалтирь, то не забывайте останавливать сердечное свое внимание на 36-ом псалме, именно на следующих словах: *Был я молод и состарился, однако не увидел праведника оставленного и детей его просящих хлеба* (Пс. XXXVI, 25). Не правда ли, внушительные слова? Очень внушительные. Всего на свете дороже богатая всякими дарованиями благодать Божия — это наследие нетленное и дорогое, не по заслугам, а по Божией благодати всем дару-

емое; всего на свете дороже Покров и заступление Божией Матери... О, если бы этот Покров Божественный нас осенял! И тогда для нас, право, все равно — прикроют ли наше мертвое перстное тело грубым холстом или шелковой тонкой тканью, повезут ли нас под торжественным катафалком, будут ли нас провожать массы людей к последнему земному прибежищу или же чужие руки опустят, чужие руки засыпят в темной могиле наше бренное тело. Главное — с нами будет Покров Божией Матери в руках нашего Ангела-Хранителя. Аминь.

Бог, когда увидит кого благодарным за прежнее, ниспосылает ему еще большие дары; постараемся же и мы возносить ко Господу посильную благодарность за блага, нам дарованные от Него, чтобы нам удостоиться еще и больших; и не будем никогда забывать оказанных нам благодеяний Божиих, но всегда содержать их в уме нашем, дабы памятование о них побуждало нас к постоянной благодарности, хотя они так многочисленны, что ум наш не в состоянии и исчислить Божиих щедрот к нам.

Итак, если мы захотим размышлять о них и воздавать по силам нашим благодарность Богу, то можем снискать еще большее Его благоволение, и возбудить в себе сильнейшее расположение к добродетели. В самом деле, памятование о благодеяниях сильно возбуждает к подвигам добродетели и располагает человека презирать все настоящее, прилепляться к столь великому Благодетелю и ежедневно выказывать живую любовь к Нему.

*Из «Беседы 27 на книгу “Бытия”»
святителя Иоанна Златоуста*

СОДЕРЖАНИЕ

ПОУЧЕНИЕ ПЕРВОЕ	
I.....	3
II.....	7
III.....	10
ПОУЧЕНИЕ ВТОРОЕ	
о расслабленном.....	14
ПОУЧЕНИЕ ТРЕТЬЕ.....	19
ПОУЧЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.....	22
ПОУЧЕНИЕ ПЯТОЕ.....	26
ПОУЧЕНИЕ ШЕСТОЕ.....	29
ПОУЧЕНИЕ СЕДЬМОЕ.....	32
ПОУЧЕНИЕ ВОСЬМОЕ.....	36
ПОУЧЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.....	40
ПОУЧЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.....	44
ПОУЧЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.....	47
ПОУЧЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.....	51
ПОУЧЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.....	55
ПОУЧЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.....	60
ПОУЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.....	64
ПОУЧЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.....	70
ПОУЧЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.....	75
ПОУЧЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.....	78
ПОУЧЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.....	85
ПОУЧЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ.....	88
ПОУЧЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.....	91
ПОУЧЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.....	96
ПОУЧЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ	
I.....	102
II.....	109
ПОУЧЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ	
I.....	113
II.....	116

ПОУЧЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ.....	119
ПОУЧЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ.....	124
СЛОВО о хранении непорочной совести. В день двенадцати апостолов.....	130
ПОУЧЕНИЕ в последнее воскресенье поста первоверховных апостолов.....	137
СЛОВО о добродетелях, ради которых св. апостол Иоанн называется возлюбленным учеником Иисуса Христа.....	146
СЛОВО в день преставления св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова I.....	151
II.....	154
ПОУЧЕНИЕ о нищете духовной	
ПОУЧЕНИЕ о христианской нравственности.....	161
ПЕРВОЕ ПОУЧЕНИЕ перед праздником Рождества Христова.....	164
ВТОРОЕ ПОУЧЕНИЕ перед праздником Рождества Христова.....	168
СЛОВО на Рождество Христово.....	171
СЛОВО о воплощении Сына Божия I.....	174
II.....	177
III.....	180
IV.....	183
СЛОВО в воскресный день перед наступлением Нового года.....	188
СЛОВО в день новолетия.....	191
ПОУЧЕНИЕ в день праздника Крещения Господня.....	196
СЛОВО в повечерие Богоявления Господня.....	198
СЛОВО в день собора св. Иоанна Крестителя.....	201
ПОУЧЕНИЕ о дарах благодати Божией (Произнесено в неделю просвещения).....	204
ПОУЧЕНИЕ об истинном покаянии	

I.....	208
II.....	212
ПОУЧЕНИЕ в праздник Сретения Господня.....	215
СЛОВО перед днем Рождества Пресвятой Богородицы.....	222
СЛОВО в день Введения во храм Пресвятой Богородицы....	228
СЛОВО в день Благовещения Пресвятой Богородицы.....	232
СЛОВО в день Покрова пред иконой Божией Матери, именуемой “Благодатное небо”.....	239
СЛОВО в день празднования иконы Богоматери “Нечаянная радость” I.....	242
II.....	245
СЛОВО в начале Успенского поста.....	247
ПОУЧЕНИЕ в дни Успенского поста.....	252
ПОУЧЕНИЕ накануне Успения Пресвятой Богородицы.....	256
СЛОВО в день Успения Божией Матери.....	259
ПОУЧЕНИЕ о наследстве.....	264

Издательство им. свт. Игнатия Ставропольского, строго соблюдая авторские права других издательств и авторов, считает, однако, неуместным понятие авторского права в издании православных книг, т. к. авторство слова Божия принадлежит Богу. По традиции не принято подписывать православные иконы, т. к. их автор — Святой Дух. Летописцы и многие древние духовные писатели по смирению скрывали свои имена. Мы будем рады любым перепечаткам книг нашего издательства, кроме особо оговоренных, авторы которых против переиздания без их согласия. Если какую-либо книгу нашего издательства перепечатают, это будет свидетельствовать только о том, что книга хорошая и нужна людям.